

Усятская россыпь

РЕГИОНАЛЬНАЯ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ГАЗЕТА. АЛЬМАНАХ

Выпуск №16 апрель 2019 год

«Не будите русского медведя»

К. Фролов, Стр. 2

Учредитель и издатель: ООО Редакция «Литературно-художественной газеты альманах «Усятская россыпь».

Свидетельство о регистрации «ПИ ФС 12-1286», выдано Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Сибирскому федеральному округу 12.02.2007 г.

Адрес редакции: 653013, ГСП, Кемеровская область, г.Прокопьевск, ул. Алмазная, дом — 56.

Адрес издателя: 653013, ГСП, Кемеровская область, г.Прокопьевск, ул. Алмазная, дом — 56.

Директор/гл. редактор: Гуляев А.Н. (м.т.: 8 906 987 1955).

Технический редактор: Танкова Л.А.

Время сдачи в печать 25.04.2019 г.: по графику — 14.00; фактически — 14.00.

Дата выхода 29. 04. 2019 г.

Газета отпечатана офсетным способом на типографской базе МУП ТРК «Киселёвск». Адрес типографии: 652070, Кемеровская область, г. Киселёвск, ул. Унжакова, 14.

Газета распространяется на территории Кемеровской области.

Объём 14.0 п.л.; Заказ № 62733; Тираж 1000 экз.

Цена договорная.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

16+

- 1 – Константин Фролов: «Люби Отчизну больше, чем себя!» - стихи, стр. 2–3;
- 2 – Иван Кожемяко: «Крымские миражи» - проза, стр. 4–8;
- 3 – Галина Яковлева: стихи, стр. 9;
- 4 – Василий Руденков: стихи, стр. 9;
- 5 – Александр Макатревич: «Соло для двоих» - пьеса в стихах, стр. 10–11;
- 6 – Юрий Гамов: «Крылья с крестами» - стихи, стр. 12;
- 7 – Ольга Малюк: «Я благодарна, жизнь, тебе!» - стихи, стр. 13;
- 8 – Александр Васюнов: «Главное дойти!» «Вечность для маленьких душ» - проза, стр. 14–17;
- 9 – Аделья Мачкова: «Я хочу написать журавля» - стихи, стр. 18;
- 10 – Ирина Игнатова: «На перепутьях ста дорог» - стихи, стр. 19;
- 11 – Владимир Неунывахин: «Я пишу для души» - проза, стр. 20–21;
- 12 – Наталья Вершинина: «Край, куда меня звали» - стихи, стр. 21;
- 13 – Людмила Танкова: «Сказы старой крепости» - проза, стр. 22–24;
- 14 – Николай Скударнов: «О берёзах не пишет ленивый», - стихи, стр. 25;
- 14 – Владимир Спиртус: «Каскады светлых облаков» - стихи, стр. 26;
- 15 – Елена Острых: «Я возвращаюсь к любимым местам» - проза, стр. 27;
- 16 – «Две книги о любви и дружбе» - стихи, стр. 28–29;
- 17 – «Город. Библиотека. Книга» - конкурс одного стихотворения, стр. 30;
- 18 – Людмила Иванова-Выгловская: «Вам за всё, за всё спасибо» - стихи, стр. 31;
- 19 – «На крыльях «Аэрокузбасса» на Тёплый ключ» - публицистика, стр. 32–39;
- 20 – «Книга о великом подвиге» - публицистика, стр. 40–41;
- 21 – Николай Миронов: «С мухой не пью», «Вынужденный жить-2» - рассказы, стр. 42–43;
- 22 – Вячеслав Елатов: «Вертикаль» - литературоведение, стр. 44–52;
- 23 – Руфина Максимова: стихи, стр. 52;
- 24 – «Дни Любви Никоновой» - 2019, стр. 53;
- 25 – «Если гора не идёт у Магомету...» - слово редактора, стр. 54–56.

Константин ФРОЛОВ

Фролов Константин Юрьевич родился 04.01.1956 г. в г. Урджар, Семипалатинской области, Казахстан. В 1957 году семья вернулась на родину отца в г. Новохоперск Воронежской обл., где в 1971 г. окончил музыкальную школу по классу фортепиано. В 1978 г. окончил исторический факультет Воронежского государственного педагогического университета и 5 лет работал директором восьмилетней школы в Воронежской области. В 1983 году переехал в Крым, работал художественным руководителем ДК, в Крымской госфилармонии (в группе народного артиста СССР Ю. И. Богатикова).

В 1998 г. основал дуэтный театр «Улыбка Пьеро», является его художественным руководителем, режиссером и сценаристом. Писал песни и романсы и снимался в художественных фильмах «Мужская компания», «Моя граница», «Одна любовь души моей», «Сармат», «Залив Страстей» и др. Увлечения: лёгкий-спортсмен, парашютист, радиолубитель, яхтсмен, путешественник, видео-оператор, музыкант.

Кавалер ордена «За верность Долгу», Республика Крым, 2017.

Член союза писателей России, 2013.

Член союза театральных деятелей России, 2015.

Заслуженный артист Автономной Республики Крым, 2008.

Лауреат государственной премии Крыма, 2000.

«Люби Отчизну больше, чем себя!»

Не будите русского медведя

Милые заморские соседи,
Сытые, вальяжные, как боги,
Не будите русского медведя.
Пусть он мирно спит в своей берлоге.

Не мешайте царствовать и править,
Есть и пить, покуда сердце бьётся.
Вы себе не можете представить,
Чем для вас всё это обернётся!

Вы уже не раз его пинали,
Унижали, посыпали пылью,
На Голгофе русской распинали,
Жгли огнём и в проруби топили.

И когда уверенность в победе
Доводила вас до сладкой дрожи,
Рык утробный русского медведя
Раздавался вдруг у вас в прихожей.

Что ж вам, братцы, дома не сидится?
Так и тянет, прилетев на запах,
Щедрую российскую землю
Взять и отобрать у козлапых!

Сколько лет мыслишкой лукавой
Ваши переполнены газеты,
Мол, «какое мы имеем право
На одну шестую часть планеты!»

Мы сюда пришли по божьей воле,
Честь свою ничем не замарали.
И не вам судить о нашей доле!
Мы своё богатство не украли.

Наши нерушимые основы —
Паруса да звонкие подковы,
Беринги, Хабаровы, Дежнёвы,
Ермаки, Поляковы, Зайковы.

Дамы, господа, синьоры, леди,
За черту ступая ненароком,
Не дразните русского медведя:
Ваше баловство вам выйдет боком.

Вы его обманете стократно,
В кабаке обчистите до нитки,
Ведь у вас любая милость — платна,
Ваши боги — золотые слитки.

Ваше кредо — разделяй и властвуй,
Ваша правда — это правда Силы.
Вы привыкли восседать над паствой,
Неугодных одарив могилой.

А вот русский в каждом видит брата,
Не приемля скаредность и лживость.
Для него всего важнее — Правда,
А всего дороже — Справедливость.

Потому со дна любого пекла,
Где никто другой не сможет выжить,
Русский вдруг поднимется из непа,
Из трясины и болотной жижи.

Выветрит угар кровавой битвы,
В чистом роднике омоет очи,
Пред иконою прочтёт молитвы...
И придёт к вам в дом однажды ночью.

Весь пропахший порохом и кровью,
Поведя вокруг усталым взором,
Он замрёт у вас над изголовьем
И в глаза посмотрит вам с укором.

И пока вы свет не погасили,
Спросит он, бывшее подытожив:
— Ты зачем пришёл ко мне в Россию?
Или я тебе чего-то должен?

Вы поймёте, что пришла расплата.
Но платить, как оказалось, нечем.
Русский бы простил, наверно, брата.
Только ж вы не брат ему, а нечисть.

И душонку, сжавшуюся в плоти,
Теребя под хмурым взглядом гостя,
Вы тысячекратно проклянёте
Глупую идею «Дранг нах Остен».

Жаждающие новых территорий
Для бейсбола, ребеи или гольфа,
Почитайте парочку историй
Про Наполеона и Адольфа.

Поумерьте пыл парадной меди!
Отвечать за глупости — придётся!
Не будите русского медведя.
Может быть, тогда и обойдётся.
25.10.2014

Мы русские!

Один чудак с лицом фальшиво-грустным,
Ютясь в салоне своего «порше»,
Сказал: «Мне стыдно называться русским.
Мы — нация бездарных алкашей».

Солидный вид, манера поведения —
Всё дьяволом продумано хитро.
Но беспощадный вирус вырождения
Сточил бесславно всё его нутро.

Его душа не стоит и полушки
Как жёлтый лист с обломанных ветвей.
А вот потомок эффиопов Пушкин
Не тяготился рускостью своей.

Себя считали русскими по праву
И поднимали родину с колен
Творцы российской мореходной славы
И Беллинсгаузен, и Крузенштерн.

И не мирясь с мировоззреньем узким,
Стараясь заглянуть за горизонт,
За честь считали называться русским
Шотландцы — Грейг, де Толли и Лермонт.

Любой из них достоин восхищенья,
Ведь Родину воспеть — для них закон!
Так жизнь свою отдал без сожаленья
За Русь грузинский князь Багратион.

Язык наш — многогранный, точный, верный —
То душу лечит, то разит, как сталь.
Способны ль мы ценить его безмерно —
И знать его, как знал датчанин Даль?

Да что там Даль! А в наше время много ль
Владеющих Великим языком,
Как, например, хохол Мыкола Гоголь,
Что был когда-то с Пушкиным знаком?

Не стоит биться головой о стенку
И в бешенстве слюною брызгать зря!
«Мы — русские!» — так говорил Шевченко.
Внимательней читайте кобзаря.

В душе любовь сыновнюю лелея,
Всю жизнь трудились до семи потов
Суворов, Ушаков и Менделеев,
Кулибин, Ломоносов и Попов.

Их имена остались на скрижалях
Как подлинной истории азы!
И среди них как столп —
старик Державин,
В чьих жилах — кровь татарского мурзы.

Они идут — то слуги, то мессии,
Свой крест неся согбенно на плечах,
Как нёс его во имя всей России
Потомок турка адмирал Колчак.

Они любовь привили и взрастили
От вековых истоков и корней.
Тот — русский,
чья душа живёт в России!
Чьи помыслы — о матушке, о ней!

Патриотизм не продают в нагрузку
К беретам, сапогам или пальто.
И коль вам стыдно называться русским,
Вы, батенька, не русский. Вы — никто.

А. Михайлову
Загадочная русская душа...
Давайте-ка подумаем, не спеша.
Найдём внутри упрямую суть
И разберёмся вместе как-нибудь.

Вселенную, в мерцании огней,
Творец создал всего лишь за семь дней.
Был замысел Его весьма непрост —
От инфузаций до гигантских звёзд.

Вот свет и тьма, вода и твердь земли,
Вот облака, парящие вдали,
Родник, сквозь лес крадущийся тайком,
Угрюмый шмель, звенящий над цветком,

Моллюск, след оставляющий на дне,
И птички стаи в синей вышине.
А чтобы ночь была не так грустна —
Вот вам на небе звёзды и луна!

Упорно, без помощников и слуг,
Трудился Бог, не покладая рук.
И день настал, когда Господь изрек:
«Ну, что ж, пора! Да будет Человек!»

Поразмыслив над глиняным куском,
Смешав его с водою и песком,
Бог сотворил прообразы всех рас
По цвету кожи и разрезу глаз.

Когда же русских создавал Господь,
Он бросил в глину Совести щепоть.
Чтоб, как маяк, зовущий впереди,
Твердила: «Не убей! Не укради!»

Гордыню на смирение смени!
Поверивших в тебя не обмани!
Последнее голодным отдавай!
Не гневайся! Не трусь! Не предавай!

Не верь низкопоклонникам-льстецам!
Не потакай невежам и глупцам!
Не омрачай обидою чело —
Лишь слабый бесконечно помнит зло!

Соблазном сладким душу не губя,
Люби Отчизну больше, чем себя!
Свой тяжкий путь слезою окропи,
Но целый век терпи! Терпи! Терпи!»

Так сотни лет из потаённых мест
Мы, русские, несём свой вечный крест,
Чтоб будущим потомкам завещать
Умение видеть, слышать... и прощать.

За сотни вёрст, в беспамятстве, в бреду
Умение сердцем чувствовать беду,
И даже к тем, кто трижды предал нас,
Спешить на помощь в их нелёгкий час.

Мы пережили не одну войну
И две попытки развалить страну.
Но, как ни выла подлая орда,
Мы выжили! И будет так всегда!

Нам не пристало с пеною у рта
Доказывать, в чём наша правота.
Пусть помнят те,
кто нашей смерти ждёт —
«Собака лает — караван идёт».

Не зовите меня в Бундестаг!

Мне не жалко погибших немецких солдат,
Что хотели с землёю сравнять Сталинград,
Этих Гансов и Фрицев, лежащих в могиле,
Потому что они мою землю бомбили.

Мне не жалко лоснящихся, наглых и потных,
Опьяневших от крови безмозглых животных.
И заворост, что брошен был в пламя пожара,
Их настигла вполне справедливая кара.

Предо мной на столе —
желтизна фотографий,
Где смеются довольные асы Люфтваффе.
Это те, кто, нарушив святые законы,
Санитарные подло бомбил эшелоны.

Наши школы, больницы, дома, магазины
С их нелёгкой руки превратились в руины,
А на то, что дышало, любило, мечтало,
Были сброшены адские тонны металла.

Мне румын, итальянцев и венгров не жалко!
И плевать — было холодно им или жарко!
Все они в мою горькую землю зарыты,
Потому что убийцы должны быть убиты.

Я нарочно взвалил эту память на плечи,
Чтоб вовек не дымили в Освенциме печи.
Чтоб никто не познал, что такое — блокада,
Голод, холод и лютая ночь Ленинграда.

Кто-то будет доказывать мне со слезами:
— Мы — солдаты Германии! Нам приказали!
Вот и фото детишек, и крестик на теле.
Мы в России нечаянно! Мы не хотели!

Пусть они будут клясться,
больны и плешивы.
Только я им не верю! Их слёзы фальшивы!
Их потомки забудут войны «ароматы»,
И с готовностью в руки возьмут автоматы.

Нам, увь, не вернуть
наших жертв миллионы.
Перед нами незримо проходят колонны.
От начала войны до девятого Мая
В наши души стучит эта бездна немая.

Не осталось живого, поистине, места
От Мурманска до Крыма,
от Волги до Бреста.
На полях, где гуляли незванные гости,
До сих пор мы находим солдатские кости.

Между нами и Западом пропасть бездонна.
По Россия не мстит никогда побеждённым.
Не тревожьте вы Имя Господнее всуе!
С мертвецами наш гордый народ не воюет.

Мне не жалко погибших немецких солдат.
Их порочные души отправились в ад.
Не зовите меня в Бундестаг! Не поеду!
И не буду прощенья просить за Победу!

Наполеон в Москве

(200-летию
Отечественной войны 1812 г.)

Пылала Русская земля,
Гудел набатный звон.
В палатах каменных Кремля
Не спал Наполеон.

Неразговорчив и угрюм,
Сидел он за столом,
И вихри невесёлых дум
Кружили над челом.

Хоть Небо посылало знак,
Но им он пренебрег.
И сразу всё пошло не так,
Как замыслил стратег.

Мираж растаял, словно воск,
И пала пелена:
Пред ним — упорство русских войск,
И «скифская война».

Уж нет в лесах чужой земли
Былого куража.
Две русских армии прошли
По лезвию ножа!

К назначенному randevу
Пробились на штыках,
Лихого маршала Даву
Оставив в дураках.

На лабиринт походных карт,
Сжимая кулаки,
Взирал угрюмо Бонапарт,
Ходили желваки.

И как бы ни был утомлён,
И сколь ни пил вина,
Он вспоминал, как страшный сон,
Кошмар Бородина:

Отборных войск могучий вал,
Как многорукий спрут,
До поздней ночи штурмовал
Всего один редут!

И что услышал он взамен
Блистательных побед,
Спросив, а сколько взято в плен?
— Мон сир, а пленных нет.

Покуда чувствует нога
Земли родную твердь,
Солдаты милости врага
Предпочитают смерть!

Их генерал Багратион
Стоял подобно льву!
И не один наш батальон
Остался там, во рву.

Сияло солнце высоко,
Сменив ночную тьму.
Уже тогда бы глубоко
Задуматься ему!

Вот роковая та черта!
За ней — лишь мрак да тишь!
Не лучше ль бросить всё к чертям!
И ну — домой, в Париж!

Но верой, что победы ждут,
Как брагой опьянён,
Урокам битвы за редут
Не вял Наполеон.

И чёрный ангел пролетел,
Зашторив неба синь...
Лишь ночь да груды мёртвых тел.
Всё кончено. Аминь.

В Европе путь всегда один
В любые времена -
Взял, скажем, Велу иль Берлин -
И кончена война!

Народ, понятно, в стороне.
За всех решает знать.
А в этой варварской стране
Как можно воевать?!

Ну, где ещё встречали вы,
Чтоб, яростью ведам,
Обычный мещанин Москвы
Сам подпалил свой дом!

Чтоб развернуть в обратный путь
Непрошеную рать,
Не дать ни охнуть, ни вздохнуть,
Ни перезимовать.

Винить Всевышнего грешно -
Он всем за всё воздал.
Наполеон смотрел в окно
И всё чего-то ждал.

Впервые, на исходе дня,
Необъяснимый страх
Зловещим отблеском огня
Дрожал в его глазах.

Когда под ложечкой сосёт -
Внутри вскипает злость.
Он вдруг почувствовал, что всё
Лишь только началось:

Казачий посвист, волчий вой,
Коварный русский лес,
За Малоярославец бой,
За Вязьму, за Смоленск.

А уцелевшие в огне
И те обречены -
Они останутся на дне
Реки Березины.

Цель, что, казалось, так близка -
Лишь грёзы да обман.
И станут призраком войска
Двадцати стран.

Они прочувствуют всерьёз
Сквозь тонкую шинель
И обжигающий мороз,
И выюгу, и метель.

И глаза тощая рука
Терзать им будет плоть.
И отвернётся на века
От грешников Господь.

Камина пламенный азарт
Грел спину горячо.
Вдруг как-то зябко Бонапарт
Повёл своим плечом.

И процедил сквозь узкий рот,
Не повернув главы:
— Седлать коней! Трубить «поход»!
Уходим из Москвы.
10.01.2012

Надпись на стене

Война. Сорок первый.
Разбитый снарядами дом.
Перовные строчки на стенке.
Как видно — штыком.
«Остался один. Из оружия только наган.
Умру, но не сдамся!»
И краткая подпись — «Иван».

Как часто встречали мы надписи
наших солдат!
Орёл, Севастополь, Одесса,
Ростов, Сталинград...
Сквозь пламя пожаров и едкий,
удушливый дым
Они были твёрдо уверены — Мы победим!

И вот — сорок пятый!
Победный, пророческий год!
К Германским границам мы шли
безоглядно вперёд!
И наши ребята,
как витязи древних былин,
На крыльях Победы вошли
в побеждённый Берлин!

Паш русский геройский солдат,
не сбавляя свой шаг,
Победное знамя в бою водрузил
на Рейхстаг!
... Вот только на стенах Рейхстага,
в дыму и в пыли,
Мы клятвы немецких солдат
отыскать не смогли.

Мы однажды вернёмся, Россия,
Под твои вековые крыла,
От свободы своей обессилив,
Что обчистила нас догола.

От бредовых своих возжелений,
Под кликушеский западный вой,
Мы придём и уткнёмся в колени
Непокрытой своей головой.

Побеждая в боях эпохальных,
Об униженных братьях скорбя,
Ты жалела и ближних, и дальних,

Никогда не жалея себя.
Ты несёшь это бремя отроду,
Как венец из терновых ветвей,
Положив за чужую свободу
Миллионы своих сыновей.

Сколько стоили эти победы
Крови, пота, отваги, труда,
Если с запада — немцы да шведы,
Золотая — с востока — Орда!

Быть бы нам бессловесной прислугой,
С очерствелою коркой в горсти,
Если б ты не надела кольчугу
И не встала у них на пути.

Патерпевшись от «жизни красивой»
По наивной своей простоте,
Мы однажды вернёмся, Россия.
Так бывает у взрослых детей.

В знак раскаянья и очищенья,
Признавая порочность и блуд,
Мы открыто попросим прощенья
За своих бесноватых изуд.

Заигрались народные слуги,
В одиночку деля пироги!
Сколько лет наши дети и внуки
Раздавать будут наши долги!

Мы укажем своим демократам
Дальний путь в долговую тюрьму.
Лучше быть на Руси «младшим братом»,
Чем холопом в чужом терему.

Мы столы вкусной снедью накроем,
В кубки вина золотые нальём,
По былому поминки устроим,
Наши лучшие песни споём.

Нас отрезали и не спросили,
Пужно ль нас от тебя защищать?
И когда мы вернёмся, Россия,
Ты простишь. Ты умеешь прощать.
29.01.2011

Победителей не будет

Вы вновь пришли на наши рубежи,
Привычно ошתיивившись штыками,
По горло утонувшие во лжи
И зависти, накопленной веками.

Вы беззаботно вышли из-за парт,
Всё презируя, кроме ассигнаций.
Забыты и Адольф, и Бонапарт,
И шведский Карл
под номером Двенадцать.

Вы, как и раньше, объединены
В когорты против Русского Медведя.
Убогие! Вы жаждете войны,
В который раз мечтая о победе?

Вы к нам крадётесь,
словно тать в ночи,
Промямлив: — «Победителей не судят!»
Я должен вас немного огорчить,
Поскольку победителей... не будет.

И если вдруг (не приведи Господь!)
Отдаст приказ какой-нибудь безумец,
Чтоб в пепел превратить живую плоть
В руинах бывших площадей и улиц,

Взметнётся тотчас тысяча ракет,
Затянет небо мрачной пеленой,
И в ужасе померкнет белый свет,
Сметаемый чудовищной волною.

Не спрятаться за каменной стеной,
Не уползти в подземное жилище...
Да, мы умрём. По целый Шар Земной
Мгновенно превратится в пепелище.

А мы, надев парадный свой мундир,
Вопрос последний зададим Мессии:
— Скажи, зачем нам нужен этот мир,
Коль в нём не будет места для России?

Крым.

Иван КОЖЕМЯКО

Иван Иванович Кожемяко - автор многих книг — профессиональный военный, академик, профессор, всю свою жизнь посвятил служению Отечеству, Великой, Единой и Неделимой России в рядах Вооруженных Сил, генерал-майор. Родился 29 февраля 1948 г. Детство и юность прошли в Крыму. Окончил Вильнюсское военное радиотехническое училище в 1969 г., Белорусский государственный университет в 1980 г., Военно-политическую академию им. Ленина в 1985 г.; служил в Вооруженных Силах СССР и РФ на различных должностях. 1992—1998 г. г. — помощник начальника Главного штаба Сухопутных войск. Награжден орденами Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, семнадцатью медалями, а также двумя орденами Демократической Республики Афганистан. Имеет дочь и трех внуков.

Неожиданный собеседник

«Что может быть страшнее, когда бывшие отступники объявляются властью, в оправдание собственной неразборчивости, сегодняшними провидцами и совестью нации? Так и хочется спросить — какой нации?»

И. Владиславлев

Словоохотливый старичок, на набережной Ялты, мне сразу очень понравился. Он не был шумным, в беседу вступал не с каждым, а лишь с тем, кто проявлял к нему неподдельный интерес.

А не проявить его было просто невозможно. В его увесистом пакете лежали шесть-семь книг Александра Исаевича Солженицына, от пресловутого «Одного дня Ивана Денисовича» — до «Архипелага Гулаг», «В круге первом». Он поочередно вынимал их из пакета, находил, было видно наизусть, нужные ему страницы, и подчёркивал важные, на его взгляд, мысли. При этом всё приговаривал, от чего я и обратил на него своё внимание:

— Ну, и шкура, вот так шкура. Это же надо, и никто ему не укажет на это святотатство. Как же так можно?

— А что, отец, здесь не так? — обратился я к нему, после приветствия.

Он скользнул по мне своими уже выцветшими, но очень живыми глазами, крякнул удовлетворённо, увидев Звезду Героя на моём тёмно-синем пиджаке и, уже решительно, спросил:

— Значит, свой, браток? А где же это, и за что? — и он указал на Звезду.

— Афганистан, отец. За службу Отечеству, которое мы потеряли.

Мне очень понравилось, как он сразу парировал на мой ответ:

— Это вы потеряли. Мы берегли и боролись. Отечество, а вы — доверились таким лжехристам, как мой однопольчанин, и поэтому всё и потеряли. Эх, сынок, сынок, как же вы так могли?

И вдруг, словно споткнувшись, вернулся к началу нашего разговора:

— Извини, не тебя лично, хотя мы все ответственные за то, что происходит на нашей Земле. А за Звезду — извини, я так и понял, что за Афганистан. За Чечню уже героя России дают. А вот скажи, кто же это придумал, чтоб на высшей награде России красовался власовский триколор? Его, значит, верх, отступника и предателя. Много у вас возни с этими нелюдьми, у нас не меньше, видишь, и бандеровцы нынче в чести, и им тоже геройские звания дают. И это за то, что уничтожали сотнями тысяч людей безвинных, которые хотели только жить свободно и спокойно. И не стыдно им

ведь принимать эти награды, за войну с собственным народом? Что у вас, что у нас, — и он горько усмехнулся.

— Видишь, как поделили нас? Вчера ещё был единый народ, а нынче — независимые государства. От кого только — независимые? Друг от друга, на вящую радость Америки?

И вновь перешёл к моей Звезде, чем ввёл меня в смущение:

— А ты, наверное, сынок, последний Герой, коль на красной ленте, то есть — ещё Союза Герой. Кланяюсь тебе, сынок. — Да что Вы, отец! Это я Вам кланяться должен, — и я указал на ленты от честных солдатских наград на его пиджаке, чистеньком, но уже совершенно старом, с потёртыми рукавами и воротником.

Но орденами лентами я увидел ордена Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медали, в том числе — и какая-то мудрёная, мне неизвестная среди них.

Он заулыбался, увидев, что я разглядываю, с особым интересом, эту ленту.

— А это, сынок, поляки меня отличили. Спас их командира, вынес на себе с поля боя. Они с нами вместе воевали. Побратимы, дышло им в печёнку. Нет, нет, не фронтовики, те честные были солдаты, гонимые, всё «Пся крив», да «Пся крив», но воевать умели, не трусили, а вот нынче — брательники, видишь, что вытворяют. Им Россия — понерёк горла встала. И это за то, что нашего брата более 600 тысяч полегло за освобождение Польши.

Мне он положительно нравился всё больше и больше. Он был в курсе всего, что происходило в мире и, конечно же, я понял, что он говорил о братьях Качиньских, недоброй памяти нынешнего президента и премьера Польши.

— Да, сынок, многих своих товарищей я в Польше схоронил. Шутка ли, дивизия наша почти вся легла за Краков. Как жив остался — не знаю. Не ранили даже. Кто-то молился за меня истово.

И как-то горько, обречённо, обронил:

— А теперь — видишь, оккупанты.

Вскинулся, даже задрожал от гнева:

— И этот власовец, чистый власовец — с ними заодно. Ты же видел, наверное, как всю Россию печаловаться заставили, по этому нелюдю, да ещё и захоронили рядом с совестью России, её честью — Василием Осиповичем Ключевским.

— Ты не удивляйся, — он посмотрел на меня твёрдо, но с улыбкой, — я учитель, всю жизнь детей учил, поэтому кое-что в жизни понимаю, да и в литературе смыслю.

— Вот, скажи, — он вновь перешёл почти на крик, — написал длинное письмо

Проханову об этом «фронтовике», опубликуют или нет?

— Думаю, что нет, отец. Вы же читали, как Бондаренко, в той же «Завтра», возносит «пророка», как он его назвал.

Мой собеседник витиевато выругался и испытующе посмотрел на меня:

— Так что — правды не найти? Нет её? Куда же её так глубоко запрятали?

И вдруг, как-то даже подпрыгнул на месте, и продолжил:

— Удивляешься? Мол, блажит этот дел? Я, правда, тебе не сказал сразу, что я ведь с этим «пророком» служил. В одном полку. Только он звуковой батареей командовал, как мы её называли. По правильному — батареей звуковой разведки. И появился он у нас где-то в сорок третьем году. А я, к этому времени, хотя и рядовым войну начал, был уже командиром артиллерийской противотанковой батареи. Родимые семидесяти шестимиллиметровые!

— Отец, — заметил я, — не почтите за дерзость, но я не сл ничего с утра, а уже и обеда время наступило. Пошли в ресторанчик, вон на набережной, пообедаем.

Он набычился, и как-то грубовато растягивая слова, ответил:

— Да, с моей огромной пенсией только по ресторанам и ходить.

И снова завёлся:

— Видишь, бандеровцам больше платить стали, чем нам, фронтовикам. И не только пенсии выровняли, а ещё и в конвертах дают. От властей, в Западнщине. Во Львове особенно...

Стал прямо кричать:

— Информация верная, не думай, что я наговариваю. Со мной одна такая сволочь в доме живёт. И вчера, с гордостью такой, что чуть не лопнул, говорит мне: «Ну, и за что ты воевал? За Родину? За Сталина? А я вас, сволоту на Западной Украине не одного упокоил. И, видишь, сегодня и пенсию получаю поболее твоей, да ещё и в конверте приносят. Так что — только и пожить пришла пора. Только твои комиссары, сволота, двадцать лет из жизни вычеркнули, до шестидесяти седьмого сидел. Я бы вас, сволочей, и сегодня... Рука бы не дрогнула — только бы автомат дали».

Залохнулся от ярости мой собеседник и хрипло довершил:

— Истину говорю, сынок. И так у меня сердце зашло, что я даже свою трость — о его хребет поганый переломал... Поверь, не сочиняю...

Он развёл руки в сторону и сокрушённо, от великой печали, вздохнул:

— А ты говоришь — ресторан. Нет у меня на ресторан. Опять же, трость покупать надо. Тяжело мне уже без трости...

Я его даже перебил:

— Не обижай, отец. Мы же солдаты. Я приглашаю, и хватит об этом говорить. Пошли.

— Ну, коли так, — улыбнулся он, — я уже сто лет в ресторане не был. Пошли, коль от чистого сердца.

— От чистого, от чистого, отец, — засмеялся я, и, подхватив увесистый сидор с книгами Солженицына, взял так понавившегося мне фронтовика под левую руку, и мы стали неспешно подниматься по ступенькам, от самого моря на сушную набережную.

Проходили мы мимо киосков со всякими сувенирами, и я увидел всевозможные трости, целые охапки, красиво установленные в специальные круговые стеллажи

— Отец, одну секунду. Посиди на этой скамейке. Я сейчас...

И когда я через несколько минут появился с красивой вишнёвого дерева тростью, окованной бронзой по рукояти, он даже прослезился.

— Эта прочная, отец, не лопнет на спине того мерзавца. Прими от всего сердца, на добрую память, как фронтовик от фронтовика.

Он сердечно меня поблагодарил, пригласил трость:

— Как угадал — по росту и в руке очень удобная. Внизу — потяжелее, легко переставлять. Спасибо, сынок, — и он, сняв выдавшую видя шляпу, мне поклонился.

— Пошли, отец, обмоем трость, чтобы служила тебе долго. Хребет чтоб не одному поганцу, который будет этого заслуживать, приласкала...

И мы неспешно пошли к ресторанчику. Я любил тут бывать во время своих редких наездов в Крым.

У меня даже появилась своя любимица — молоденькая официантка Алла, милейшая девочка, умеющая без угодливости, так красиво и неназойливо обслужить своих клиентов, что я, отобедав у неё один раз, норовил затем попасть только в её смену.

И сегодня был её день. Завидев меня издали, она заулыбалась и поспешила нам навстречу:

— Садитесь за тот столик, — указала она, — там будет очень удобно. Хорошо видно море, и солнце не будет глаза слепить.

— Спасибо, Аллочка.

Мы усадились за стол, и она сразу же поднесла к нам с красивым меню.

— Аллочка, не надо меню. Нам — хороший обед на Ваш выбор, но непременно с горячей ухой, бараболей, и... водочки холодной, графинчик грамм... на пятьсот.

Мой гость, от предвкушаемого удовольствия, даже крякнул.

— А для начала можно, сынок, — он просительно посмотрел на меня, — водички бы... И сигаретку...

— Да. Аллочка, сначала две бутылки «Боржоми» и пачку «Давыдова»... Нет, две.

Мы на минутку замолчали. Я вынул из кармана пачку привычного «Давыдова» и протянул моему гостю, затем с наслаждением закурил и сам.

Тут же раздался его голос:

— Ух, ты, что же это такое, не курил таких отродясь, — и он взял пачку в руки. — Я «Приму» всё, по доходам.

И мы, оба с удовольствием вновь затянулись душистым дымом.

— Слабавате, но приятные, — после двух-трёх затяжек сказал фронтовик.

А тут поспел и наш запотевший графинчик, какие-то мудрёные салаты с морепродуктами в красивой посуде. В розетках рубином отсвечивала икра, замысловато накрученное масло с ветками петрушки, побуждало аппетит.

Я соорудил ему и себе бутерброды с икрой, на что он смотрел почти со страхом, налил доверху по хрустальной рюмке холодной водки и искренне, от всего сердца, сказал моему гостю:

— За тебя, отец, за фронтовика, за Великую Победу нашу. Как бы кто ни хотел, не опорочить её никакому отступнику. Бились Вы за Родину, Отечество наше, за Великую, Единую и Неделимую страну нашу. И мы всегда помним это и, как могли, на что хватало сил и совести, продолжали Ваше дело.

— Клянюсь тебе, отец, — и я, поднявшись из-за стола, выпил рюмку до дна.

Мой гость, как-то по-детски захлопал глазами и прослезился:

— Жаль, мать не видит. Честь какая. Сам Герой за меня чарку поднял.

И, прежде, чем выпил свою, спросил:

— А в чине каком же будешь, сынок?

— Все мы, отец, солдаты Отечества, это самое высокое звание. А так — генерал-лейтенант.

— Ну, ты, сынок, полегче. Эка, куда хватил, генерал-лейтенант. Пил бы твой генерал со мной.

Я смеялся так, как давно уже не смеялся. И на душе было светло и уютно. Вынул из кармана пиджака удостоверение личности и передал старому солдату.

Тот, шевеля губами, вслух прочитал: «Генерал-лейтенант Исаев Виктор Николаевич, командующий танковой армией».

— Ну, сынок, товарищ генерал-лейтенант, вот честь-то какая выпала. Мне за всю войну один лишь раз генерал вручал орден, а так я и не видел-то генералов. Ну, порадовал...

— Отец, брось ты это. Прошу тебя. Не я, а ты здесь главный герой. И я тебе, таким как ты, отцу моему, фронтовому разведчику, обязан всем. Поэтому не будем, отец, хорошо? Мы же собрались по-другому поводу.

И только после этих слов он как-то успокоился. Лихо, опрокинув вторую рюмку, откусив от бутерброда с икрой изрядный кусок, от удовольствия даже закрыл глаза. Под горячую ароматную уху, мы выпили ещё по рюмке, и я ждал, когда он утолит первый голод и вернётся, к заинтересовавшему меня разговору, начавшемуся на набережной.

— Аллочка, не торопитесь подавать, — обратился я к официантке, — у нас долгий разговор...

— А что, сынок, говорить: знаю я его, поганца, как облупленного. Уже с первых дней, как только появился он в полку, не глянулся он не только мне, а всем боевым офицерам. Сколький какой-то. Слащавый. Неискренний. С двойным дном.

Появился этот старший лейтенант-то с бабой (жена его оказалась) и с каким-то ядовитым портфелем. Это на передовой! Можешь представить? И, — тут старый солдат нахмурился, — с портретом Гитлера в портфеле.

— Да, да, ты не удивляйся, — заметил он моё искреннее изумление.

— Грешить не буду, говорил мол, для того, чтоб не обознаться, если придётся встретиться. Только думаю я, что это его лукавство, издёвка над нами была. Тыкал он этот портрет каждому под нос.

Хмыкнув себе под нос, продолжил:

— У нас в землянках, да в планшетах — портрет Вождя, а у него, видишь, Гитлера.

Старый солдат тут же полез в свой сидор и извлёк замусоленный том, открыл на нужной странице (видно знал наизусть), и протянул мне:

— Читай! Видишь, сам пишет, что с Гитлером, с его портретом прибыл в полк.

Я это знал, но ещё раз пробежал по подчёркнутым строчкам.

— Он и немца-то живого не видел, почитай, всю войну. А здоровый был... Ему бы с сорок первого идти воевать, университет ведь имел, математик. А он — в сздовье... И только в сорок третьем — в училище; из училища — в запасный дивизион; затем — в резерв Брянского фронта. И только в сорок третьем, как я тебе говорил, попал на фронт. А реально в боевых условиях находился всего с 27 января 1945 года по 8 февраля.

— Вот тут пишет: «11 июля 1943 года, ещё в темноте, в траншее, одна банка тушёнки на восьмерых, в окопе и, — Ура! За Родину, за Сталина!». Господи, под снарядами и бомбами я просил тебя сохранить мне жизнь».

Постучал книгой о стол и продолжил:

— Здесь, сынок, всё — ложь! Всё! Буквально, до последнего слова! Даже мы, пушкар, в атаку не бегали. Хотя с пехотой в боевых порядках, рядом, почитай, всю войну воевали. А он — батарея звуковой разведки, значит, в атаку!.. Он... в тылу всегда сидевший и что-то там с утра до ночи строчивший в тетрадках, — «За Родину! За Сталина!»? Обрати внимание: «за Родину», поганец этакий, с малой буквы всегда писал.

Не было у него Родины, не знал он её и не чувствовал. И Родине нашей, её защитникам, всё грозился в своём «Архипелаге»: «...дышло тебе в глотку! Окочурься, гади!»

Мой собеседник почти закричал:

— И нас, при этом, ваши правители печаловаться о нём принуждают?..

Сидевший за соседним столиком, депутат Госдумы России Геннадий Райков досадливо при этом поморщился. А мой собеседник живо повернулся ко мне и почти шепотом спросил:

— Неужели, правда, что ваши президент с председателем правительства заставили его в институтах изучать, в школах, премии учредили его имени?

— Правда, отец, действительно, правда.

— Ах, окаянство же какое! Ты же посмотри, это я тебе говорю, мне начальник штаба полка, дружили мы с ним, говорил, что он со своей кралей даже доносы на командира полка писал.

«Не благонадёжный-де, человек, командир нашего полка».

— А знаешь — почему? — и он залиvisto, как мальчишка, засмеялся. — А всё лишь потому, что командир полка говорил на всех митингах и собраниях, что скоро уже будем в логове зверя, и там войне конец.

Потом зашёл от гнева и продолжил:

— А он, видите ли, обливая грязью честного офицера (мы нашего командира полка, батей звали промеж себя), писал в своих доносах, что командир полка проявляет непростительную политическую близорукость, заявляя офицерам о том, что войну надо закончить в Берлине. Наш постарел и в этом усмотрел ограниченность и ущербность командира полка и в своих мерзких пасквилях писал, что войну надо закончить в Португалию. Всю Европу советской сделать.

Отпил воды и продолжил:

— Вот, де, какой незрелый командир полка, который ещё и матом Солженицы-

на покрыл за нерасторошность и испорядки в батарее. Так наш «провидец» слюной изошёл: «Меня с университетским образованием, это было смеет ругать матом. Он ещё попомнит это. Я ему этого не спущу».

Солдат схватил меня за руку, уверяя в правдивости своих слов:

— Это не только я слышал, а многие офицеры полка. Могут подтвердить, если что... — Помолчал минуту и уже иным тоном, сокрушённо и устало, дополнил:

— Ты понимаешь, сынок, я мало о нём знаю, как об однопольчанине. Он всё со своей кралей от всех укрывался. Даже братскую чарку с нами не выпивал, а узнал его доподлинно, до конца, когда издаваться у нас стал, в лихолетье, которое наступило после девяностого года.

Проканлился от напряжения и добавил:

— А так и не слышал о нём. Правда, в хрупёвское время звону было много, когда вышел его «Один день Ивана Денисовича». Даже Голосремию безмозглый Хрущёв вручил ему за этот пасквиль.

Посмотрел вожделённо на графинчик с водкой и, пока я наполнял рюмки, заговорил вновь:

— Поверь мне, я в то время жил. И скажу тебе честно: я в полку за всю войну не знал, кто там у нас был особистом. И был ли он вообще. И штрафников не видел за всю войну. Были они, знаю, но нам заградотряды не нужны были. Мы сами галов зубами рвать были готовы. Не жался ни крови, ни жизни.

Гордость выплеснулась из его души, он говорил так громко, что на нас стали оглядываться посетители ресторана. Среди посетителей я во второй раз заметил Райкова, депутата Госдумы России. Я бы не сказал, что он одобрительно наблюдал за нами.

— Да если бы у нас в сорок первом был полк такой, как наш, уверю тебя, не дошли бы фашисты до Москвы. Ни за что не дошли бы! Ещё под Смоленском, да Ельней полгили бы все.

Мой гость уже рокотал:

— Шутить, за всю войну дивизию танков мы выбили у них. Гибли и сами, конечно. Но дивизию угробили, мать их в душу.

Отчаянно бросил:

— Эх, сынок, напей ещё рюмочку! Слёзы-то душу саднят. Изболелась вся...

Выпил, тяжело вздохнул и продолжил:

— Как я уже тебе говорил, я учителем русского языка и литературы служил. И поверь мне: в языке смыслу. И я внимательно анализировал его «Один день...» этот, окаянный, когда он в Роман-газете был опубликован.

С запалом, нагнетая ярость, выдохнул:

— Поверь мне: убожество! Убожество, с точки зрения языка, образов, логики изложения! А уж низменных страстей сколько?.. К слову, это прослеживается во всех его книгах. Одним словом: убожество! Жалкое, ничтожное убожество. А кто герой его грязного пасквиля? Человек, пошедший на сотрудничество с фашистами добровольно.

Ну, сидела же Русланова, сидел Рокоссовский с Горбатовым. Ты же читал их книги. Что пишут? Как рвались на фронт, за Родину воевать!

А здесь — постучал он гневно пальцем по книге, — цель единственная: под одеялом пайку съесть. Вот высшая радость.

Задумался, совсем трезво и здраво продолжил, совершенно молодым голосом:

— Были ли репрессии? Были, несомненно. И невинные были. Но они ведь и страдали от таких прохвостов, как Солженицын. Это ведь именно такие, как он, клепали доносы на рокоссовских, кузнецовых, горбатовых, королёвых...

Подмигнул мне, как родной душе:

— Поминишь, как он в «Архипелаге» своём окаянном пишет: ему предложили сотрудничество. Осведомителем, значит, быть. И он сразу же согласился. И, как сам же пишет (прости): — «горячий шом-

пол в задницу при этом не вставляли». Согласился сразу. И даже кликуху сам себе придумал. Пишет об этом, стервец, не стыдится нас всех нисколько.

— Ты ведь только посмотри, — он опять раскрыл книгу: — «Оглядываясь на своё следствие, я не имел основания им гордиться. Конечно, мог держаться твёрже. А я себя только оплёвывал».

Фронтовик как-то затейливо изломал выцветшие брови и обратился ко мне:

— Как же это, сынок?

Мы надолго с ним замолчали, и он уже устало, даже как-то равнодушно, оборотил:

— Или смотри ещё: «Я, сколько надо было, раскаивался и, сколько надо было, прозревал».

При этом мой собеседник даже указательный палец правой руки вверх поднял:

— Вот это «борец» со сталинизмом! Честь и совесть нашей эпохи?!

И уже истеричливо ко мне, хотя я и не думал его пересбивать:

— Знаю, знаю, что всё это ты прочитал, не хуже меня знаешь. И, как честный человек, не видеть этого не мог. Не заметить этого не мог. Не имел права.

— Да, отец, вижу я и всё это.

— Но ты мне скажи, что же это за такая «антисоветская деятельность» у него была? Ты знаешь, за что он был арестован? Мы в полку все это знали. Он своим друзьям, а они часто к нему наезжали, всё что-то, запершись, талдычили, передал письма, в которых «критиковал» товарища Сталина за непоследовательность, за то, что тот не ставит в войне конечной цели — весь мир силой обратить в социализм.

Засмеялся после своих слов и спросил:

— Понимаешь, в чём дело?

Он даже заёрзал по скамейке:

— «Герой» понимал, что грядут решающие сражения, а ему уж очень жить хотелось. И он нашёл выход: клянясь в верности товарищу Сталину, тем не менее, его пожурил, что он-де, ставший гораздо позже, при Хрущёве, извергом и лютодомом, а тут не хочет знамя социализма над всем миром установить.

Потыкал своим пальцем в открытую книгу:

— Поэтому он и спрятался в «шарашку». Победа-то видна уже была, а за такую критику товарища Сталина пожурият, да и только.

Потёр переносицу кулаком, словно, силясь вспомнить что-то важное, и продолжил:

— Где-то, точно не помню, в начале февраля его и арестовали. А с марта начались такие бои, что я такой ярости и за всю войну не помню. У меня в батареях три человека, со мной, в живых остались. И так... во всем полку.

При этих словах, у него заслезились глаза, но нить разговора не утратил и довершил:

— Нос по ветру он держал востро. Лучшее срок отмотать, а с его дальними целями — и за мученика сойдёшь, а значит — продвинуешься наверх, растолкав всех, нежели «смертью храбрых». Он этого очень боялся и всё говорил, как он жить хочет.

При этом солдат даже выругался:

— Вроде мы не хотели. Но только жить-то можно не любой ценой, кто же тогда Отечество отстоит? Оборонит его кто?

Решительно прервав себя, попросил:

— Давай, сынок, ещё по одной, а то у меня сердце обуздается.

Ожидая, пока я наполню рюмки, горько, с сердцем произнёс:

— Я как вспомню, как какой-то его радатель написал в дни его смерти: «Солженицын уже в 1943 году сказал: «Мы победили!». Видишь, какой провидец оказался! Сукин сын!

Даже кулаком по столу ударил, так, что и тарелки зазвенели:

— А мы знали уже 22 июня 1941 года, что победим. И Вождь в своей речи сразу заявил: Наше дело правое, победа будет

за нами. И пограничник в Бресте, погибая, знал, что враг будет разбит. Поэтому и стояли мы насмерть!

Саркастически улыбнулся, взял рюмку в руку и добавил: «А в сорок третьем году какой же дурак после Сталинграда не видел, что мы победим? Весь народ мира это чувствовал и знал это».

Наклонился ко мне и спросил:

— Ты человек учёный, знаешь, почище меня, что Черчилль, уж на что враг ярый и лютый наш на протяжении всей истории, и то после Сталинграда писал (помню, в «Правде» читал), что хребет фашистскому зверю был сломан под Сталинградом.

Мы выпили по рюмке, и тут наша девица-официантка, заметив паузу, принесла барабошку с картошкой. Более вкусной рыбы я на своём веку не сл. Она просто таяла во рту, и мой собеседник, не в силах сдержаться, громко восхищался:

— Поди ж ты, живу здесь, а такого чуда не едал. Спасибо, сынок.

Съев несколько рыбок — он продолжил:

— Ты молодой был, не всё помнишь. А я хорошо помню, как он, подержанный Хрущёвым, развернулся в критике Шолохова. Он же прямо слюной исходил, что не Михаил Александрович автор «Тихого Дона». Какого-то Крюкова приплетал. Кричал, что Шолохов-де неуч и явить «Тихий Дон» не мог по определению.

Засмеялся, и глядя на меня своими пронзительными, слегка хмельными, молящими глазами, продолжил чеканно:

— А уж когда Михаилу Александровичу Нобелевскую премию присвоили, этот гусь уже в Америке был. Тут уж он не сдерживался, «Голос» то я слушал. Так он прямо потоки грязи и лжи на Шолохова выливал.

Да и не на одного Шолохова. И Толстой у него под подозрением, и Достоевский — бездарь и тушина. Да что они? Сам Пушкин, и тот не совершенен. По его разумению и Шекспир, и Диккенс и Шиллер — балаганщики писатели...

Своего родоначальника, Твардовского, обвёл вокруг пальца. Тайком скопировал его приватное письмо Федину и переправил за рубеж, где оно было опубликовано и принесло Твардовскому много неприятностей. Как итог: его крестный отец Твардовский не выдержал и сказал публично: «У вас нет ничего святого».

Я вклинился в разговор и добавил:

— Я не знаю, отец, знаешь ли ты, что когда Солженицына вышибли из СССР, и он оказался в Германии, то он жил у лауреата Нобелевской премии некоего Генриха Бёлля, в прошлом фашиста, который восвал против нас и всё мечтал о русской земле, даже после 43 года. А рядом Ростропович и Вишневецкая были...

Да и сам-то герой не уставал говорить: «А какая разница, кто победил бы в войне? Ну, сняли бы мы портреты человека с усами, а повесили с усиками...»

Мой собеседник даже крикнул:

— А я другого и не ждал...

(Жизнь удалась... Совершенно посредственный виолончелист М. Ростропович (не моя оценка, а профессионалов от музыки) и Лауреат Ленинской и многих государственных премий, государственных наград Г. Вишневецкая, которой Родина дала всё, и которая вылила столько грязи на нелюбимое ею Отечество, что только один Солженицын и может с ними сравниться. Поэтому и нашли друг друга, и все свои чёрные души потратили на уничтожение нашей родной Земли — И. К.)

Задумался мой гость после этого и, так хорошо, с тёплыми нотками в голосе, промолвил: «Счастливы случаи! Я познакомился с Твардовским. Милый, простой человек. Совершенный случай помог: Я бы не посмел подойти, он сам меня заметил здесь, на причале и говорит своим спутникам, глядя на мои награды: «Вот он, мой Тёркин. Здравствуй, солдат. Поклон тебе, до земли, за Великую Победу».

Ветеран гордо распрямил плечи и с чув-

ством сердечным и светлым, сообщил мне проникновенно:

— Обходимый человек, светлый. Не знаю, чем-то и я ему сподобился? Мы с ним часок проговорили. Так вот, он мне и говорит, когда я признался, что за однополчанин у меня был: «Никто его из страны и не думал выдворять. Он ведь сам, как не выпило с Ленинской премией, обещанной Хрущёвым, рвался на Запад».

Хрущёва-то Брежнев турнул, и стал реабилитировать Генералиссимуса. А этому хулителю всего советского, конечно же, никакой премии давать не собирался. Более того, осуждать стали и сдерживать этого «правдолюбца» окаянного. И моя вина, солдат, большая. Я ведь его «...Ивана Денисовича» в «Новом мире» первым напечатал. Да, слава Богу, что разлился потом, после его «Ракового корпуса», что это за человек. Облыжно, на всю страну клевету возвёл. Чёрное у него нутро, не радует он за Отечество. Чуждое оно ему».

Тяжело вздохнул старый солдат, видать, устал от пересказа такой долгой истории, и завершил: «Вот оно, брат, какое дело, сам Твардовский, клянусь тебе в этом, сказал мне эти слова».

Многозначительно пожевав губы, выждав один миг, дополнил:

— А уж в Америке он развернулся. И ядерную войну на наши головы призывал, и рушил вместе с Мишей окаянным Отечеством наше. И ведь разрушили, вот что горько. Цели своей добились, неслучайно.

— И ты мне вот что скажи, — он стал наваливаться на меня и даже хватать за рукав, — это, что ж, у него правда весомее? Тяжелее нашей? Или праведнее? И она — за ним? Как ты думаешь?

— Думаю, отец, что не правда — за ним. Вероломство и ненависть. А тут и судьба подфартила, востребованным стал в лихую пору, когда рушили всё, что было связано с Отечеством нашим. А мы, к несчастью, оказались незрячими. Да его собратья, собрав свою пятую колонну под видом перестройки, ослабили нас, лишили всех возможных духовных и мировоззренческих ориентиров. Воли и силы лишили.

Я вновь закурил, молча, взял и он сигарету, и засопел тяжело и громко, ожидая продолжения разговора.

Я, несколько раз подряд жадно затянувшись душистым дымом, продолжил:

— Знаешь, отец, а ведь у меня была удивительная встреча, многое поясняющая в истории с нашим «героем». В период начального Ельцина, с нами очень стремились «дружить» официальные американские органы — посольство, военные атташе, всевозможные фонды и общества. И вот, в один из дней, я был направлен Мироновым, он был тогда первым заместителем министра обороны, на такую встречу, во главе группы офицеров. Я тогда учился в академии Генерального штаба.

Неприятно поразило обилие спиртного. Американцы специально выставили его в каждом помещении, в холле, методических классах. Сами пили очень мало, а вот нашим офицерам и генералам поровили очень щедро подливать.

Я очень резко высказал своё недовольство данной бестактностью, вызывающим неуважением к нам.

И, странное дело, мой поступок вызвал одобрение у американского дивизионного генерала. Кто он — я не знал. Но он мне представился сам, как военный атташе в американском посольстве.

И мы долго беседовали с ним на всевозможные темы. Так вот, не утомляя тебя долгим рассказом, отец, отмечу одно очень интересное обстоятельство.

Американский генерал мне сказал о том, что в спецорганах Америки была создана специальная служба из литературных деятелей, которая и написала Солженицыну все его «творения», ибо то, что он представил для издания — ни на что не годилось. Не дал Господь таланту этому бор-

цу с тоталитаризмом. Не дал! Да мы и видим это по его всем произведениям даже в окончательной редакции. Это далеко и далеко не «Война и мир», не «Хождение по мукам», не «Тихий Дон»...

И Нобелевская премия этому духовному мародёру была присвоена, мы совершенно определённо знаем это сегодня, лишь за тот яд, за ненависть к советскому строю, которую он изрыгал в изобилии досель невиданном. Что там Бродские всякие, да Окуджавы. Солженицын — вот знамя всех антисоветских, антирусских сил.

Мы помолчали, думая о сказанном, а затем я продолжил:

— Мы же думали, на благое дело зовут, вот и поверили. А теперь, видишь, отец, и мне Горбачёв говорит, что я Вас в Афганистан не посылал, с Брежнева спрашивайте.

Я посмотрел ему в глаза и твёрдо произнёс: «Он с Яковлевым, да Шеварднадзе готовили исподволь и Вильнюс, и Баку, и Алма-Ату, и Ош, Фергану, Стенанакерт... Везде, отец, пришлось побывать, и везде — предательство власти, онлывывание всего советского периода, армии».

Горечь душила меня, не давала дышать:

— Да и мы хороши. Не снимаю вины и с себя, со всех членов партии. Что же мы за партия такая, отец, что предателям всё уступили, всё отдали. Никто не шевельнулся даже. Поэтому и одержали они верх. Думаю, всё же — временный. И верю, что Россия воспрянет, поднимется с колен. Так долго не может быть».

Он согласно закивал головою:

— И я так думаю, сынок. Ослабили мы, не заметили, что Знамя наши святые взяли в свои корыстные руки знаменосцы без совести и чести, да и завели в пропасть. Трудно будем выбираться. Ой, трудно, до крови локти и ноги собьём.

И решительно заключил: «А выбираться надо. Иначе как же? Героями завтра у вас станут власовцы, с которыми я бился, а у нас, на Украине уже бандеровцы в героях ходят, холуй фашистские».

С глубоким сожалением, заметил:

— Народу извели — страсть сколько!

И тут же в порыве с гневом выкрикнул:

— А на днях, один, не издох ещё (он так и сказал — не издох), хотя за меня постарше, недавно по телевизору аж трясся, говорил, что мало они кому-то истребили, всего за триста тысяч, а надо было всех под корень, тогда бы победили Советы ещё в войну.

Вопросительно, осуждающе бросил:

— Ты можешь представить, что же это за власть такая, что этого негодяя с экрана показывают? Да ещё и какой-то орден, чуть не звезду героя, принесли.

Громко, на всю веранду ресторана, выпалил: «Болит сердце моё, сынок! Я бы развернул свою батарею, да вдоль Крепятица прапирелью, где эта сволота, вырядившись в фашистские мундиры, маршировала. Разве это народная власть, коль пригласят их? Мундиры пышет такие, в позументах, что ни одной моёй пенсии стоят».

Устало проговорил-погоревал столько времени, но довёл свою мысль до конца:

— И ветераны ослабели. В святом месте собрал их Ющенко, в Кисеве, у музея истории войны и стал примирять с бандеровцами. Погудели, но не ушли ведь? Не поднялись и не ушли!

Даже головой покачал, с укоризной, очень горько и добавил:

— Многих я там знаю, видел многих. Особенно горько за Герасимова, по войне, знаю, боевой офицер был, до генерала армии дослужился! Это же — высота какая! А он, звезду героя Украины получив, в первом ряду сидел, не поднялся, не ушёл и звезду эту не бросил в физиономию защитника бандеровцев. И выпил всех боев, священных наград, повесил отличия от Ющенко. Это же стыдоба то какая!

И, уже как итог: «Вот так-то, сынок. И уж последнее тебе хочу сказать — ты не задумывался о сути его фамилии? Со-лже-

ниц-ын! То есть, лжёт, лавиц. Народ нашей фамилии зря не даёт. Значит, предки его ложью жили. Оговором. Поклёнами на честных людей. А ниц пред кем ползали? Перед властителями, владыками. Поэтому духовные начала у нашего «героя», я думаю, от рода, от фамилии илут.

И второе — ты же знаешь, что Солженицын был сыном парского офицера, внуком крупнейшего землевладельца Ставрополя, да и умер в 92 года. А мои товарищи и девки-то не доцеловали, и погибли за Отечество, чтобы этот негодяй достиг своих целей».

Вскинулся, как старый конь, даже головой замотал и досказал:

— Я, как посмотрю, так у вас, в России, главные его защитники — Ростропович, да Вишневецкая. Никто столько о нём не говорил. Сами — такая же ягода, с того же поля. Уж им-то на что жаловаться?

Высокая пота осуждения душила ему горло, но он её переборол и выдохнул:

— Россия выкормила, выпоила, шугала, народная артистка СССР, орлена, премии — до Ленинской включительно. А всё плохо им. Свободы мало им было. Нет, не свободы, а волюнции захотели.

— Ты же видел, как он с автоматом возле Ельцина тёрся? В кот-то стрелять собирался? В народ! Народ для него — было, что его жалеть?

И вновь схватив меня за руку, продолжил: «А я тебе так скажу, сынок, себе неограниченной воли захотели, чтобы нас гнобить. Разве раньше давали им такую волю? Квартиры, дворцы по всему миру. За какую-то сомнительную коллекцию выплачивало государство вane миллионы долларов Вишневецкой. По вкусу она только Ростроповичу была, не народное это искусство. Не для народа. А его выкупают за народный кошт. И кто этим любоваться будет? Уж точно — не народ. Ему не дадут».

Наливаясь яростью, почти прокричал старый солдат, да так, что Райков, уже не скрывая своего отношения, в очередной раз оглянулся из-за своего столика и досадливо поморщился:

— А когда Господь прибрал, так видишь, где похоронили? Героям такой чести и такой славы не вилать. А этому, повторю, кто возле Ельцина с автоматом бегал, это ведь значит, что в народ стрелять собирался. Как пить дать — собирался! Этот, с позволения сказать, виолончелист... Как вспомню эти кадры девяносто третьего года — оторопь берёт.

— Да, отец, и я всё это помню.

— Вот они свободу и содеяли для себя такую неограниченную, что всю страну закатали.

Обведя рукой всё вокруг, сказал:

— Ты видишь, что в Крыму делается? Уже Никитский сад, Массандру вырубают, замки себе невиданные, строят. Есть там и ваши, и наши буржуины новоявленные.

Вздохнул тяжело:

— И никто их, видать, уже не остановит. Тебе об этом не дадут говорить, иначе — со службы долой, хотя я вижу, что есть совесть у тебя. И душа чистая. Сберег, молодец.

— Спасибо, отец. Но я думаю, что и Россия просыпается. И наверху уже видят, что если так дело пойдёт и дальше, то будем американцам сапоги чистить.

— Это точно. Мы то их шуганули и в Феодосии, и здесь, в Севастополе. Не дали землю нашу топтать. А завтра? Хватит ли сил, когда мы уйдём? Молодёжь-то не будет так биться за правду. Нет стержня у неё, внутренних сил — не достаёт. И правды не знают.

И вдруг он громко засмеялся:

— Ты знаешь, я сам только сегодня прочитал. Очень понравилось, как ответила Солженицыну Анна Ахматова, прочитав его вирши: «Никогда, ни при каких обстоятельствах, не пишете. Не вane это». Так он так на неё разобиделся, что даже след оставил. Сильно негодовал, что она

ничего из его творений не прочитала. Слышишь, не прочитала, говорит, а то, что такую отповедь дала, молчит, не говорит, поганец эдакий. К слову, это же самос ему сказал и Твардовский по поводу его виршей. Только вот не пойму, почему он купился на этот «Один день...» и опубликовал его в «Новом мире»...

Разговор наш завершался. Было видно, что устал мой собеседник.

— Ну, сынок, давай — по последней, да пойду я. Мать-то одна, старая уже, волноваться будет. И так загулялся сегодня я с тобой.

— Я провожу, отец, не волнуйся.

И когда мы — допили графинчик, досла всю барабольку, он сказал:

— Большой грех на себя взяли ваша власть и церковь — похоронив этого со святым человеком рядом. Его бы положить возле Деникина. Там ведь тоже прах его, окаянный, лежит в Донской церкви. Ты, я полагаю, знаешь это.

— Знаю, отец.

— Вот Деникину — он приятель. Единомышленник. А так — Ключевского очень жаль. Маяться на том свете будет от соседства с иудой.

И проводив старого солдата до квартиры, я возвращался в гостиницу и думал: «Не мои слова, но, как же прав великий сын России, говоривший, хотя и по другому поводу: «Что это такое — предательство? Нет, это гораздо хуже. Это глупость».

Вот и я думаю, какая же это глупость пытаться насильно заставить народ чтить Солженицына. Не будут. И никаким указом не заставишь, никакой премией не соблазнишь. Неужели забыли о фильме «Покаяние»? Придут другие времена — и этого литературного власовца-сам народ вырастет из могилы и выбросит на свалку

истории. А уж из своей памяти — это точно. Не сможет он там задержаться.

Разве можно в святом месте хоронить врагов России? И у меня, как у представителя народа, разве спросили: где место праху Солженицына, Деникина, Каппеля?

И везде страшная ложь: ну, не был Каппель генерального штаба генерал-лейтенантом. Ему это звание присвоил Колчак, а Государь удостоил Каппеля лишь очень скромного чина подполковника.

Почему эти вопросы, за нас, решает один Михалков, да его поделушки — Швыдкой? Разве они совесть нации, а не этот, встретившийся мне случайно, герой-фронтвик?

Такие вопросы ни в одном высоком кабинете, без воли народа, не решаются. Закладываем ведь фундамент в завтрашнюю, будущую жизнь. В души людские.

А ну, как пророки будут ложными, немилосердными к своему народу, что тогда будет? Какая вса наступит?

И как власть не боится верить будущим странам, наконец, своих детей, тем, кто на таких ложных ценностях воспитан?

Они же не выдержат испытаний и предадут в любую минуту, так как кумиры, которым их обязывали поклоняться, рассыплются в прах при первой же житейской буре.

Спорчей, неразборчивостью мировоззренческой, они служить России не будут. Не смогут. Оставят окопы и убегут. Или, как Солженицын, предадут, но бороться ценой своей жизни за Отечество не будут никогда.

И как верно сказал старый солдат: «Знамена-то у нас новые, да знаменосцы — старые. Уже подводили, обманывали народ. Кто же за ними пойдёт на смерть, когда надо будет умереть за Державу?»

Полынь

Крымская полынь всегда полыхала, к осени, багряными красками.

Сверху, у кисточек, она была ещё белёсой, а чем ниже, где находились листья более крупные и размашистые — она, в начале ноября, становилась почти алой.

Грустно в такой степи. Наплывало ощущение, что ты в чью-то судьбу вторгся не прошено и бредёшь по ней, не соображаясь даже с тем, нравится ли это кому-нибудь или нет — из тех, чьи искры души рассыпаны в безбрежной Крымской степи.

И вспомнились мне в этом горьковатом мареве, от которого даже кружилась голова, две истории, свидетелем и рассказчиком которых был мой дед, Георгиевский кавалер, старший урядник той ещё, давно забытой войны.

Две войны сломал, как он говорил, а вот на третьей, уже ведь в годах был, душу сорвал. И к смерти привык, и к крови. Пролитая её только по нужде, расчётливо, чтобы больше, значит, вражеской выходило. Но и своей немало источили эти годы. Да и как тут уберечься, такие войны были, миллионы лучших, задолго до срока, Господом определённого, ушли в Жизнь Вечную.

Взирают они на нас с той жизни, и не всё им нравится, как мы с их памятью, их завещаниями обошлись. Как же — за что тогда они гибли, если мы и державу не сберегли, разорили её, а она такой кровью им досталась, такими жертвами.

Думаю, что есть у них право судить нас за это. И с каждого спросить: по совести ли он жил и поступал, когда чёрное вороньё, из тех, недобитых и лживых, которые всегда норовили самый жирный кусок себе оторвать, без учёта — а достанется ли что-либо и другим. Так и порвали на куски, лакомые, такую страну, державу великую, всё себе на потребу пустили,

И не спросит с них никто в жизни этой, а Божьего суда они не страшатся, увере-

ны, что его — нет над ними, да и не будет, наверное, никогда.

Манштейн танковыми клиньями рвал Крымский фронт. Спасения не было нигде. Авиация доставала и одинокого бредущих бойцов, и выкашивала густые колонны пехоты и кавалерии, которые отступали к Керчи...

И дед всегда говорил:

— Много, внук, судеб клинок мой прервал. А не страдал, нет. Не страдал. Понимал, что если не я врага — он меня, — и с глубокой грустью дополнял: — Да и молодой был. Что — тут, будешь оплакивать вражью жизнь? Нет, доблесть только душу распирала. Да и кресты, конечно, свидетельствовали о том, что казак я был правый, и командование мне доверяло. Уже к началу семнадцатого года был взводным командиром, шутка ли?

Как-то обречённо, при этом, махнул рукой, надолго замолчал, а затем — обронил, как камень в воду бросил: — Но то — всё пустое. Прошло и следа не оставило. Только память...

— А вот, — и дед улыбнулся в свои седые усы, — довелось и мне на старости лет молодость вспомнить и в конной лаве — сойтись с врагом.

Глаза его загорелись, словно молодость вернулась, и он повёл рассказ дальше:

— Конница немцев, на холёных, по жирных, перскормленных конях, вынырнула из балки. Деваться нам было некуда. Два маха лошади разделяли нас и врагов. И я — только вырвав шашку из ножен и не криком даже, а движением руки, увлёк бойцов в атаку. Наш удар, по вытянутой в стрелку колонне разомлевших немцев, был страшным.

Мало кто ушёл. Пластались наши дончаки по полыни, и шашка сама находила новую цель. Уже пятерых я достал своей шашкой, а шестой — порезвее конь-то у него был, мой уже устал изрядно от жары, боя и бескормицы, — стал уходить от меня

Минули годы. Не стало старого солдата. А я, находясь в Ялте по случаю, всё приходил в этот ресторанчик на Набережной, садился за тот столик, где мы с ним вели беседу, поднимали братскую чарку, выпивал номинальную рюмку за его светлую память и думал:

«Как же ты был прав, старый солдат. Ни в чём не погрешил против правды и против совести. Вот, уже и Президенту руки заломали, и он подписал Указ о праздновании юбилея «пророка».

А уж Федотов со товарищи, постараются всё за народный счёт... Не спросая у этого самого народа, проведут массу мероприятий, чётко осознавая, что чем твёрже будет вдовлено молодым людям преклонение перед автором «Архипелага ГУЛАГ», и чем больше они уверуют в его правду, тем меньше будет пятая колонна в России, которую отделяет лишь шаг от украинских майдамов, что и предопределяет закат России, как Великой державы.

Глубоко чтимый Владимир Сергеевич Бушин, фронтовик, в последней публикации очень верно замечил, что до сей поры нет памятника Гению русской музыки Георгию Свиридову, зато уже стоит памятник Ростроповичу; походя вспомнили юбилей Шолохова, Твардовского, Леонова, зато идёт шельмование народа и молодёжи в особенности, в связи с приближающимся столетием со дня рождения «вечно живого «классика».

И стоило редактору «Литературной газеты» Ю. Полякову, назвать Солженицына эмигрантом, что тут за бучу подняла мадам Солженицына — до небес или до «царя». А ведь Поляков прав, так как уже в 1990 году сам Ельцин предложил ему вернуться в Россию.

на полном скаку. Эх, недотёпа, — засмеялся дед, оборотясь ко мне, видать грели душу эти воспоминания, — разве вытянет долго твой закормленный конь такой аллюр, да ещё — вверх, в гору.

— И я, — продолжил дед, — погладил своего верного боевого друга между ушей, который готов был, из последних сил, сорваться в погоню за врагом и сказал ему, словно человеку:

— Не торопись, дурашка — куда ему от нас деться? Мы курган с тобой обойдём и он — прямо на нас и свалится. Нет у него другого пути...

Так и вышло. И когда моя шашка, в неотвратимости страшного движения, обрушилась на голову затяжелевшего офицера, тот, по-русски, жалко и жалобно, на весь мир закричал: «Урядник! Как же ты так... Как же больно, Господи, как же мне больно... Если бы ты только знал... Вот уж — не думал никогда, даже в дурном сне, от кого смерть приму...».

И только тут я узнал своего бывшего эскадронного командира есаула Еланцева. Правда, сейчас он был в немецком мундире, и тяжёлые витые погоны на его плечах указывали на полковничий чин.

— Выслужился, ты ведь у фашистов выслужился, Ваше Высокоблагородие...

Я остановил коня, который всхрапывал, никак не могла божья тварь привыкнуть к запаху крови и смерти, это мы, люди, быстро привыкаем и к крови, и к смерти, и долго смотрел на поверженного врага. Краска жизни сходила с его лица, оно, на моих глазах, делалось восковым и безжизненным.

В правой руке, навечно, застыла знакомая мне Георгиевская шашка, с темляком оранжево-чёрным и золотым крестиком на белой эмали нарядной рукояти.

Вспомнилось, как мы гордились в ту пору доблестью своего командира, который, в столь юные лета, был награждён таким высоким отличием. Вместе с ним — выпала и мне честь получить свой первый Георгиевский крест.

Значит, четыре года Солженицын действительно уже был эмигрантом, так как ему никто не возбранял вернуться в Россию.

Но он выжидал. Приценивался. И только после того, как был расстрелян Дом Советов, и верх взяла, вынестованная и Солженицыным лично, контрреволюция, он появился в России, чтобы закрепить этот исторический факт. И благословить русофобию.

А что стоят его восхваления предателя и изменника Родины Власова, которого он называл самым талантливым генералом?

И хотя вдова «ВЖК» пытается нам «впарить» мысль о том, что он преследовался в Америке, открываем «Русскую мысль» за 17 июля 1974 года и читаем, как наш страдалец собственноручно пишет, что «Америка — самая великодушная и щедрая страна в мире».

И это после Корси и Вьетнама, где погибли миллионы людей?! Уж об этом «ВЖК» знал доподлинно. И, тем не менее, призывал американцев побольше вмешиваться в наши внутренние дела: «Мы просим вас: вмешайтесь!».

Задумайтесь, дорогие друзья, как писал о «ВЖК» Александр Зиновьев: «Солженицына надо не просто критиковать. Его надо громить. Эту б... всеми силами навязывают нам как со стороны Запада, так и со стороны пятой колонны Запада в России». А. Зиновьев в это время ещё жил в Мюнхене, в 1990 году.

Не мной сказано: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу — кто ты». Это правило вечное. И тот, кто сегодня поёт осанну Солженицыну — открытый и прямой враг России, который не желает её могущества и развития. Поэтому — очень жаль, что наш народ, как всегда, безмолвствует и в этом случае. А завтра уже будет поздно...

Услужливая память увела дела к тем годам молодости и отваги, беспашащности...

Нашему эскадрону — сам Пётр Николаевич Врангель, командир корпуса, поставил задачу — выйти в тыл противника и «...понимать там изрядно», привлечь на себя внимание главных сил, а когда они устремятся к нам, полагая, что здесь у русских и намечилось направление главного удара, корпус нанесёт молниеносный выпад по флангу австрийской дивизии и займёт уездный город.

Так всё и произошло, за тем исключением, что австрияки опомнились быстро и полностью окружили наш эскадрон, решив его добить, во что бы то ни стало. Один за другим падали в придорожную траву мои побратимы, спешно закатывалась жизнь моих боевых товарищей.

Эскадрон, спешившись, отстреливался, вначале — густыми пачками, а за убью патронов — редкими, но смертельными для врага выстрелами. Совсем скоро дошло дело и до шанек. Оставив бесполезные уже карабины, в них не оставалось ни одного патрона, мы — человек тридцать, во главе с есаулом Еланцевым, бросились на врага. И он не выдержал, страшен был наш вид — все в крови, не было ни одного, кто бы остался без ран, наспех перевязанных нашими же нижними рубашками.

И мы прорвали коридор, а тут и наши поспешили. Корпус нанёс по австрийской дивизии удар такой силы, что нас никто не преследовал, и мы благополучно вышли к своим. Вышли, правда, громко сказано, так как на ногах мог стоять я, да Егор Высокоблагородие. Ещё человек десять — лежали в беспамятстве, оглашая лес своими страшными стонами и криками.

Подоспевший к нам на выручку отряд застыл в изумлении — мы, с Егором Высокоблагородием, стояли, опираясь спинами — друг о друга, замкнув левые руки в неразсторжимый замок, с шашками — в пра-

вых руках, все в крови и изготовились защищать своих увечных товарищей до последней капли крови.

Так мы, вместе, попали и в лазарет. Неслыханное дело — Его Высокоблагородие настоял, чтобы нас и в одну палату положили. Начальник лазарета попытался пересчитать, так Его Высокоблагородие так на него зыкнул, что тот уgomонился и велел принести кровать и для урядника.

В этой же палате генерал Врангель и вручил нам высокие отличия: Его Высокоблагородию — Георгиевскую шапку, а мне — крест.

А сейчас, я, не сходя со своего коня, смотрел на германского полковника, в котором всё ещё угадывался тот молодой есаул и думал:

«Вот и свиделись, Ваше Высокоблагородие. Не думал Вас здесь сустреть. Во вражьем стане. А ведь был — душа-человек, любили и почитали все мы своего командира. И гордились Вами...»

Полынь, замешанная на крови, тяжело дурманила голову.

Не знаю почему, но я спешился — тяжело, от пережитого, спрыгнул с коня, сам вырыл сапёрной лопаткой могилу, неглубокую и, к удивлению своих однопольчан, стянул в неё тело бывшего своего командира, закрыл лицо ему своим носовым платком, а затем — полынью, да и засыпал землёй.

И только комиссар полка, старый казак, мы с ним годками были, понял меня и велел всем любопытным не мешать мне.

Довершая свой печальный обряд, без жалости, но и без ненависти, думал:

«Где же ты так заблудился, сердечный, что с врагом на Родину нашу пошёл? Где так душой измаялся, что и веру утратил и совесть? Ишь, служил, видать, долго, исправно, супостатам, до полковника дослужился...»

Шапкой стрёб землю, с известняком, в яму. Знака никакого не стал ставить, напротив, сравнивал могилу с землёй, чтоб не приметной была и никого не привлекала к себе.

«Прощевай, господин есаул. Есаулом я тебя и запомню, а вот фашистским полковником — не нволь, не хочу. Не встретимся более, даже и в будущей Вечной жизни. Так как — ждали есть Господь и он — судия всем самый высший и справедливый, то, полагаю, не сустреться нам уже никак, не должен Господь попускать тем, кто предал землю отчую и с врагом пришёл на родные пенселища. Поэтому — в аду гореть тебе, непременно, Ваше Высокоблагородие».

Был соблазн — шапку забрать, но памятовал заповедь старых солдат, ещё с той войны, когда мы вместе, с Его Высокоблагородием, в одном строю были и к единой цели шапками прорубались — ничего не брать с покойника, дурной знак.

Поэтому я и шапку положил, в канавку, возле могилы, да и загрёб над ней землю своими сбитыми и выбеленными солью сапогами.

Затем, нарвал кураю, полыни яркой, застелил свежую землю. Так она и скрылась из виду. Даже если и захочешь, так не найдёшь.

Взяв коня за повод, я медленно пошёл прочь. Одна мысль, как и помню, всё время вилась у меня в голове:

«И для чего жил человек? Имел ли семью, детишков, продолжил ли род свой? А может, так и стоял сухой вствью и некому по нему и слезу пролить. Вспомнить некому... Зачем, тогда, для какой такой цели и на этот благословенный свет явился?».

А через несколько дней я уже и думать перестал о своём бывшем командире, жизнь которого и оборвал мой быстрый клинок. Тут такие дела завернулись, что и себя забудешь.

Измолотил нас Манштейн. Весь полк

пошёл. Начальники наши, мать их в душу — редко заворачивал мой дед крепкое слово, а тут не удержался, выругался — всё норовили бросать нас, в конном строю, против механизированных колонн выпколенного противника.

Да что там полк, весь Крымский фронт перестал существовать. Разрозненными группами войска отходили к Керчи, другим портам, откуда можно было рассчитывать переправиться на материк — кораблями Черноморского флота или рыбацкими сейнерами. Малая, но всё же — надежда.

И мы её держались. Но и свои жизни, не буду гневить Бога, мы — не за так отдавали фашистам, многие из них не вернулись к своим семьям, к своей германской земле. Ожесточились мы до крайности и уже никаких пленных не брали, если выпадала удача в бою. Клинок, слава Богу, рука держала ещё твёрдо.

И вот эта самая полынь, которой я и могилу моего бывшего командира засыпал, мне и самому жизнь спасла.

Через несколько дней страшных и кровопролитных боёв, остались мы с комиссаром вдвоём со всего нашего славного полка, Краснознамённого, имени красного героя гражданской войны Олеко Дундича. Чуждое имя какое-то, я даже не знаю, из какого он народа, нации какой.

Комиссар раненый был. Мужик крепкий, степенный, держался мужественно, но понимал, что силы его на исходе. Поэтому он мне и приказал — Знамя полка, которое было при нём, принесть, намотать на тело, под гимнастёрку и во что бы то ни стало, сжечь — с ним что, дойти до своих и спасти святыню, как символ доблести красных конников и героизма.

Я заверил комиссара, что только смерть, а от неё ни у кого не было гарантии укрыться, помешает мне выполнить его приказ.

— Нет, сержант, не имеешь права ты погибнуть. Во имя всего полка, прошу тебя, дойди и расскажи всем, как мы гибли, но честь сберегли. И святыню нашу — Боевое Знамя не посрамили. Поэтому, мой тебе приказ — выжить, дойти до своих, хоть змеёю ползи, но дойди до своих.

А тут, на утро, когда комиссар стал уже бредить, фашистские мотоциклисты, с пулемётами, всю степь стригли очередями, выискивая случайно уцелевших наших бойцов, нигде, если бы и хотел — не укроешься.

И комиссар, мгновенно придя в себя, из последних сил оттолкнул меня под обрыв, встал на ноги, качаясь, рванул гимнастёрку на груди и с одним «ТТ» пошёл навстречу врагам.

И тут я понял, что это он от меня опасность отводит, даёт мне возможность уйти и выполнить его приказ.

Я метнулся в заросли, да и затаился там. Услышал торопливые выстрелы из «ТТ», а затем — длинные пулемётные очереди. Я всё это видел, как очередь из пулемёта пересекла его, почти поперёк. Но он не упал сразу, а как-то медленно встал на колени, оперся рукой о землю и только после этого быстро кувырнулся на бок, да и загрёб, по полыни, своими разбитыми хромовыми сапогами.

Я рванул к комиссару, но, в последний миг опомнился — Боевое Знамя полка, святыня наша, было на мне, и я не имел права на опрометчивый поступок, хотя в немецком «шмайсере», который я забрал у зарубленного мною фашиста несколько дней назад, был ещё почти полный рожок патронов.

Понимал, что слава и доброе имя полка — дороже двух-трёх поганых жизней фашистов.

Так я и пролежал, до поздней ночи, в полыни. Даже голова страшно разболелась от густого настоящего запаха, а уж гнус покая не давал и потную шею, руки, лицо всё — искушал до крови.

Я уже даже не отбивался от него, бесполезно всё было. Просто терпел.

И только ночью, наспих похоронив комиссара, забрав у него все документы из кармана, фашисты почему-то его так и оставили, убитого, в полыни и пошёл туда, где мерцали далёкие зарницы не затихающего сражения.

Почти под утро я всё таки вышел к своим. Прямо у переправы на Тамань.

Увидел генерала, не знал его, но, видно было, что он самый старший был у переправы, так как много командиров к нему с докладами сбежали, и получив указания — тут же устало, скорее — для формы, козыряли и сбежали к своим частям.

Человек, было сразу видно, волевой, умный. На переправе был установлен железный порядок, и офицеры комсодаттуры не церемонились с паникёрами и трусами, иными пикурниками.

То тут, то там — потрескивали пистолетные выстрелы и люди, сторожась, подтягивались, сбивались в строи подразделений и норовили, по установленному порядку, как можно быстрее, погрузиться в катера, и сейнеры.

Я, набравшись духу, подошёл к генералу, еле пропустила охрана, остерегались диверсантов, поэтому и «шмайсер» мой забрали, и трофейный пистолет.

Шапки только я не дал:

— Не трожь, соняк, нос вначале вытри — сказал я молодому бойцу из комсодаттуры, — я с ней с четырёхнацатого года...

Он недоумённо уставился на меня, а я рванул шапку на себя и ещё твёрже ему сказал: «Не трожь!»

И тот как-то ступенвался и всё же пропустил меня к генералу.

— Ваше Превосходительство! Товарищ генерал! Старший урядник Корнилов...

Генерал даже засмеялся:

— Узнаю старого солдата. Старший сержант, ты хотел сказать, солдат?

— Простите, товарищ генерал, запоминал после встречи, недавней, с сослуживцем бывшим, — и я чуть выдернул из ножен шапку.

Генерал, опытный вояка, увидел сразу на ней уже заржавленную кровь и по-суровел:

— Слушаю тебя, солдат.

— Так что, товарищ генерал, Боевое Знамя при мне, нашего Краснознамённого, имени Олеко Дундича, полка. Вынес на себе...

И я, расстегнув гимнастёрку, быстро снял с себя ремень и, размотав Знамя со своего тела, на вытянутых руках протянул его генералу.

— Спасибо, солдат, — он благоговейно встал на правое колено, поцеловал алое полотнище, но брать его не стал.

— Вот и давай — на первый же корабль и на тот берег. Есть Знамя, значит и полк жив. Слава его жива.

И торжественно так, что я даже вытянулся в струнку:

— А тебе, старший сержант, властью мне данной — орден Боевого Красного Знамени.

Повернулся к своему адъютанту, чёрному от недосына, и распорядился:

— Заними майор, сам проверю. За это святое дело — даже Знамени мало, да видишь, солдат, что творится. А на Героя, а ты его заслужил, нет моей власти. А пошло, как установлено, не верю, что дадут.

Фронт рушится, скажут, что не может при этом быть героем. Так что — с орденом тебя, старший сержант. Живой останешься — станешь и героем, Лихой ты казак. И я верю в это.

Снова обратился к майору и попросил налить мне стакан водки. Подождал, пока я её выпью и закушу куском хлеба, с каким-то мясом, а затем — задумчиво так сказал, глядя мне в глаза:

— Жаль, нет времени поговорить, старший урядник — уже с доброй улыбкой на своём смертельно уставшем

лице, проговорил генерал.

— Сам ту войну завершил штабс-капитаном, так что понимаю тебя, старший урядник, очень хорошо. Будь жив, солдат. Удачи тебе. А за Знамя полка — поклон тебе земной, — и он не рисуясь, а искренне, к недоумению всех командиров, стоявших рядом, поклонился мне до земли.

— Редкое событие тех дней — завершил дел свой рассказ, — чтобы через неделю мне вручили новенький орден Боевого Красного Знамени, вот этот, ещё на закуртке, без колодочки. Как и нашли в запасном полку, где формировался наш новый полк... Но под спасённым мною Боевым Знаменем.

Вот такие две истории мне наполнили багрец полыни, которая в Крыму всегда разгорается к ноябрю и долго, затем, полыхает, до самых повогодных дождей, а то и до редких в этих местах снегов.

А у меня дома, всегда, стоит веточка полыни, и её горьковатый запах напоминает мне пережитое и услышанное от дедушки, Георгиевского канальера той далёкой уже и орденосносца минувшей Великой Отечественной войны.

Вечная память тебе, дед. Ты оказал на формирование моей души огромное влияние. И я тебя всегда помню.

Поклон тебе земной, старый солдат.

А шапка твоя, та, с которой ты и завершил минувшую войну, так и висит у меня на стене, как символ чести и славы.

Наступит час — сыну передам, как ты мне в тот святой майский день, когда собирался в самую дальнюю из дорог, из которой уже никогда не возвращаются к родному порогу.

На всю жизнь запомнил я этот день — в майском цветущем саду на твоём подворье, в присутствии всех твоих друзей, почтенных старцев и солдат Отечества, ты и вручил мне свой боевой клинок.

Спасибо, дед, я это буду помнить всегда. А пока мы помним успешных, до тех пор и будет длиться наш род на земле, во славу благословенного Отечества.

Если сохраним память и славу своего Отечества, да не забудем о чести его защитников.

Только вот боюсь я, что не всем эта память дорога. Столько завелось у нас двурушников поганых, не помнящих родства, откровенных отступников и предателей земли отчей, что в час испытаний не собрать такой единый строй, в котором деды и отцы наши шли на врага, к победе шли, всё преодолевая.

Вот это и страшнее всего.

В чести сегодня палачи и каратели, которые терзали Россию, залили её кровью народа. А им, обезумевшая власть, да «демократы», пожёгшие на трибунах свои партбилеты и оборотившись в новую веру, памятники ставят по всей стране и призывают нас печаловаться о них. Говорят, в Северной столице, бывшая партийная активистка даже Маннергейму, мечтавшему затопить Ленинград и стереть его с лица земли, союзнику Гитлера, памятник поставила, а президенты — и нынешний, и предшественник его, цветы к нему возлагают, да поучают нас своим примером, кто же подлинный победитель и хозяин на Руси.

То же самое свершил президент Калмыкии, увековечил Корнилова, своего земляка, государева отступника и предателя, арестовывавшего всю царскую семью.

До Колчака даже черёд дошёл, самозванного правителя. Сохрани Господи, но так и Власова скоро будем чествовать и памятники ставить. Как же, не фашистам служил, а «боролся с тоталитарным режимом».

Так предательство в новые окающие времена, которые, очень надеюсь, что минули навсегда, стали называть.

г. Москва.

Галина ЯКОВЛЕВА

Яковлева Галина Григорьевна родилась 9 мая 1936 года. Издала 15 поэтических сборников, печаталась в республиканских и городских газетах Крыма, в тридцати пяти коллективных сборниках. Дипломант и лауреат литературных фестивалей Крыма и Украины. В течение пяти лет возглавляла литературное объединение Феодосии. Член регионального отделения Союза писателей Крыма и Союза русских писателей Восточного Крыма. Лауреат литературной премии им. А.И. Домбровского (2013г.) и Международной премии им. Николая Гумилёва (2015г.).

Крымский мост

Рождён благодаря и вопреки...
Благодаря — могучей доброй силе
И вопреки — оскалившей клыки
Злой стае, ненавидящей Россию.

Мысль инженера, техники напор
И руки мастеров в единой связке
Творили чудо века. Ряд опор —
Начало рукотворной смелой сказки.

Вгрызались сваи в непокорный грунт,
Чтоб стать надёжной мощною стеною.
Объединив мечту, упорство, труд,
Взлетела гордо арка над волною.

И, время сдвинув, сроки уплотнив,
Не в декабре — весной рапортовали
Строители, что путь проложен в Крым,
Что стало явью то, о чём мечтали.

Крым и Россия вместе на века!
Мы празднуем победу. Подвиг этот —
В истории блестящая строка,
Горящая неугасимым светом!

Вид из окна

В оконной раме тысячи картин.
Природа создаёт их неустанно.
Раздвинутся вдруг пологи тумана —
И горы вырастают из глубин.

И каждый день восходы и закаты,
Окрашенные в яркие тона,
И облака, плывущие куда-то,
И моря белопенная волна.
Художник, божеству по силе равный,
Я навсегда твой зритель благодарный.
Кто лучше раму для картин найдёт,
Чем этот вот оконный переплёт?

Июнь

Ромашки выбежали в поле,
В листве задорный щебет слышен,
И лето в ситцевом подоле
Песёт пригоршни спелых вишен.
Промчался дождь, весёлый, хлёсткий,
Чечётку проплясал на крыше,
Деревьям растрепал причёски
И небо синей гладью вышил.
А море грудью обнажённой
Вздыхнуло широко и гулко.
И замер мир заворожённый,
А ветер скрылся в переулках.

Бал хризантем

Крымская осень достойна поэм.
Главное чудо в ней — бал хризантем.
Мы на балу этом гости. Вглядитесь
В лица гостей. Сколько в них доброты!
Самое главное наше открытие —
Пожность свою отдают нам цветы.
Бал хризантем! — Эта новость несётся

Дальше, как эхо, призывно, затем,
Чтоб одарить всех. Ведь в нас остаётся
Сказка осенняя — бал хризантем!

Лети, мой стих!

Песу свой стих, как птенчика в ладони.
Он из родного выпорхнул гнезда.
Он до поры таился в пышной кроне
Родного дерева. Ну а теперь куда?
Денёк — другой о нём мои заботы,
Но, чуть окрепнет, выпущу: лети!
Стихам и птицам нужно жить в полёте.
Я им желаю доброго пути.

Голос сердца

Томит меня несказанное слово,
Зовут стихи. Я не могу молчать
О времени прекрасном и суровом,
О людях, с кем хочу я вровень стать.
Не потому, что я честолюбива.
Не рвусь вперед, выпячивая грудь.
Но я живу, а жизнь — такое диво!
Пу как в глаза её не заглянуть?
Слова рассеяны в космических просторах.
Найду свои, чтобы собрать их в горсть —
Не растерять в бездумных разговорах,
Сказать о том, что в сердце запеклось.
Десятилетия представляют веки.
Пока судьба дарует право жить,
О счастье, о любви, о Человеке
Я буду жарким сердцем говорить.

Волны

Пептуну грозному покорные,
На волнорезы, на причал,
Неукротимые, упорные,
Они идут за валом вал,
Песут серебряные блики,
На берег стелют кружева,
И перед силой их великой
Немеют гордые слова.

Навеки с Россией

Когда над крымскою землёй
Бандеровская власть нависла,
Надежды наши, наши мысли
Связали мы с тобой одной,
Россия!
Нам дорог мир. Мы все равны
Национальностью и верой.
Нам чужд фашизма сумрак серый.
Мы правдою своей сильны,
Россия!
А правда на земле одна:
С тобой отныне и навеки!
И в каждом русском человеке
Пульсирует: «Моя страна-
Россия!»

Василий РУДЕНКОВ

Руденков Василий Фёдорович родился в 1948 году. Детство и юность прошли на берегу Чёрного моря, в Феодосии. Образование высшее, ЛКИ. Вся трудовая деятельность была связана с морем и атомным подводным флотом на Кольском полуострове. Снимает документальные видеофильмы. Неоднократный участник конкурсных просмотров. Отмечен дипломами. Играет в народном и самодеятельных театрах. Снялся в эпизодических ролях в нескольких фильмах у известных режиссёров России. Стихи начал писать в 2013 году. Член феодосийского ЛИТО «Киммерия». На его стихи написаны романсы. Ранее не публиковался.

Бабье лето

Дыша теплом и пряною истомой,
Раскрасился осенний дивный день,
Прощаясь, пела птицею знакомой
Мне остывающего лета тень.

Подёрнутое лёгкой дымкой, солнце
Пригрело бабье лето, словно плед,
И паутинкой лёгкой на оконце
Узорных кружев растворился след.

Разлил медовый воздух позолоту,
Заполнив зноем сонные хребты.
Павая властно томную дремоту
На яркий лик осенней красоты,

Так тихо догорало бабье лето
И меркло, выцветая на холмах,
Своею грустью, наделив поэта,
Её расцветив в палевых тонах.

Не опечалит свадебного танца
Прощание увядшей красоты,
Спадёт осенний саван из багрянца,
Весною расцветёт наряд фаты.

Корабль

Шквал налетел, обрушив небеса,
Корабль содрогнулся раненою птицей,
И ветром наполняя паруса,
Пошёл — в знакомой гавани укрыться.

А ветер всё настойчивей крепчал,
К закату буря злобно разыгралась,

Полнеба заслонил «девятый вал».
Волна, смывая с палуб, разметалась.

Корабль, реями кренясь к волнам,
К штормам привычный закричал бортами,
И стон его поднялся к небесам
Протяжный, словно бы устал с годами.

Прошёл он океаны и моря,
Полярные сиянья и зарницы,
Но за туманом ждёт его земля,
Заветный берег постоянно снится.

Мы, словно корабли, окончив жизни путь,
Ища покой, надеемся вернуться,
И в тихой гавани причалить и уснуть,
И вечному блаженно улыбнуться.

Дом

Медленно к закату день клонится,
Последний луч прощается с листвою,
Бродяга ветер, загуляв, кружится,
Танцует на булыжной мостовой.
Мой старый дом, скрипучие перила,
Истёртые ступеньки на крыльце,
Свои объятия осень нам раскрыла,
Рассыпала морщинки на лице.
Ночное небо двери распахнуло,
В них льются звуки падающих звёзд,
В старинном доме всё давно уснуло,
И сон, как в детстве, — полный сладких грёз.
Дома живут и чувствуют, как люди,
В них тени тех, которых больше нет,

Хранят в себе и праздники, и будни,
Всю череду событий прошлых лет.

«Край голубых вершин»

(Кок тэбэ зль)
Остыло ярко вызревшее лето,
Вновь по-осеннему ворчит прибой,
И Коктебель теперь почти пустой,
Затихла «Мекка» молодых поэтов.

Густой листвою засыпан тротуар,
И дождь, танцует на опавших листьях,
Смывает память о прошедших жизнях,
Роняя слёзы на пустой бульвар.

Туманной мглой затянут Карадаг,
И чайка грустно реет над заливом,
Протяжным голосом её тоскливым
Лишь эхо отзывается в горах.

Но будет новый день залитый солнцем,
И вызреет янтарный виноград,
Вином наполнится бокалов ряд,
И ветром распахнёт моё оконце.

Объятия вновь раскроет Коктебель,
И потечёт людской поток без края,
Его любовь и память колдовская,
Поэтам многим, словно колыбель.

Но минет всё, и страны, и народы,
Другие ценности предъявит новый век,
Теченье времени не остановишь бег,
И вечны лишь, закаты и восходы.

Полынь

Окрестные холмы вызорены,
В сухой траве цикада раскричалась,
И скалы от жары раскалены.

Зной, сушь — теперь здесь всё завяло,
В укромном месте прячется листок,
Весной окрест благоухало,
А нынче август, он к цветам жесток.

По вот полынь. Я веточку срываю,
Вдыхаю горько-пряный аромат,
Такой родной. Я степи вспоминаю,
И этот запах, он манит назад.

Пазад, в бескрайние просторы детства,
Почное небо, горы — там поленный дух,
К родному дому, к силе места,
Где стрекотание сверчков ласкает слух.

Полынь моя! Твой аромат пьянящий,
И седовласый вид родных долин,
Под облаками стрижа летящий,
Всё память сердца и моих седин.

Благоуханье роз и красота глициний,
Мне просто мил их экзотичный вид,
И только с веточкой родной полыни,
Я вспомню всё, и сердце зашевелит!

Александр МАКАТРЕВИЧ

Родился 1955г в Киргизии. 1972 окончил школу, рабочий. Участник боевых действий в Афганистане. В 2006 переехал в Новокузнецк.

До 2016 работал в Водоканале слесарем-инструментальщиком.

Литературным творчеством занимается давно. Пишет стихи и прозу, но публиковаться начал недавно.

Соло для двоих

(Пьеса в стихах)

Действие первое:

На кухне двое, Артём и Елена

АРТЁМ — Прости, опять я уезжаю.
ЕЛЕНА — Когда вернёшься?
АРТЁМ — Я не знаю?
ЕЛЕНА — Ты что смеёшься?
АРТЁМ — Вполне серьёзно.
Недели через три, возможно...
ЕЛЕНА — Я буду ждать опять и снова,
Одна в квартире, как в тюрьме.
Давно я к этому готова,
И длится это много лет.
Ну, согласишься, какой-то бред:
Мы чаще врозь и реже вместе.
Ты где то там, и нет известий.
Ночь так длинна...
И как бы не сойти с ума.
Да виновата я сама,
Сидела б глупая на месте.
Лямур, лямур...
Иллюзия для дур.
Так каждый день, а нужно жить...
АРТЁМ — Тебе встречать, а мне служить.
Ты понимаешь всё сама...
ЕЛЕНА — Первы — гитарная струна,
Ещё чуть-чуть и оборвётся.
Не представляешь, что начнётся:
Прочь... кувырк... не соберёшь!
Твоя вина... Чего ты ждёшь?
Был молодым? Там всё понятно!
Года умчали безвозвратно,
Пора уже и на покой.
Ты что качаешь головой?
Твой друг Крылов давно при штабе
(А больше ничего не надо),
Всегда с любимой женой.
Не то, не так, у нас с тобой,
АРТЁМ — Сказал комбат: в последний раз
Меня отправит на Кавказ.
Настала очередь Крылова...
ЕЛЕНА — И, как всегда, он не готов.
Ему по праву жизнь штабная,
Тебе же рота — мать родная!
АРТЁМ — Прости, не скрою, это да!
ЕЛЕНА — Об этом знала я всегда.
И в этом вот моя беда:
Тебя к казарме ревновала,
Почами долгими рыдала...
Тебя уже не изменить,
Как дальше нам с тобою быть?
АРТЁМ — Ну, что ты милая, не надо!
Ты мой причал, моя награда...
Пойми, мне без тебя не жить.
ЕЛЕНА — Кончай шутить.
Я говорю вполне серьёзно.
Ну, сколько можно
Мне обещать и обещать?
Проходит время, и, опять
Всё начинается сначала.
Пойми, мой милый, я устала!
АРТЁМ — Даю зарок: в последний раз!
Мне тоже надоел Кавказ.
Но, ты пойми, я дал присягу!
Она не подпись на бумаге
А обязательство души
Бессрочно Родине служить!
ЕЛЕНА — Скажи, а как со мною быть?
АРТЁМ — Тебе — меня, а мне — тебя
До скончания дней любить!
ЕЛЕНА — Ну, как в трагедии Шекспира.
Тебе давно я говорила,
Скажи: «Достала». Я уйду.
АРТЁМ — Нет! Без тебя я пропаду!

Занью, и все дела заброшу...
Нет в этом ни чего хорошего.
Не оставляй на произвол.
ЕЛЕНА — Шутник, давай садись за стол.
Перед отъездом накормлю.
АРТЁМ — От голода я не помру
В надёжных, преданных руках.
Покаюсь я во всех грехах:
Не сносен, груб и не учтив,
Но к пище, знай, не прихотлив.
ЕЛЕНА — Привык к казарменной еде,
К перловой каше на воде,
В меню всегда пшено и гречка.
АРТЁМ — Молчу, молчу,
сказать мне не чего.
Есть в ресторанах не привык.
ЕЛЕНА — Ну, не воспитанный мужик!
(С усмешкой)
Тебе напомнить о былом?
Язык твой был как помело:
Стихи, сонеты и поэмы...
Мне что, родной, продолжить тему?
Запудрил девушке мозги.
Один хоть звук изобрази...
АРТЁМ — Позволь, позволь...
ЕЛЕНА — Что наступила на мозоль?
Сама попала в сети вроде...
Скажу одно: «А я не против».
За оболочкой умных слов...
АРТЁМ — Всегда лямур, всегда любовь.
ЕЛЕНА — Вы то доказывать должны!
К чему пустые разговоры?
АРТЁМ — Доказывал и докажу.
Не забывай, что я служу.
Сейчас давай не будем спорить.
ЕЛЕНА — Наобещают жёнам горы.
Пустые, лживые слова —
Но как кружилась голова
От этих сладких обещаний?
Простушка, знала бы заранее,
Вела бы письменный учёт.
АРТЁМ — Сражен, унижен, оскорблён,
Но всё же по уши влюблён.
На плахе подтвердित готов:
Не откажусь от своих слов!
Я, между прочим, не шучу...
(Елена шутливо замахивается рукой)
Молчу... молчу...
ЕЛЕНА — (Ставит на стол тарелки с едой)
Котлеты, плов или салат?
АРТЁМ — Ну, не хочу,
(Но взглянув на жену)
съем всё подряд.
Плов по заказу для меня!
ЕЛЕНА — С утра готовила сама.
АРТЁМ — Салат по вкусу, угодила!
ЕЛЕНА — На рынок для тебя ходила.
АРТЁМ — Лучок, томаты, сельдерей!
ЕЛЕНА — На похвалу слов не жалей,
Их звук пустой, а так приятно.
Одно скажу: мне не понятно,
Когда мы, гвардии майор,
Закончим наш семейный спор?
АРТЁМ — (со смехом)
Какой скандал? Какой тут спор?
Не вижу ни чего в упор.
А то, что милые бранятся,
В утеху это им самим.
Ну, не о том мы говорим.
ЕЛЕНА — Я говорю тебе о том,
Не оставляя на потом.
Смотри в глаза, не издевайся.
Майор, запомни: доиграешься.
АРТЁМ — Всё, всё, любимая, сдаюсь!
Горячий кофе, захлебнусь...
ЕЛЕНА — Забыл, я — врач! Сама спасу.

Нет, лучше в жертву принесу
Мои разбитые надежды.
АРТЁМ — По прежде
Дай кофе до конца допить.
ЕЛЕНА — Прощаю, ладно... так и быть!
АРТЁМ — На вашу милость уповал.
ЕЛЕНА — На нервах у меня играл?
Зачем, к чему такие сложности.
АРТЁМ — Ваше величество,
ну как же можно?
Я раб и немошен, и слаб.
Стою с поникшей головой.
ЕЛЕНА — Шута то из себя не строй.
Уеду к маме в Краснодар.
Врачи всегда там в дефиците.
АРТЁМ — Мадам, вы что такое говорите?
Ну, признаюсь... Ну, был не прав...
Уедете, а как же я?
ЕЛЕНА — Покаяйся, дурья голова.
АРТЁМ — Как
заслужить мне снисхождение?
Для исправленья шанс даёте?
ЕЛЕНА — Майор, вы мне так часто врётё.
АРТЁМ — Я искренен как никогда.
ЕЛЕНА — Эх, если б знала я тогда,
Что под мундиром лейтенанта
Задиры, болтуна и франта
Скрывается коварный льстец.
АРТЁМ — Ну, раскусила, наконец?
ЕЛЕНА — Я это поняла давно.
АРТЁМ — По?
ЕЛЕНА — Представился вот случай...
АРТЁМ — Ну, говори уже, не мучай.
ЕЛЕНА — Настаиваешь?
Ну, так и быть, скажу.
Куда пошёл?
Сиди и слушай.
АРТЁМ — Сижусь.
На чадо милое гляжу,
По вашей воле, подсудимый?
ЕЛЕНА — Отнюдь, любимый,
Для исповеди час настал.
АРТЁМ — Как я от этого устал.
ЕЛЕНА — Да, для тебя важней устав,
Казармы, стрельбы, солдатня.
АРТЁМ — Да! Для меня они — родня!
По ты милее всех на свете.
ЕЛЕНА — Твои слова, что в поле ветер,
Развеются, и нет следа.
АРТЁМ — Тебе не врал я никогда.
Заметь, и не творил измены,
ЕЛЕНА — Не врал, но обещал
Со мною быть везде, всегда.
А обещаниям на смену
Куда-то уезжал всегда.
АРТЁМ — Дружба — дружбой,
а служба — службой!
По мы же вместе!
ЕЛЕНА — Лишь иногда.
Так вот что, дорогой,
Любимый мой,
Быстрее стрелы летят года,
И я уже не молода.
За тридцать перешила черту,
И мне одной нелегко.
Детей оставил на потом,
Когда в селе построим дом...
А дома и в помине нет.
Скажи мне, что-нибудь в ответ.
Детишек аист не принёс?
АРТЁМ — Родная, это что — вопрос?
ЕЛЕНА — Сиди, мотай на ус и слушай.
Скажу в лицо, так будет лучше.
Поставила вопрос ребром,
Не оставляю на потом...
(Артём пытается вставить слово)

Молчи!
АРТЁМ — Любимая, не горячись!
ЕЛЕНА — К комбату же сейчас пойдёшь,
В курс наших дел с тобой введёшь.
Чем хуже ты того Крылова?
По правде говоря, ничем!
АРТЁМ — Оставь, любимая, зачем?
Крылов тут вовсе не причём.
ЕЛЕНА — А кто?
Он в штабе наживает геморрой.
А ты в Чечню, и сразу в бой?
Его по графику поездка...
АРТЁМ — Не надо может быть так резко.
Он как, никак, а всё же друг.
ЕЛЕНА — Ты оглянись, майор, вокруг.
Да он смеется над тобой.
На море с молодой женой
За лето съездил третий раз.
Ты, вместо моря, на Кавказ!
Его жена с женой комбата
Учились в МГУ когда то...
Замолвила за мужа слово,
И место теплое готово.
Сидит, отдельный кабинет...
И на него управы нет.
АРТЁМ — Ты ошибаешься, родная!
ЕЛЕНА — Майор, настала жизнь сейчас
такая:
Кто ближе к кухне, тот и сыт.
Кто — нет, тот голоден, забыт.
АРТЁМ — Здесь не гражданка, жизнь иная.
ЕЛЕНА — Какая?
Она такая, как у всех:
Тому забвенье или успех.
Места штабные не для всех.
Забыли, что ты трижды ранен,
Забыли, что ты был в Афгане!
А ты: «Крылов — мой друг и брат»...
Да все об этом говорят:
Он брат тогда, когда ему
В Чечню не ехать самому.
Заткнул дыру тобой, майор.
АРТЁМ — Да ты несёшь какой-то вздор.
ЕЛЕНА — Наивный, глупый как мальчишка!
АРТЁМ — Ну, дорогая, это слишком!
ЕЛЕНА — По-моему, так в самый раз.
Крылов — к жене, ты — на Кавказ!
И повторяется такое, ты осмотришь,
Не в первый раз.
АРТЁМ — Приказы обсуждать не буду.
К чему мне эти пересуды?
ЕЛЕНА — Да для чего и почему?
Комбату скажешь своему,
Он для тебя почти что брат...
Ну, что стоишь? Вперёд, солдат!
На кон поставлена семья:
Или Чечня, решай, иль я?
АРТЁМ — Ты, что в серьёз?
ЕЛЕНА — Что за вопрос?
Всерьёз, всерьёз! Какие шутки?
На размышленья тебе сутки.
АРТЁМ — Куда спешишь, что за пожар?
ЕЛЕНА — Уеду к маме в Краснодар.
Такая жизнь вот так достала!
(Проводит ребром ладони по горлу)
Пойми, майор, я так устала,
Пришёл терпению конец!
АРТЁМ — Родная, разве я подлец?
Ты знаешь, я давал присягу!
ЕЛЕНА — А что Крылов, он не давал?
(С усмешкой)
АРТЁМ — Да... Да... Учились вместе.

ЕЛЕНА — Не понимаю, ну, хоть тресни:
Присяги разные у вас?
Он в штаб, в тепло,
Ты на Кавказ!
А звание одно и то же.
АРТЁМ — Служил... служу без протеза.
ЕЛЕНА — Молчи уже, Аника-воин.
Майор, ты большего достоин.
АРТЁМ — Достоинство, оно не в чине.
ЕЛЕНА — А в чём причина?
Ты что считаешь, что во мне?
АРТЁМ — Да, нет.
По жизни не привык просить.
ЕЛЕНА — Да твой удел один: служить!
Забыл, что я твоя жена?
Тебе я может, не нужна?
АРТЁМ — Ну что ты, милая, несёшь?
Твои слова, как в сердце нож.
ЕЛЕНА — Опять, мой милый, ты мне врёшь.
Не хочешь посетить комбата,
Не хочешь, и не надо.
Сама сейчас пойду к нему,
В глаза всё выскажу ему.
АРТЁМ — Вот этого мне не хватало.
ЕЛЕНА — Глаза я раньше закрывала
На нас с тобой семейный быт,
Проблемы в наших отношениях,
Поставила тебе на вид.
Ну, что молчишь? Ну, я пошла...
АРТЁМ — Остановись, не напрягайся,
К делам на кухню возвращайся.
Не обижайся, сам пойду.
ЕЛЕНА — Тебя до штаба доведу.
Идём, мой милый друг, смелее.
АРТЁМ — Ещё об этом пожалею.

Действие второе:

На кухне двое, Артём и Елена

ЕЛЕНА — Комбат был явно удивлен.
АРТЁМ — И мне на вид поставил он:
Дружба — дружбой, а служба — службой.
ЕЛЕНА — Напоминать сто раз не нужно.
А как же твой дружок Крылов,
Он заменить тебя готов?
АРТЁМ — Приказ подписан до того.
ЕЛЕНА — Что стоит отменить его?
АРТЁМ — Отправлен в округ, утверждён...
ЕЛЕНА — Ну, окружён, со всех сторон.
У вас в войсках один закон:
Вперёд, и мины ничеё.
Отчизна требует героев,
А мать рождает дураков?
АРТЁМ — Да мне понятен твой намёк.
ЕЛЕНА — Ты снова получил урок,
Всю жизнь ты исполнял приказы,
Не вспомнив обо мне ни разу.
АРТЁМ — Ты, что, родная, мелешь чушь?
Недели через две вернусь,
Скажу, что этим я гордился:
Исправно Родине служить,
И делать то, чему учился.
ЕЛЕНА — Раз Родине решил служить,
Так для чего на мне женился?
В казарме продолжал бы жить,
С которой до меня сдружился.
АРТЁМ — Я что казарменный сапог?
ЕЛЕНА — Ну, что ты, милый, как ты мог?
А впрочем, сам во всем признался.
АРТЁМ — Как раньше я не догадался...
ЕЛЕНА — Сравнение, ну, в самый раз!
Давай, кати на свой Кавказ!
АРТЁМ — Но ты сама была свидетель,
Комбат сказал: в последний раз...
ЕЛЕНА — И он ещё к тому заметил,
Что служба ратная у вас.
АРТЁМ — Вернусь домой, подам в отставку.
ЕЛЕНА — Достанешь в психбольнице
справку? (Смеется)
А как без службы будешь жить?
АРТЁМ — Как все, людей в такси возить.
ЕЛЕНА — И дома ежедневно быть?
АРТЁМ — Тебя до старости любить!
ЕЛЕНА — Так думаешь. А хватит сил?
Когда то может и любил?
Комбат в Чечню благословил,
В приказ вписал,
Ты согласился.
АРТЁМ — У нас приказ не обсуждают.

ЕЛЕНА — Попасть в Чечню не все желают.
Крылов, как факт, один из них,
В карьерном росте и не псих.
АРТЁМ — Так я выходит неврастеник?
ЕЛЕНА — (Шутливо садится Артему на колени)
А что тут могут быть сомнения?
Прости, прости, не заводись.
АРТЁМ — Ты что, любимая, творишь?
О чём сейчас мне говоришь?
Скандалим, голова кругом...
Опять с тобой мы не о том.
Спешу, пришла пора прощаться.
ЕЛЕНА — Ты так спешил бы возвращаться.
По не в Чечню, к себе домой.
Мне часто кажется порой,
Что мы расстанемся с тобой.
АРТЁМ — Молчи, не каркай на дорогу.
Сядь, успокойся понемногу,
Вздохи поглубже, обними...
Мне тоже тяжело, пойми.
Ну, это же не первый раз:
Тогда — Афган, сейчас — Кавказ...
Надеюсь, пронесёт как прежде.
АРТЁМ — В приметы веришь, это значит...
ЕЛЕНА — Что беспокоюсь о тебе...
(Слышен сигнал автомобиля. Артём и Елена обнимаются)

Действие третье:

(Входит Артём на костылях, снимает рюкзак с плеч)
АРТЁМ — Ну вот и дома!
(С трудом садится, ставит костыли к стене)
Хотелось, впрочем, по-другому,
А получилось как то так...
(Входит сосед)
СОСЕД — Была там настежь дверь открыта.
Зашёл, не хмурясь, без обид...
Увиделись опять и снова.
Майор, здорово!
Дай руку я твою пожму.
(Жмёт руку)
АРТЁМ — На счёт здоровья не скажу,
Как видишь сам, что всё не так.
Что говорить, попал впросак:
Нога не мёрзнет, не болит.
Да что там, впрочем, говорить —
На дискотеку не ходить.
А ты, гляжу, навеселе?
СОСЕД — Я — «За» всегда, была б причина.
Сейчас же речь не обо мне.
(Смотрит на костыли и Артёма)
Нога осталась там, в Чечне?
АРТЁМ — Не вся, всего лишь половина.
СОСЕД — Но главное, остался жив.
Ты вижу, славно послужил!
(Смотрит на мундир с наградами)
АРТЁМ — По полной списан, отслужил.
Пора менять мундир на робу,
И потихоньку слесарить.
СОСЕД — Кончай дурить!
Пристрают в штаб, в отделе кадров.
АРТЁМ — А это вот, навряд ли.
СОСЕД — Тогда иди в военкомат.
АРТЁМ — Ты, что-то перепутал, брат.
В военкомате все свои,
И посторонним там не рады.
СОСЕД — Так у тебя Кавказ, награды...
АРТЁМ — Кому же это только надо?
И не любитель я просить.
СОСЕД — По надо всё же как то жить?
АРТЁМ — Уеду на рудник, на Север.
Там друг по службе, приглашал.
СОСЕД — А что тебе он обещал:
Устроить сторожем в сторожку
Иль охранять в конторе дверь?
АРТЁМ — Разберёмся понемножку,
Пока есть силы и не стар.
СОСЕД — А как же Лена?
АРТЁМ — Умчала к маме в Краснодар.

Всё правильно, всё по уму.
СОСЕД — Сопьёшься! Тяжко одному.
АРТЁМ — А я попробую не спиться.
СОСЕД — Тебе же нечего стыдиться.
Герой! Жену, сосед, тебе найдём...
(Достаёт из пакета бутылку)
Давай-ка по одной налём,
И сразу станет легче.
Лекарство от любой болезни.
АРТЁМ — Ты думаешь?
СОСЕД — Я утверждаю. (Открывает бутылку)
Что наливаю?
АРТЁМ — Куда спешишь, на электричку?
Так сразу, вроде, не привычно.
СОСЕД — Жена достала...
Твердит одно: куда пропал?
К тебе сорвался на минутку...
(Торопливо входит жена соседа)
Легка в помине, тут как тут.
(Жена забирает бутылку со стола)
Тебе в полиции служить!
Твой нюх, овчарка отдыхает.
ЖЕНА соседа — Где мне служить, сейчас узнаешь.
СОСЕД — Жена, отстань, отдай бутылку.
ЖЕНА соседа — Сейчас получишь по затылку.
(Замахивается бутылкой)
Одно: напиться и поспать.
СОСЕД — Давай, не будем начинать.
Неудобняк, сосед с дороги.
ЖЕНА соседа — Прости, майор! (Майору)
Как ты меня достал ей Богу. (Мужу)
А ну-ка встал, а ну — пошёл!
А то поотрываю ноги...
(Хватает мужа за шиворот и уводит)
АРТЁМ — Да, соседи весело живут.
А тут не до веселья.
Я об одном сейчас жалею,
Что не остался там в Чечне,
В далёком горном кишлаке.
Лежал бы с биркой на ноге,
Родным не создавал проблем.
В финале, остаюсь ни с чем.
А что, попробовать напиться,
С балкона сиганув, разбиться?
Ну что, майор, смелей, давай!
Один прыжок, и сразу в рай...
(Пытается встать без костылей)
От службы ратной проку нет:
Ни славы от былых побед.
Одно в итоге: куча бед...
(С силой отбрасывает в сторону, стоящий рядом стул)
Оставить, гвардии майор!
Дал слабину, какой позор!
Всего превыше честь мундира!
Ты что об этом позабыл?
Майоров бывших не бывает...
(Входит офицер в чине капитана)
КАПИТАН — Команда смирно! (Помедлив)
Оставить!
(Обнимает майора)
Ну что, майор, отвоевался?
Прости, что в график не попал
Как ни старался.

АРТЁМ — (Говорит с трудом)
Мой БТР сгорел в огне.
С бойцами выйти на броне
Я не успел.
На мины БТР влетел...
Дешёвый трюк!.. И к ряду
Попали мы в засаду...
КАПИТАН — Я в курсе, знаю обо всём...
(Помолчав и с сердцем)
Когда в ущелье вы сражались,
Тут от вертушек отказались...
Штабные доки посчитали,
Что обойдётся вы без них.
АРТЁМ — И кто же тот штабной подлец,
Что клятвой, честью поступил,
Продавший нас боевикам?
КАПИТАН — Узнали мы, в конце, концов,
Кто оказался подлецом.
АРТЁМ — Не интригуй! И кто же это?
КАПИТАН — (С остервенением)
Мерзавец он, твой друг, Крылов!
АРТЁМ — Вот это да, вот это новость!
Ну, детектив...

КАПИТАН — По жизни — повесть...
АРТЁМ — Представить я себе не мог...
Чего Крылову не хватало?
КАПИТАН — Таким всегда по жизни мало.
Да он особо не «вилял».
Чуть-чуть прижали, он признался:
На море с кем-то пообщался,
За деньги с легкостью продался.
АРТЁМ — Мы были вместе столько лет,
Один и тот же ели хлеб,
Под зноем маялись в Афгане...
КАПИТАН — Кто ищет истину в стакане.
Кто ищет денежку в кармане.
Он выбрал самый легкий путь.
По вот судьбу не обмануть.
АРТЁМ — В глаза его хочу взглянуть,
Чем я ему не угодил?
В атаки вместе с ним ходил,
Был ранен, вытаскил из боя.
И вот такое...
КАПИТАН — Сказал Крылов:
«Ничего личного».
Таким как он — дело обычное.
Майор, давай-ка сменим тему,
Ты что один, а где Елена?
АРТЁМ — Гостит у мамы в Краснодаре.
Мы друг от друга так устали.
КАПИТАН — Такая дружная семья...
Тебе, Артём, не верю я.
А впрочем, дело не моё,
Мы все по-своему живём,
Ну ладно, обсуждать не будем,
У нас не мало, других тем.
Спрошу я, кстати, о работе:
Какие планы, где, и с кем?
АРТЁМ — А где и с кем, плевать им всем,
Включая так же и комбата.
КАПИТАН — (Усмехнувшись по доброму)
Плевать не всем,
Раз мы коснулись этой темы.
Он о тебе не забывал
И целый месяц хлопотал.
Два варианта отыскал.
Один из них — мединститут.
На кафедре военной
Тебя во вторник ждут:
Второй — в училище к кадетам.
Мальчишкам — малолеткам
Военное искусство
Тебе на первом курсе,
Гордись, преподавать,
Свой опыт боевой им передавать.
АРТЁМ — Что так без подготовки,
идти и начинать?
Ты, капитан, не шутишь?
КАПИТАН — Да, вроде, не до шуток.
Осталось меньше суток.
Комбат просил узнать:
Готов к работе приступать?
АРТЁМ — Признаться откровенно,
Совсем не ожидал.
Билет на Север заказал,
Вот собирался на вокзал.
КАПИТАН — Я вовремя успел,
На завтра отложить хотел,
Так получилось кстати.
Надень свои награды,
Ждём в штабе завтра ровно в семь.
АРТЁМ — Освою как-нибудь протез,
Есть в этом небольшой прогресс.
Я откажусь от костылей.
КАПИТАН — Давай, майор, смотри бодрей.
Мне что ль тебя не знать:
Смелости тебе не занимать.
Считай, что новое задание...
Кадетов каменное здание
За школой тут, не далеко.
Справишься?
АРТЁМ — Легко!
КАПИТАН — Ну, что обрадовал?
АРТЁМ — Почти до слёз!
Дожил я до седых волос,
Минуты были, сомневался:
Что всем ненужным оказался.
А вот, гляди, наоборот...
КАПИТАН — Не сомневайся, пригодился.
И я, майор, всегда гордился,
Что вместе, брат, с тобой служил.
Не позабыл
В сражениях твои уроки,
Когда срывались по тревоге:

Мы за тобой, ты впереди!
 АРТЁМ — Я для того давал присягу:
 Идти вперёд, назад ни шагу!
 Мой дед по чести так служил,
 Под Прагой голову сложил.
 Он для меня всегда пример,
 Таким как он, я быть хотел.
 КАПИТАН — И у тебя свои награды.
 Я рад, что снова рядом
 Со мной, мой самый лучший друг.
 АРТЁМ — Я очень рад, что на досуге,
 Услышал много тёплых слов.
 А к этому я не готов.
 Давай-ка, капитан, попроще.
 (Звонок в дверь)
 Пожаловал к нам кто-то в гости...
 (Входит Елена)
 ЕЛЕНА — А вот и я! (Артёму)
 Прости, немного задержалась.
 Инфаркт у мамы, сейчас ей легче стало.
 А до тебя не дозвониться...
 Не вижу радости на лицах. (Обращается к обоим)
 Вы так встречаете гостей?
 КАПИТАН — Мадам, входите!
 Ну, что вы у дверей стоите?
 Елена, здравствуй и прощай! (Целует руку)
 Пошёл, не буду вам мешать.
 Майор, мы обо всём договорились.
 С утра с комбатом будем ждать.
 Где штаб, надеюсь, не забыл?
 Встречай жену, ну, что застыл?
 Его, прошу, не обижай.
 (Показывает на Артёма)
 ЕЛЕНА — Его обидишь,
 Он не останется в долгу.
 КАПИТАН — Спешу на службу,
 Нет времени, уже бегу. (Уходит)
 (Елена и Артём остаются одни)
 ЕЛЕНА — Ну что, любимый мой,
 навоевался? (Плачет, обнимает Артёма)
 Из госпиталя звонить не догадался?
 АРТЁМ — Хотел, а потом засомневался.
 Я в ситуации такой впервые оказался.
 А волновать тебя зачем и для чего?
 Есть долг супружества, а есть любовь.
 Ты оказалась полностью права:
 Долг и семья, два разных континента.
 Так нелегко служить, любить, и ждать,
 Значенья мелочам не предавать,
 Обидеть и потом страдать.
 А верность самый главный элемент.
 Настанет в ожидании момент,
 Когда дано не брать, а отдавать.
 ЕЛЕНА — Разлука — испытание на верность.
 И я сошла б с ума, наверное,
 Когда б тебя не дождалась.
 Теперь с тобой скандалить зарекаюсь.
 Права я не всегда, не отрицаю.
 Как раньше я жила не представляю,
 Мой славный рыцарь, без тебя.
 АРТЁМ — И ты меня, жена, за всё прости.
 Долги свои Отчизне заплатил,
 Пришла пора с тобою рассчитаться,
 И с аргументами твоими соглашаться,
 Послушным быть, не дизелить,
 Присягой, как всегда, не прикрываться.
 ЕЛЕНА — Приятно слышать лестные слова.
 Если сможешь, повтори с начала.
 Тебя любить до гроба обещала. А ты?
 АРТЁМ — И я с тобой до гробовой доски!
 С ума едва не сехал от тоски
 Там в госпитале, на больничной койке.
 Поверишь, не хотелось даже жить.
 ЕЛЕНА — Отчизне не легко служить.
 Отчизна требует героев!
 И как тут быть?
 Себя ей в жертву приносить,
 А как с семьёй, а как с женою быть?
 Я говорила, выбор есть всегда.
 АРТЁМ — А если так, кому служить тогда?
 Желаящих, взгляни, не много.
 В итоге, кому Отчизну защищать?
 ЕЛЕНА — Мой дорогой, тебя не изменить.
 Похоже, и теперь будешь служить...
 АРТЁМ — Служенье Родине — не случай.
 ЕЛЕНА — Пусть будет так! Живи, себя не мучай.
 Дай насмотреться на тебя.
 Как похудел, скелет, набор костей!
 Ну, что ты ждёшь? Ну, обними меня скорей!

Крылья с крестами

В чистом поле ромашки и солнечный день.
 И стрекочут кузнечики звонко.
 Только вдруг промелькнула крылатая тень,
 Зацепилась за край горизонта.

Развернулся, идёт на повторный заход.
 Режет воздух мотор лопастью.
 Зазвенела жара, застрочил пулемёт.
 Помню только, что крылья с крестами.

Был потом медсанбат, как кровавый закат.
 Много раненых, слёзы и стоны.
 Помню, доктор сказал:
 «Повезло тебе, брат».
 Помню, в тыл увозили вагоны.

Санитарный состав, от погоны устав,
 Мчал на всех скоростях, задыхаясь.
 А над ним этот ястреб с крестами летал,
 Из кабины смотрел усмекаясь.

Он бомбил паровоз, тот, что раненых вёз.
 Он стрелял убегающим в спины.
 Было страшно и жутко, обидно до слёз.
 Только нечем достать до кабины.

Эту память войны в наших снах не стереть.
 Это страх, что сменился отчаянием.
 Нам хоть с саблей на танки,
 хоть с камнем на смерть
 Замахнуться, и выжить случайно.

Я винтовку поднял, у того кто упал,
 Чтоб войне этой точку поставить.
 И уткнувшись в кусты, самолёт догорал.
 Не спасли его крылья с крестами.

Человеческий зверь, чтоб фашизм породить,
 Никогда не поднимется в небо.
 Даже пуля одна может всё изменить.
 Быть планете людей, или не быть...?
 01.2019

Время

Мы со временем жизни азартно играем в игру,
 Хоть мы даже не знаем отпущено сколько кому.
 Но, и выиграв время,
 с годами мы будем стареть.
 А ведь главное, чтоб уходя, ни о чём не жалеть.
 11.02 2019

Посвящение

(подводникам)

Мы не пойдём с тобой в последний бой,
 Для нас окончен он числом вчерашним.
 И палуба не скрипнет под ногой,
 Уже привыкшей к тапочкам домашним.

А всё-таки звонки и ревуны
 Во сне нас поднимают по тревоге,
 И к звёздам нас ведут из глубины
 Незримые подводные дороги.

Качает нас волна, как колыбель,
 И свежий ветер лица обдувает.
 Кто сам шагнул в солёную купель,
 Всю жизнь он этот шаг не забывает.

Юрий ГАМОВ

Капитан второго ранга военно-морского флота в запасе, заместитель командира тяжёлого атомного ракетного подводного крейсера стратегического назначения «Акула» Юрий ГАМОВ служил на Северном флоте. После окончания школы поступил в Нахимовское училище в Ленинграде. Стихи начал писать ещё в самом начале службы, в 1984 году, публиковался в газетах «Горняцкая солидарность», «Усытская россыпь», в коллективных поэтических сборниках.

В 2018 году вышел его первый стихотворный сборник «Незримые подводные дороги».

На стихи Юрия Николаевича написаны песни.

Лейтенантский вальс

Шорох листьев под ноги упал,
 Покидая берёзки и клёны.
 Осень в парке устроила бал,
 Приглашая на танец влюблённых.

Ярким золотом солнце блестит,
 Отражается в меди оркестра.
 И мелодия вальса летит,
 Повинуясь указке маэстро.

Под ногами из листьев пасьянс
 Фея осени нам разложила.
 Пропустив кинофильма сеанс,
 Под волшебные звуки кружила.

Кружат туфельки и сапоги,
 В волнах вальса влюблённых качая.
 «Ах! Простите, не с этой ноги...»
 «А давайте, ещё раз, с начала...»

Раз, два, три... Раз, два, три... Раз, два, три...
 Разлетаются листья, как птицы.
 «Ты под ноги сейчас не смотри...»
 В эти лица нельзя не влюбиться.

Где-то там далеко впереди
 Будет бой, увезут нас вагоны.
 А сегодня мне руки твои
 На плечах обнимают поганы.

Год четвертый грохочет война.
 Мы знакомы всего две недели.
 Очень главные в жизни слова
 Мы друг другу сказать не успели.

А сегодня подписан приказ.
 Рано утром на фронт я уеду.
 Сквозь войну пронесём этот вальс.
 Знаю, встретимся после Победы.

Письма с войны

В этих письмах с войны...
 Школьный бал в них ещё не окончен,
 Он бомбёжкой прерван,
 Повесткою
 В военкомат.

Кружат вальс фонари,
 И никто расставаться не хочет.
 Но оркестр духовой
 Нам играет с тобой...
 И уже — для солдат!
 Треугольный листок
 Перечитан военной цензурой.
 «Бесконечно люблю...»
 Бесконечно пишу
 Только эти слова.

Лишь один поцелуй
 Вспоминается в сумерках хмурых.
 Но я верю, весна
 Нас разбудит от сна,
 Где пока что война.

Здесь приятно от вас
 Получить хоть какие-то вести.
 И читая письмо,
 В мыслях я уношусь
 В наш родной городок.

Допишу вам потом,
 Мне наш адрес пока не известен.
 Мы на Запад идём,
 Ну, а письма мои
 Пусть летят на Восток.

В этих письмах с войны,
 В них затишье, как раз перед боем.

Только несколько строк,
 Поцелуй и привет
 В этот мятый листок.
 Нет ни слова про страх,
 Хоть и трудно бывает порою.
 В этих письмах с войны
 Я что смог, написал.
 Ты читай между строк.
 В этих письмах с войны...
 Разве мог написать я другое?
 Только: «Всё хорошо,
 Не волнуйтесь за нас,
 Он наступит, наш час!»
 В них махорки следы.
 Я курил, вспоминал нас с тобою.
 Извини, мне пора,
 За окопом — война,
 Допишу в другой раз...
 Впереди — высота,
 Допишу как-нибудь после боя.
 Им дадим прикурить,
 Чтоб избавить весь мир
 От поганой чумы!
 Ну, а если мы вдруг
 Упадём в высоту, как гёрдой,
 Ты простишь, ты поймёшь!
 Если только прочтёшь
 Эти письма с войны.

Война. Полярный

Ух, и холодно, чёрт!
 Это что ж за погода?..
 Здесь полярная ночь да зима по полгода.
 Слышно голос войны.
 Здесь бомбят регулярно.
 Всю войну он на фронте,
 наш город Полярный.

Волны плещут о берег. Холодное море...
 Город делит с тем морем и радость, и горе.
 Как на линии фронта, он держит удары,
 Чтоб встречать караваны,
 залечивать раны.

Провожает подлодки в глубины морские
 Защищать берега, воевать за Россию.
 Под прицелом зениток огромное небо,
 Но всегда не хватает снарядов и хлеба.

А морская пехота — полярная гвардия.
 Здесь сегодня везде в сопках гнёзда из камня.
 Пальцы мёрзнут держать
 на сугробе винтовку,
 Но атаккой сменяется бомбардировка.

В штурм по белому снегу
 и с криками дикими...
 Заалеют кровавые капли брусники.
 Отлетают от камня осколки гранаты,
 И вмерзают в окопы матросы-солдаты.

Море слёзы глотает... Солёные брызги...
 А в отсеке письмо —
 карандашным огрызком:
 «Кислород на исходе, но мы не сдаёмся!
 Вы простите в Полярном,
 что мы не вернёмся...»

В снежном царстве ветров,
 у холодного моря
 Он стоит наш защитник,
 наш северный воин!
 Ни на шаг не отступит. Он верен присяге.
 Никогда пред врагом не спускали мы флаги!

Ольга Малюк

Малюк Ольга Леонтьевна родилась в 1952 году в г. Мурманске. В Новокузнецке проживает с 1970 года. Образование высшее педагогическое. В школе отработала более тридцати лет, из них двадцать семь – в гимназии №44. Стихи писала с детства. Написано много об учениках, коллегах, близких людях, сценариев школьных мероприятий. Печаталась только в гимназическом журнале «Парус» и сборнике «Россия – Родина моя» ветеранов педагогического труда. В настоящее время является председателем поэтического клуба «Муза» ветеранов педагогического труда города Новокузнецка.

Я благодарна, жизнь, тебе!

Синяя птица

Я не верила в синюю птицу
И не думала, что предстоит
Мне её красотой восхититься,
Если вдруг эта птица взлетит.

Ярко-синее чудо ворвалось
В тихий лес, пролетев над водой.
Всем по капельке счастья досталось,
Сини той перламутра седой.

Затаилась душа в ожиданье,
Взмыла вдруг с синей птицей ввысь.
Потерялось в догадках сознание.
Миф? Реальность? Сумей, разберись!

Ощущение счастья, восторга
На мгновение связало умы,
Радость в души вселилась надолго,
И не сразу опомнились мы.

Счастье синее вдруг по ладошке
Раскатилось, его не собрать.
Прикоснулись мы, пусть лишь немножко,
К синей птице. В душе – благодать!

Защитники Отечества

Да, были дни и были даже годы,
Когда на нашу землю враг ступал,
Но пережить все беды и невзгоды
Отчизне храбрый воин помогал.
В борьбе с татарским игом,
с наглым шведом,
В Полтавской битве и Бородино
Гордилась Родина моя победой,
Судьбы иной России не дано!
Двадцатый век стране многострадальной
Большие испытания принёс –
Гражданская война, фашизм каменный
Жизнь миллионов россиян унёс.
Защитники Отечества, солдаты,
Мужчины Родины, мы верим в вас,
Что вы, как деды и отцы когда-то
От войн, разрухи оградите нас.
Иного быть не может, потому что
В мир мужества билет передают
Здесь по наследству. Это очень нужно.
Дед учит внука, как успех куют.

Мой первый урок

Я вспоминаю первый свой урок.
Класс выпускной, десятый. Я волнуясь...
Тогда впервые у меня звонок
Вдруг вызвал страх, реакцию иную.
Сама была довольно молода,
Диплом совсем недавно получила.
Лет пять меж нами разница тогда
Была, а я их физике учила.
Меня директор сразу просветил,
Что очень трудный в классе есть ребёнок.
А позже подошёл, предупредил,
Что Краус он, а прощай – Краусёнок.
Волнуясь, захожу я в кабинет,
На первой парте Краусёнка вижу...
Приветствую ребят, в ответ
Улыбки добрые, поддержку слышу.
Лишь Краус своей лысой головой
Крутил, вертел, как будто ей гордился,
он не желал знакомиться со мной,
Чтоб насолить директору, обрился.
Вся в ишиках и веснушками цвела
На солнце голова у Краусёнка,

Она меня с ума чуть не свела,
Я испугалась этого ребёнка.
Он был как буря среди бела дня.
В ушах моих от страха всё звенело.
Бросал косые взгляды на меня,
На ленту джинсы «драл» остервенело.
Был зол он на кого-то и колюч,
Но реплики выкрикивал несмело.
Как подобрать к нему, к такому ключ?!
Подход найти к таким я не умела....
С волнением справилась, урок вела,
И с классом очень быстро подружилась,
Но лишь к концу урока поняла –
У первой парты что-то копошилось!
Тут из-под парты быстро вылез ёж!
Он так на Краусёнка был похож!
Все дружно посмеялись мы тогда.
Казалось, остальное – ерунда!
Так необычно мой прошёл урок.
С ежом на перемене поиграла.
И складывалось очень хорошо
Судьбы моей учительской начало.

Куличи

Что за праздник на Руси без куличей?
Всё – равно, что день рожденья без свечей!
Ты для выпечки продуктов не жалея,
С куличами будет праздник веселей!
Их пеки на Пасху и на Рождество
И при этом проявляй мастерство,
Ведь в отличие от теста пирогов
Очень много в них яиц кладут, жиров,
Взбитых в пену вместе с сахаром белков
Добавляют в три приёма, постепенно,
Чтобы вкусный был к столу кулич готов,
Выпекают его долго непременно.
Как богато украшали куличи
Разноцветною глазурью у печи,
Насыпали нонпарель, цукат, орех,
Угощали куличами в праздник всех!

Обаяние

Есть в жизни обаятельные люди,
Их даже раз увидишь – не забудешь.
Они приятны и милы во всём,
Светлее с ними и надёжней дом.

С душою доброй, с ясными глазами,
В делах успешны, всё умеют сами.
И нежностью согреют всех вокруг:
Родных, коллег, друзей своих, подруг.

Всем рядом с ними радостней живётся,
Они – как песня, что легко поётся,
Как крылья, что совсем не всем даны,
Как мир без катастроф и без войны!

Малиновое лето

Малиновое лето,
Малиновый закат.
И заревом малиновым
Здесь ягоды горят.

Малиновая радость,
Малиновый восторг!
Таит любовь и ярость
Малиновый цветок!

Малиновые встречи
Надеждами полны.
И запах в тёплый вечер
Малиновой волны!

Малиновое стало
От солнца детвора,
От лишнего загара
Им прятаться пора.

Малиновое чудо
Бывает раз в году,
И дарит оно людям
Эмоций череду,

Гармонию и счастье,
Покой, улыбки, смех.
И нет поры прекрасней,
Ждёт впереди успех!

Здоровое питание

Чтобы быть здоровым, сильным,
Ешьте, дети, витамины!
Ешьте больше ягод, фруктов,
Овощей, мясных продуктов,
Рыбу, масло, молоко.
Исключите вы легко
Из питания конфетки,
Чипсы, «Ролтон», тарталетки,
Жвачки, «Рондо», шоколад
И не пейте лимонад!
Перестанете болеть
И не будете полнеть!
Для здорового питания
Хватит самовоспитания.
И здоровый образ жизни,
И любовь к себе, к Отчизне!

Я благодарна, жизнь, тебе!

Вновь душа рассыпалась на звёзды.
Звёзды радости сияют в высоте!
Никогда счастливой быть не поздно,
Даже в старости и в полной нищете.

Звёзды горечи как будто затухают –
Это слёзы неудач всему виной.
И поэтому они всегда мигают,
В бездну манят слабый образ мой...

Но удачи и успехи побеждают,
Я жива, и я уверена в себе.
Сильных духом жизнь, обычно, награждает,
Я живу и благодарна, жизнь, тебе!

Взрослая внучка

Моя славная, милая девочка,
Совсем взрослая внучка моя!
Двадцать лет – это вовсе не мелочи,
А начало азов бытия,
Осознание истины жизненной,
Мимолётных проверка идей.
Ты о многих вещах даже мысленно
В двадцать лет рассуждаешь мудрей!
В эти годы, о, молодость славная,
Жизнь прекрасна, светла вновь и вновь!
Помни только, что самое главное –
Повстречать в этой жизни любовь!
Настоящую, верную, вечную
Я желаю любовь испытать,
Повстречать человека сердечного
И навеки звездой его стать!
Береги, внучка, то вдохновение
И талант, что дарован тебе,
Развивайся, цени все мгновения,
Будь всегда благодарна судьбе!

Золотая осень

О! Какая прекрасная осень!
А какой удивительный лес!
Средь зелёных ёлок и сосен
Мир багряных и жёлтых чудес!
Листья кружатся, падают всюду,
Будто красят унылый пейзаж.
Рады осени все, словно чуду,
Пынче осень – как будто мираж!
Да, она задержалась, не хочет
Уходить, загостились у нас.
А зима ей в затылок хохочет,
Снежной проседью сыплет подчас.
Ты уже постарела, подруга,
Место мне уступи поскорей,
А не то снежной, яростной выюгой
Я засыплю жилища людей.
Лист последний с деревьев слетает.
Солнце. Тёплые дни и покой...
Видно, осень сегодня желает,
Чтоб назвали её золотой!

Берегите маму

Берегите маму, берегите,
Да не обижайте никогда,
И ни в чём её вы не вините,
Все поступки делает, любя.
За детей своих она готова
Жизнь отдать, их грудью защитить.
Вы же, родные, не забудьте снова
Маму навестить, иль позвонить.
Вы для мамы – радость, свет в окошке,
Гордость, боль, надежда и любовь,
Вашего вниманья, пусть немножко,
Для неё – толчок для жизни вновь!
Берегите маму, берегите!
Хоть часок для матери найдите.
Просто посмотрите ей в глаза.
Забывать о матери нельзя!

Зимнее чудо

В Новокузнецке утки поселились,
Не улетели в тёплые края.
За что-то ведь в Сибирь они влюбились,
Всю зиму мёрзнут на реке не зря.
Обосновались в основном в Абушке,
Подкармливают люди их с мостов,
Им смастерили яркие избушки
Укрытие от стужи и ветров.
И это чудо украшает город,
Их красотой любимы порой.
А у реки стоят и стар, и молод,
Спасают уток в мороз большой.
Пошёл снежок, и выюга завывала.
И стало на реке белым-бело,
Зима и уток белым покрывалом
Прикрыла, чтобы было им тепло!

Юбилей

Особенный смысл в юбилеях.
На них мы подводим итоги.
Подводим их, средств не жалея,
Как будто навеки уходим.
Итожим на них свои годы.
Сначала – заслуги, успехи,
Затем – неудачи, невзгоды, –
Всё с юмором, песнями, смехом.
Есть в этом особое что-то,
Как песнь лебединая это,
Памёк на любовь и заботу,
Вниманье в дальнейшие лета.

Александр ВАСЮНОВ

Васюнов Александр Иванович родился в 1950 году в городе Ялта, Крымской области. Среднюю школу окончил в Алтайском крае. В 1972 году окончил Новокузнецкий государственный педагогический институт, естественно-географический факультет. С 1972 года учительствовал, служил в армии, трудился директором в средней школе города Таштагол. С 1981 года по 2000 год служил в рядах МВД, в звании подполковника вышел в отставку. С 2000 года работал на Таштагольском руднике начальником штаба Ю и ЧС, затем в дирекции по безопасности ЕВРАЗруды. Самые большие увлечения — это рыбалка, тихая грибная «охота», строительство и перестройка дачи. Александр Иванович женат, у него двое детей и уже трое внуков.

Очень любит природу Горной Шории. В 1972 году попав в этот восхитительный край, Александр влюбился в горы, распадки, вековые кедр, курумники... В свободное время пишет рассказы, которых накопилось за бурную жизнь много.

Главное дойти...

Уже третьи сутки остатки роты выходили из окружения. Канонада боёв на линии фронта служила ориентиром для командира роты Ивана Колоколыцева и его бойцов. Днём и ночью слышались разрывы оружейных снарядов. Ночью далёкие вспышки разрывов напоминали сполохи августовских хлебозоров во время созревания пшеницы.

Но шла война, и не видно ещё было мирного времени. А глаза окружённых во вспышках ракет в далёком ночном небе жаждали видеть победные салюты. Им во что бы то ни стало, надо было туда, где небо и земля перемешиваются в пламени боя. Иван Колоколыцев не имел права погибнуть в болотах, попасть в плен. Тридцатилетний старший лейтенант с жубарями в петлицах поставил себе задачу: «Вывести людей и вынести ПТРы».

Именно экспериментальные экземпляры противотанковых ружей были основной заботой роты. Берегли ПТРы как зеницу ока, несли по двое, периодически меняясь. Плечи несли от тяжести, ноги подгибались, но бойцы не сдавались. Шли осторожно, выставляя боевое охранение. Каждый из бойцов знал, что в случае опасности, попадания в плен — ружья надлежало уничтожить.

Выход из окружения осложняло наличие в роте раненных. Иван, пропахший потом в заскорузлой гимнастёрке и грязных, вымазанных глиной и засохшей кровью, галифе, шёл, прихрамывая на правую ногу.

Тот бой был столь жарким, что Колоколыцев даже не почувствовал, как его зацепило. К счастью пуля прошла навылет, не задев кость. Вроде бы и ранение не тяжёлое, но от длительной ходьбы рана кровоточила, а тупая боль при каждом шаге отдавалась в затылке.

«Главное дойти, донести! Довести бойцов», — молотками стучало в голове старшего лейтенанта. По привычке оглянулся на бойцов. «Никто не отстал! Даже раненные все на местах», — подумал он удовлетворённо. Взглянул на Илью Прокопца, своего ровесника, бывалого служаку. Тот никогда не терял присутствия духа, вот и теперь почти шёпотом рассказывает очередную историю из своей гражданской жизни где-то на Полтавщине. От его рассказов все надежды: светлеют лица, легче становится шаг, не так сильно давят жажда и голод. Прокопец в трудные минуты боя взял на себя командование взводом вместо погибшего младший лейтенанта Василия Проскурина, сумел мобилизовать бойцов. Да и при выходе из окружения Илья зорко следит и за людьми, и за окрестностями.

Вспомнился Колоколыцеву погибший Проскурин. Василий был сибиряком, родом с далёкого Алтая. Сильный, выносливый. Ему всё было нипочём. Судьба прилетела к нему в виде маленькой пульки. Не уберётся. А кто в бою уберётся

может? Пуля попала взводному в голову, не задев пилотки. И враз не стало молодого офицера. Пришлось оставить его в небольшом окопе не присыпанным и не похороненным, ведь отступали в спешке.

Илья Прокопец в том бою хорошо проявил себя. Не лез на рожон. Побывал в каждом расчёте под плотным вражеским огнём. Из боя вывел только четырёх бойцов и вынес два ПТРа. Остальные легли в землю смертью храбрых, как и большая часть состава роты...

А Илье не верилось в то, что выжил в крошечном аду. От роты остались крохи, и взвода не наберётся. Ещё неизвестно, что там впереди, как пройдут они линию фронта. Если пробиваться с боем, то...

Увидел взгляд командира, расправил плечи, кивнул головой. Взгляд его невольно скользнул по раненой командирской ноге. Снова вспомнился бой. У старшего лейтенанта хлещет кровь из ноги, а тот и не чувствует этого. Второй номер только успевает заряжать ружьё, танки прут валом... Пехота наседает, вот-вот в рукопашной сойтись придётся.

В сумке убитой медсестры нашёл нерезвачный пакет, разорвал его зубами, сунул в руку лейтенанту, на лету перехватив приклад ПТРа.

«Заряжай», — рявкнул он на заряжающего. Фашистский танк, крутнувшись на целой гусенице, замер рядом с окопом.

«Сколько же мы их накрошили», — подумал Прокопец. Попытался посчитать, не смог, в голове мелькали отрывки боя. Всплескивались отдельные картины. Вот особист Новиков в страхе падает на дно окопа, закрывает голову руками. Взрыв, и от человека не остаётся даже следов. «Не лучший человек, и зачем его к роте приписали — непонятно? Однако, всё равно жалко, поди и семья есть... Была... Да-а-а! Какие разные люди... Особист всё подглядывал, да отелесживал. Кажется, даже не спал и не ел, а в бою как последний...»

Прокопец зло сплюнул. «Бойцы дрались до последнего, раненные не уходили из окопов. Вон ротный зубами за землю держался...» С сочувствием посмотрел на его прихрамывание.

Ротный шёл обуреваемый своими мыслями, шёл, несмотря на всё усиливающуюся боль. «Мало, мало осталось в живых бойцов. Если вдруг столкновение с фашистом — не сдюжим, а надо! Надо выйти и вынести ПТРы».

Именно ПТРы беспокоили старшего лейтенанта. Два из пяти имевшихся разбиты взрывами во время боя. Уже серьёзные потери.

Ружья эти — экспериментальное, секретное оружие получено для испытания в боевых условиях, и он, старший лейтенант Иван Колоколыцев головой отвечает и за испытания, и за то, чтобы оружие не попало в руки врагам.

Об испытаниях знали политрук роты

Полищук и специально приписанный к этому оружию особист Новиков. Но им уже всё равно. Полищук погиб в начале боя. Особист был на другом фланге, поэтому ротный не видел, как тот погиб, рассказывали, что попал под взрыв.

«Были надзирающие, — вздохнул Колоколыцев, — всё-таки помощники, и враз их не стало».

Вся ответственность легла на плечи старшего лейтенанта. Иван понимал, что при выходе из окружения, спрос за утраченные в бою ружья будет строгим. Ответственности не боялся, свыкнувшись с этой мыслью.

Тоньше всего было то, что у всех кончилось курево. На привале бойцы пытались курить какую-то траву. Не помогло: не заглупила она ни жажды покурить, ни голода. Со временем чувство голода стало притупляться, но жажда покурить угнетала и раздражала. Люди сносили тяготы, мучая. Молча, смывая тех, кто нес ПТРы и тех, кто нес носилки с ранеными. Раненные, и те старались не докучать.

Воспалённые от недосыпа, ввалившиеся от боли глаза ротного смотрели на бойцов. Иногда Колоколыцеву казалось, что сил больше нет.

«Дойти! Довести их до своих. Не оставить никого и донести оружие», — эти мысли заставляли Ивана идти вперёд к линии фронта.

Бойцы верили своему командиру, который не сл втихаря офицерскую пайку, делился куревом и не прятался в бою за спинами солдат. Они верили, что их командир, опытный служака, воюющий вторую войну после финской, выведет их к своим...

Удачлив был Иван. Ещё молодым лейтенантом принял боевое крещение в финской войне. Много смертей повидал, терял друзей-товарищей. Судьба была к нему благосклонна. Берегла Ивана в самых жарких боях, выводила из самых тяжёлых ситуаций целым и невредимым, ни разу не зацепил его осколок, не встретился он с пулей.

На этот раз напомнила ему судьба, чтобы был осторожнее. «Какая осторожность, когда земля под ногами горит, — думал Иван, — либо мы их, либо они нас. Третьего не дано!»

Ранение было лёгким. Но душу угнетало то, что пришлось при выходе из окружения оставить тяжело раненого наедине с оружием, в котором единственный патрон. Чтобы спасти многих, приходилось жертвовать безнадежным. Помнил ротный полный отчаянной мольбы голос Кострыкина, прощальный взгляд и мерзкое чувство стыда... Забыть этот взгляд никому не удалось за многие годы, прошедшие после войны. И было неважно, что заносчив и спесив был командир третьего взвода младший лейтенант Кострыкин. Не любили его солдаты за грубость. Срывал зло на взводе: и все у него во всём были виноваты. Держался особняком, относился к солдатам пренебрежительно, разговаривал свысока.

Грусом его назвать было нельзя, но ге-

роического поведения тоже было незаметно. В последнем бою осколки разорвавшегося снаряда буквально вспороли ему живот. Перебинтованный, с побледневшим осунувшимся лицом и заострённым носом лежал он на дне окопа.

— Братцы! — кричал он из последних сил. — Не оставляйте, братцы! Возьмите с собой. Не оставляйте на погибель.

Лейтенант пытался привстать и заглянуть бойцам в глаза. Те отводили взгляды в сторону. Им было жаль взводного, но не было возможности помочь. Солдаты спешно готовили носилки для других раненных: две тонких березки, между ними плащ-палатка. Тяжелораненный рукой поманил к себе Прокопца, слабым голосом начал говорить. Илье пришлось низко наклониться к нему, чтобы услышать просьбу.

Присев около Кострыкина, Прокопец вытащил из его кобуры пистолет, выпелкнул из обоймы патроны. Затем дослал в патронник патрон и вложил его взведённым в руку взводному. Повернулся и быстро пошёл к солдатам. Недалеко отойдя. От звука пистолетного выстрела солдаты нулись души...

Знал Иван, что придётся ему отвечать не только за оружие, но и за смерть своих бойцов и офицеров. Он не ожидал лёгкого прохода через ряды воюющих сторон.

...Повезло. Вышли они к своим так просто, будто линии фронта не было. Тихо прошли по глубокой балке. А потом по оврагу, заросшему лесной и боярышником. Сбоку грохотали орудия, дыбила земля, а до них долетали только звуки.

Вдоль небольшого ручья и нависшего обрыва, глубокой ночью выплыла рота к реке. Канонада к этому времени почти стихла. «Режим галы соблюдают, — ругнулся про себя ротный, — время ужина. Ну, ничего, хоть наши отдохнут, да и нам это на руку».

Хоть и холодна была осенняя водица, но прошли её почти вброд по твёрдому песчаному дну. Только в одном месте, на стремнинке пришлось перебираться вплавь. Персправу преодолели без особых проблем, разве только не ходячих раненных сильно намочили на стремнинке.

В мокрой одежде отогрелись от берега, согреваясь быстрым ходом. Вновь очутились в овраге похожем на тот, что был на противоположном берегу. Шли молча. А тут и рассвет начался. Плохо он замечен был в глубине оврага.

Подождал Прокопец, предложил выдвинуться вперёд двум бойцам. Надо было развеять ситуацию. Иван, молча, кивнул. За три дня Иван и Илья научились понимать друг друга с полуслова. «Надёжный взводный», — думал о Прокопце ротный.

Группа тихо растворилась в предутреннем тумане, а через некоторое время также тихо вернулась. Прокопец пришёл не один. С ним были двое вооружённых винтовками незнакомцев в плащ-палатках.

— К своим вышли! — радостно сообщил Прокопец. — Выделили нам боевое охранение из двух человек.

«Вышли! — облегчённо подумал рот-

ный. — Вывел! Сохранил! Уцелел! Значит рано ещё о смерти думать. Повоюю ещё! Поживу!»

...Через двадцать минут он докладывал майору особого отдела о своём прибытии. Сообщил о количестве прибывших и раненых. О новых противотанковых ружьях предусмотрительно умолчал, выдав их за обычное оружие. Иван надеялся, что о результатах применения оружия в боевых условиях он доложит кому-либо из высшего командования.

«Меньше знают — дольше живут» — подумал он, пропуская вопросы о том, где они добыли диковинное оружие, до сих пор ими не виденное.

Майор распорядился накормить окруженцев, оказать помощь раненым и вызвал Ивана к себе для первого допроса. Потом начались допросы, отписки, рапорты и объяснения. Отдельно описал боевое применение нового оружия.

Большая бюрократическая машина работала исправно, невзирая на войну. Особый отдел умело делал свою работу. Строг был спрос и за применение ПТР, и за утрату в боях нескольких экземпляров нового оружия.

Обошлось. Для Ивана эта проверка закончилась малой кровью и впереди его ждала встреча с конструкторами. Его не наказали. Не привлекли. Не передали дело в трибунал.

Худшее осталось позади. Только в его послужной карточке появилась запись, что он находился в окружении. Нехорошая по тем временам запись. Много потом она крови попортила Ивану. Но это уже другая история.

Вечность для маленьких душ

Когда мне на глаза попадают фотографии детей, снятых в период Второй мировой войны или кадры кинохроники с ними, вспоминается одно фото. На нём ребята в полосатой одежде четырёх-семилетнего возраста. Рукава одежды засучены по локоть. На тоненьких ручонках вытатуированы пятизначные номера, под которыми они зарегистрированы в концентрационном лагере. В глазах — мольба. Дети просят взять у них кровь, ведь если кровь «не пойдёт» их отправят в газовую камеру. Детская кровь в фашистской Германии предназначалась для немецких солдат — «сверхчеловеков».

Что же это за сверхлюди, для жизни которых нужна детская кровь, для счастья — тысячи убитых, застреленных, замученных и умерших от голода и холода девочек и мальчиков? Что же это за цивилизация, которая порождает столь цивилизованных каннибалов?

Сколько их было крохотных человеческих душ, сожжённых в газовых камерах, загубленных во время Второй мировой войны в угоду кровожадного фашистского строя?

Их забрали сразу всех. Никто не успел укрыться или убежать. Сосед — фольксдойче, с белой повязкой и чёрной буквой «Р» на рукаве суконного пиджака, открыл ногой дверь их квартиры. Увидел сидящих за столом в полутьме раннего утра ребятшек, указал на них пальцем, обернувшись к сопровождавшему его солдату в короткой шинели с винтовкой на плече.

Их родители неделю назад ушли на регистрацию и больше не возвращались.

С того времени дети не выходили на улицу. Полуголодные, они сидели дома в полной тишине, боясь шевельнуться, что-

бы не привлечь к себе внимания. У детей кончилась вода. И девятилетний Яша, как самый старший, хотел сходить к колонке за водой. Надо было идти через три дома. Маленькие испугались, что Яша уйдёт, вцепились в него и заплакали.

Их было четверо маленьких детей, оставшихся один на один с войной, навалившимся голодом и жаждой.

Яша, Хая, Мира — были родными, а четвёртая — Маша, чернявая девочка с вьющимися кудряшками густых, давно не мытых волос, пришла к ним накануне. Плача и размазывая слёзы по грязному лицу, девочка рассказала, что с ней случилось. Они с мамой шли по обочине дороги, и на них наехала машина с пьяными, орущими и хохочущими немецкими солдатами. Мать успела оттолкнуть дочку от себя, та упала в канаву у дороги. Маша слышала, как по её матери проезжали другие машины, как раздавался треск и хруст ломаемых костей. Она не плакала. Скуля, словно бездомная собачонка, дошла до дома, где жила её подруга Хая, постучала в дверь. Ребятишки, услышав знакомый голос, впустили её.

И вот теперь их, совсем маленьких, выгнали на улицу из квартиры, и повели к больнице, где раньше лечили больных.

Сопровождавший полицейский с повязкой, под одобрительный взгляд немецкого солдата, затупил выкуренную папиросу о голову Яши. Солдат громко расхохотался. Толкая детей в спины прикладом, раздав пинки, их довели до главного корпуса больницы — каменного серого здания.

Полицейский загнал их в большую палату, в которой уже было много детей. Про ребятишки забыли: никто не заходил к ним, не приносил ни пищу, ни воду. Яша, как мог, успокаивал сестрёнок и Машу. Но они только плакали, просили пить и кушать.

Через несколько дней обессиленных их приводили по одному к врачу в белом халате. Он заставлял их раздеваться донага, осматривал худенькие тела. Потом женщина в белом халате большим шприцом с толстой иглой брала у них кровь. Когда зашла Маша, врачи о чём-то поговорили.

«Нихт юде», — услышала девочка, но она не понимала, что это значит. Кровь у Маши сначала не пошла в шприц, а потом женщина врач набрала полный большой флакон. У Маши закружилась голова, и она едва не упала в обморок.

После этого про них опять забыли, оставив на всех большое ведро мутной воды и жестяную консервную банку.

Яша обследовал их пристанище и нашёл небольшую лазейку в сломанной ограде. Ночью вывел своих малышек за территорию. В темноте, шагая друг за другом, они прошли мимо кучи человеческих тел, наваленных друг на друга и издающих запахи тления. Слышен был гул мух, вставших с разлагающейся человеческой плоти. Дети торопились изо всех сил, чтобы побыстрее пройти это жуткое место.

Ушли недалеко...

Только вышли на широкую улицу, пытались перейти на другую сторону, свет фары осветил и ослепил их. Это военные проезжали на мотоцикле. Ребятишки в испуге остановились, тесно прижавшись друг к другу. Сил бежать у них не было. Голод и жажда, отобранная кровь сделали своё дело.

Подталкивая мотоциклом и криками, их опять загнали за ограду больницы в другую палату, где на полу лежало много умерших детей. Ещё живые ползали по их холодным телам и искали еду или воду.

Яша начал успокаивать малышек, с трудом выговаривая слова через выбитые прикладом винтовки зубы и распухшие окровавленные губы.

Дети не могли понять жестокого обращения с ними военных и врачей. Слова «Юде», «Киндер-унтерменш», «Швайне»

часто повторяемые солдатами в последнее время, запомнились им, и они не ожидали ничего хорошего от тех, кто их произносил.

Время будто остановилось. От голода перепугались день с ночью. В глазах темнело от голода, и они часто стали впадать в забытие. Невыносимая жажда сушила их маленькие тельца.

Однажды днём самая маленькая Мира забралась на разбитую тумбочку, лежащую недалеко от окна и безумными глазами стала смотреть на синее небо. Маша решила погладить её по головке и увидела, что в чёрных волосиках бегают маленькие человечки, потому волосы от этого шевелятся. Человечки были совсем крошечки, они изо всех сил пытались укрыться волосами, словно одеялом.

Яша, видя безумие в глазах Маши, пытался успокоить её, прижимал к себе. Но девочка в страхе по-прежнему громко кричала, что она видит маленьких человечков. В палату вошёл врач и понял, что у детей началось сумасшествие. Врач вышел в коридор и что-то приказал.

Несчастных вывели во двор и поставили к стене главного корпуса: Яшу отдельно от малышек. И девятилетний мальчик вдруг увидел, что он выше девочек. Двое военных направили на них автоматы. Яша, объятый страхом приближающейся смерти, онемел. Его избитое тело и голова источали сильную боль, которую терпеть было невыносимо.

Парнишка смотрел на чёрные точки стволов, понимал, что видит свою смерть. Его начало трясти, как в лихорадке, попытался дотянуться руками до сестрёнок. Они тоже смотрели на дула автоматов, словно заворожённые, не понимая, что это последние минуты их жизни. А Маша по-прежнему разглядывала голову Миры, пытаясь увидеть тех самых маленьких человечков.

Постепенно Яша начал успокаиваться, судороги перестали сотрясать в ознобе его тело и разум. Он, почти не живший на этом свете человек, перестал бояться приближающейся смерти. Спокойно смотрел на чёрные отверстия стволов автоматов и уже не замечал за ними людей. К нему пришло успокоение, и он почувствовал полную свободу от всего здесь происходящего. Он, будто видел себя со стороны, стоящего перед немецкими солдатами, убийцами детей, обнимающего маленьких девочек в последние мгновения жизни и пребывания на этой земле...

Он видел летящие в них пули, но звука уже не слышал...

Ушли в Вечность маленькие души. При жизни вреда никому не принесли и счастья не испытали. Прервались ниточки детских жизней, погубленных только тем, что они родились свреями, людьми второго сорта, которыми их посчитали фашисты.

Историки сегодня стыдливо умалчивают о трагедии маленьких душ, об их коротком и страшном жизненном пути, о тоннах детской крови влитой сытым солдатам вермахта, чтобы они могли дальше идти и убивать. Никто не в состоянии ответить на вопрос: почему взрослые, сильные, вооружённые до зубов мужики с самого начала воюют с детьми, женщинами и стариками.

Преступный пример оказался заразителем. Первого сентября 2004 года история повторилась в небольшом городке Беслане, где фашиствующим молодчики пленили детей и женщин в школе. Ни воды, ни еды не позволили бандиты передать пленникам. В школе №1 погибли 334 человека, 186 из них дети.

Хороша для детей военного времени только Вечность.

Вечность для маленьких душ.

Клады

Много интригующих историй о спрятанных и не найденных кладах. При упоминании слова «клад» у многих возникает ассоциация с заброшенными каменными строениями, тёмными сырыми подземельями, провалившимися погребками, подрыжавшими от времени домами из рубленного в лапу круглого потрескавшегося и потемневшего от времени круглого леса. Некоторые грезят помеченными деревьями, от которых надо обязательно куда-то идти: вправо или влево, вперёд или назад, на север или юг, — в любом направлении, как душе угодно и как заблагорассудится, искателю спрятанных древностей или артефактов. И, конечно, надо копать. Копать лопатой, заступом, долбить ломом, киркой и ещё чёрт знает, чем, чтобы добраться до вожделенного клада и обогатиться в одночасье, став богатым на зависть другим.

Герою нашего повествования Валентину Петровичу в жизни не раз приходилось общаться и с профессиональными кладоискателями, использующими металлоискатели, другие приборы магнитопоиска, так и с людьми «фартowymi», которым случайно повезло стать богатыми и знаменитыми, хотя бы на уровне своего села или города, края или области. Были среди его знакомых и просто ротозои, которым клад явился неизменно по какой причине, но на пользу не пошел, а только во вред.

Велосипед

История первая:

В одном алтайском селе, насчитывающим не одно столетие своего существования и находящимся в предгорьях белков, живёт разный народ. Возраст села, имеющего большие исторические традиции, подтверждён наличием многочисленных древних курганов и захоронений, проглядывающими разрушенными временем глиняными и каменными кладками. Современные лингвисты, изучив говор жителей, не сговариваясь, согласились бы, что в их разговорном языке есть и украинская мова времён запорожцев и говоры жителей Печерноземья, казачеств разных войск, татаро-алтайского и кыргызского присутствия и других, пришедших сюда в давние времена, народов.

По-всякому живут его жители. Одни бездельничают и пьют, еле своя концы с концами. Другие рвут жилы и хребтины непомерным трудом, не жалея себя и своих близких, и живут в достатке и считаются зажиточными.

Автор пишет о пятидесятых-шестидесятых годах прошлого века, когда власть народная только начала относиться к человеку труда с подобием уважения, но к колхозникам это мало относилось, те работали за трудодни.

Большая часть в селе жила нормальной человеческой жизнью: работали, женились, рожали и воспитывали детей, хоронили близких и продолжали жить, не ожидая «манны небесной»...

Витька Зайцев был высоким и худым. Этот тринадцатилетний хлопцёнок носил драгую кепку с изломанным козырьком и большой болтающейся пуговицей на макушке. Одет был Витька в поношенную выцветшую курчонку с короткими рукавами и короткие же узкие штаны, из-под которых виднелись шиколотки. На ногах — разбитые выдрэг кирзовые ботинки с оторванными носками, мешающими хозяину быстро ходить. Родился он в этом селе и рос, как все его сверстники.

Вроде бы папан был такой же, как и все его сверстники, но всё-таки отличал-

и страница развития отечественной реактивной авиации второй половины 20-го века в первом и втором Управлениях ГК НИИ ВВС им. В.П. Чкалова.

Вторая книга: «Испытатели — «Альбатросы» в объятиях двух стихий» Заслуженного штурмана-испытателя СССР Парахина В.Н. увидела свет в 2002 году. Выпущена к 70-ти летнему юбилею 3-го Управления ГК НИИ ВВС им. В.П. Чкалова (НИИ-15 ВМФ, ГАНИИ ВС Украины), в ней в хронологическом порядке приведён обзор испытаний, исследования отечественной опытной, модифицированной, серийной авиационной техники и вооружения морского назначения, больших авианесущих кораблей и судов с авиационным базированием, проведённых в 3-м Управлении. Эти исследования опираются на документы отражавшие результаты создания техники и вооружения на различных этапах работы (государственные акты, лётно-штурманские оценки и заключения и другие). В книге повествуется об основных этапах истории 3-го Управления, о тяжёлом повседневном труде военных испытателей организации, людях в шинелях, давшим путёвку в небо многим авиационным и морским комплексам.

Третья книга: «Феодосия — авиация и космонавтика» (время, события, люди), вышла в 2011 году. Книга написана под редакцией заместителя начальника 3-го Управления ГК НИИ ВВС им. В.П. Чкалова по научно-испытательной работе кандидата технических наук Кирюхина А.К. В книге лётчики, штурманы, инженеры-испытатели, конструкторы, научные работники, руководители предприятий рассказывают о наиболее ярких событиях в период создания авиационной и космической техники, её творцах, космонавтах, живших и работавших в городе Феодосии и его регионах.

Книга Анатолия Николаевича «Как рождалась корабельная авиация России», как он сам сказал, носит характер мемуаров. Автор уделил много внимания лётно-испытательному составу 3-го Управления ГК НИИ ВВС им. В.П. Чкалова и Министерства авиационной промышленности, проводивших конкретные испытания техники по морской тематике на нашей базе. Как специалист инженерно-авиационной службы 3-го Управления, проводившего лётные испытания и исследования, он больше уделил внимание испытателям. Но, как и у меня, мало уделено вниманию работе нашего труженика — инженерно-техническому составу испытательного авиационного полка аэродрома Кировское. Ко мне было много претензий от инженеров, техников и механиков полка, что я не указал их фамилии. А причина в том, что при написании книги я работал с актами испытаний, в которых указаны фамилии только ведущих и ответственных специалистов (лётчиков, штурманов, инженеров), а выдумывать от себя я не мог и не имел права.

С большой теплотой, инженер-испытатель кандидат технических наук Загордан А.М. (4-е Управление ГК НИИ ВВС им. В.П. Чкалова) в своей книге «Военные испытатели вертолётов» отзывается о лётно-испытательном составе, об инженерах и техниках, проводивших конкретные испытания, написанной на основе своих дневниковых записей.

Хорошо написана Анатолием Николаевичем пятая часть книги — «Литературно-художественная россыпь». Чувствуется рука уже мастера слова и рассказа.

Книга А.Н. Гуляева «Как зарождалась корабельная авиация России» принесёт большую пользу как испытателям, так и всем, кто интересуется авиацией и её будущим, вызовет интерес к профессии испытателя, окажет благотворное влияние на патриотическое воспитание молодёжи

и привлечёт её к Авиации.

Хочется пожелать Анатолию Николаевичу дальнейших творческих успехов, побольше сил, здоровья и новых книг!

С уважением Заслуженный штурман-испытатель СССР полковник в отставке Парахин В.Н.

Город Феодосия. 26 ноября 2018 г.

Уважаемые издатели книги!

Выражаем искреннюю признательность за Ваше содействие выходу в свет книги Гуляева Анатолия Николаевича «Как рождалась корабельная авиация России». (Исторические мемуары, рассказы, стихотворения).

С давних пор мечта о небе, мечта о крыльях не давала покоя человеку, будоражила его воображение. И самые невероятные, сказочные идеи рождались в его голове. Мечты становились явью, делом, потом историй.

Какую замечательную, интересную по стилю и содержанию книгу написал Гуляев Анатолий Николаевич. И как это важно, чтобы книгу прочитали как можно больше людей, особенно молодёжь. Ведь по сути, очень мало известно об этой интересной, тяжёлой, опасной и такой романтической работе испытателей, часто засекреченной, а потому со временем зачастую забытой. А это судьбы людей, творящих историю страны.

Анатолий Николаевич пишет именно о них, о каждом, с кем пришлось служить, заниматься испытательной работой. Автору посчастливилось самому стать частичкой истории, её «делателем», создателем истории авиации. Он много лет служил и работал с интересными людьми в уникальной организации — Испытательном Центре. Он — один из них!

Очень украшает книгу пятая её часть: «Литературно-художественная россыпь». Это дополнение к содержанию книги. Получается много интересной информации, донесённой автором через призму прожитых лет и своего жизненного опыта, своего отношения к той или иной ситуации, что делает автора ближе читателю, его собеседником.

Хочется пожелать Анатолию Николаевичу оставаться творческой личностью с горячим сердцем и интересной душой. И пусть всё это помогает ему в жизни творить, мечтать, гореть, радовать людей своим творчеством.

Желаем новых открытий, новых изобретений, новых книг.

С уважением и благодарностью вам и автору книги

Дмитриев Олег Петрович, полковник в отставке, кандидат технических наук,

Дмитриева Галина Николаевна.

(в описанные автором времена — заместитель начальника Испытательного Центра по научной работе и заведующая научно-технической библиотекой).

05.06.2018 год.

Тюльпанова Валерия Михайловича уроженца г. Осинники Кемеровской области (однокашника Гуляева А.Н. в Ачинском АВТУ, 11-й роте — 1972 года выпуска, заочно окончившего в 1980-х годах Исторический факультет Кемеровского государственного университета).

«Толя, с удовольствием окупился в мир твоей авиационной жизни.

Мне понравилось! Решил создать пробную рецензию на твою книгу, в рамках своего кругозора в литературном жанре.

Есть поговорка «не суди о книге по обложке». Я с этим не согласен, потому что физические данные книги напрямую влияют на удобство чтения и первое впечатление.

В целом книга вышла любопытная.

Достойная работа, показавшая нам много забытых страниц истории советских ВВС от 30-х до 90-х годов прошлого века.

Предлагаемые вниманию читателя воспоминания полковника авиации в отставке Гуляева Анатолия Николаевича шаг за шагом раскрывают историю жизни простого парня из Кузбасской глубинки, поднявшегося до управленческих высот Феодосийского лётно-испытательного Центра (ЛИЦ) и исполнившего свой долг перед Отечеством до конца. История жизни Гуляева А.Н. одновременно стала и историей его военной службы, и разделить эти два понятия невозможно.

Первые страницы посвящены его постепенному росту в армии — от курсанта авиационно-технического училища, до специалиста — военного авиационного техника. Вторая часть: о службе в Феодосийском лётно-испытательном Центре (ЛИЦ). На мой взгляд, вторая часть (о службе), гораздо интереснее, чем первая. Она написана более естественно, можно узнать о жизни и условиях службы советских офицеров в отдалённых гарнизонах, включает интересные подробности. Автору, как и многим людям его поколения, «повезло» пройти через целую кучу разных реорганизаций и реформ Вооружённых Сил, которые зачастую очень больно обходились нашим военным.

Книга носит больше дневниковый характер, хотя уровень видения проблем гораздо глубже, так как самостоятельной тематикой даны интересные портреты авиационных военнопилотов (лётчиков, инженеров), под чьим руководством работал автор.

...Издание снабжено подробными (составленными самим автором) примечаниями, стихами, фотографиями из семейного и служебного архивов.

Книга написана живым образным языком и представляет несомненный интерес, как для массового читателя, так и для специалистов. Можно рекомендовать её всем читателям, интересующимся историей нашей армии, авиации и всей страны в целом.

Друг курсантской юности
Тюльпанов В.М. г. Чита.

«Уважаемый Анатолий Николаевич!

С огромным удовольствием и интересом прочёл Вашу книгу «Как рождалась корабельная авиация России»!

С потрясающей точностью и вниманием к деталям описаны многие факты истории корабельной авиации и биографии людей, находившихся в эпицентре интереснейших событий развития этой самой романтической вехи великой отечественной авиации!

Многие случаи, описанные в книге, были мне известны и ранее, но даже они поданы с очень важными подробностями, иногда принципиально меняющими моё прежнее их восприятие.

Большинство персонажей книги знакомы мне, и, читая книгу, я испытывал тёплые чувства, вспоминая своих друзей. Не хочется быть банальным, но действительно создаётся ощущение возвращения в молодость, в круг этих прекрасных, трудолюбивых и по-настоящему героических людей.

Из книги так же узнал много нового и интересного. Некоторые факты я не мог знать, так как непосредственно в тех событиях не участвовал, или не служил ещё в то время.

Подробная картина зарождения и развития корабельной авиации страны, воссозданная в книге, даёт возможность читателю получить чёткое представление об истории и людях, сделавших сказку былью.

Книга абсолютно точно претендует на энциклопедическое описание становления корабельной авиации страны. Тем интереснее воспринимается пятая глава,

погружающая читателя в атмосферу тех лет и содержащая истории о людях, служивших и живших в то время. Жизнь и добротный юмор автора в сочетании с добрым и внимательным отношением к описываемым персонажам и их личным историям характеризует все рассказы пятой главы.

Подборка фотографий так же заслуживает отдельной благодарности. Тогда мы не очень часто фотографировались, поэтому у меня, например, нет вообще фотографий времён службы в Кировском. Родные лица людей, с кем мне повезло служить в Крыму, я долго рассматриваю, открыв эту замечательную книгу. Кстати, я носил морскую форму со времён своей службы в авиации ВМФ. Фотографий в форме ВВС у меня нет. В конце службы меня — так заставили «переселиться». И вот я с удивлением увидел здесь свою единственную в жизни фотографию в форме ВВС.

Подводя итог, хочется сказать, что, читая книгу, я погружался в интереснейшее, захватывающее и информационно насыщенное повествование. Подобного удовольствия от чтения я не испытывал давно. Спасибо большое Вам, Анатолий Николаевич, за Ваш труд и за любовь, какую вы вложили в эту книгу!

С уважением и признательностью, в том числе и за подаренный мне экземпляр книги с дарственной подписью автора (для меня это большая честь!)

Бывший старший лётчик-испытатель 1 АЗ гвардии подполковник, Заслуженный лётчик-испытатель России
Рябов Геннадий Анатольевич.

22 ноября 2018 г. г. Воронеж.

Сообщение из города Вологда, от бывшего военнопослужащего Феодосийского ЛИЦ: ведущего-инженера одного из испытательных отделов, позднее начальника Планового отдела штаба Феодосийского ЛИЦ — подполковника (в отставке) Мартыненко Александра Дмитриевича.

21.11.2018 г. «Добрый вечер, Анатолий! Получил твою книгу и газеты, огромнейшее спасибо! Даже не могу себе представить тот огромный объём работы, который ты проделал. Я сегодня только успел внимательно её пролистать и кое-что прочитать. Анатолий, могу сразу сказать одно: Книга уникальная по своему содержанию, не боюсь этого слова.

Написана с душой, это чувствуется. Удивительно, как ты сумел объединить в ней и историю, и политику, и испытательную работу, и биографии, и житейские моменты, и так далее. Причём, всё это так гармонично взаимодействует между собой, что книга захватывает с первых страниц. Я обязательно всю её прочитаю, так как она этого стоит. По мере чтения, если позволю, буду делиться с тобой своими мыслями. Ещё раз огромное спасибо автору с большой буквы!

04.12.2018 г.

Мне очень понравились рассказы из блока «Литературно-художественная россыпь» — пятая часть.

Честное слово, я буквально зачитываюсь ими. Рассказы ты сам придумал, или они связаны каким-то образом с реальными событиями?

...Я думаю, что рассказы украсили содержание книги и очень органично вписались в её содержание. Ты, наверное, первый автор, который объединил в своей книге историю, героев, обыденную жизнь, художественную прозу, стихи, свою биографию, биографию своего края и многое другое. Очень интересный материал о судьбе всех нас во время развала СССР (много я узнал из книги выше). Читаю дальше.

Мартыненко Александр.

Оказалось, что в его город автобусы и частные маршрутки ходили через каждые два часа. Рейсы не задерживались, и очередей не было.

Билеты продавались в порядке живой очереди. Пассажиры с детьми и с багажом было мало. На перроне подошёл к очередному отправляющемуся автобусу. Пассажиры исторпливо входили в автобус, рассаживались по своим местам. Наконец машина тронулась с места и отправилась в путь.

Через некоторое время на перроне снова стала расти толпа пассажиров. Оказалось, что и стоимость билтов весьма приемлема для их семейного бюджета. Валентин решил, что надо позвонить жене и сообщить ей эту новость. Полез в карман. Но мобильного телефона не нашёл. Начал лихорадочно искать его в других карманах. Телефона не было. Как и не было бумажника с наличностью и документами.

«Обокрали», — нервно подумал он и начал вспоминать, где это могло случиться. Вспомнил, как он от нечего делать провожал электричку, как какой-то молодой парень с разбега наткнулся на него. Так толкнул, что Валентин едва не упал.

Так он остался без связи с семьёй, без удостоверения и без денег в кармане. Номер телефона жены он не помнил, так как считал, что в этом нет необходимости. Идти в полицию он не решился: кто там поверит заявлению и примет его у лица без документов.

Мысли лихорадочно металась по голове. Комбинация номера мобильного жены стопорилась после четырёх цифр. Номер в памяти не восстанавливался. Да и как она, эта память могла воспроизвести их, если он всегда надеялся на память своего телефона.

Помощь могла прийти только от встречи со знакомыми, через которых длинным путём можно было выйти на номер телефона жены и позвонить ей.

Бедолага несколько раз прошёлся по прилегающей территории обоих вокзалов, пристально взглядываясь в лица прохожих, надеясь увидеть знакомых. Большинство людей, на пристальные взгляды молодого мужчины отвечали полным равнодушием, некоторые отводили взгляды в сторону или подозрительно осматривали его.

Так прошёл этот день.

Ночь пришлось провести на деревянной скамейке. Замёрз к утру так, что зубы стучали. Он не раз вставал, бегал, прыгал, махал руками, пытаясь согреться. Потом опять ложился и спал с полуоткрытыми глазами. А точнее дремал. Голод и холод одолевали его.

С завистью вспомнил о жене и ребятишках, которые лежат в тёплой кровати. Жена не спит и волнуется за его затнувшееся молчание. Она ждала звонка и переживала.

Со следующего утра Валентин опять отправился на поиск знакомых, при этом далеко огибал торговые точки, в которых продавали беляши, чебуреки, шашлыки. От запахов этих фастфудов голова начинала кружиться, даже на очень далёком от них расстоянии.

Знакомые не попадались. Планы о звонке жене рушились.

Вспомнился случай: в большом многомиллионном Ленинграде, он на первых часах своего пребывания, спускался по эскалатору в метро. Вдруг услышал своё имя, и просьбу подождать внизу и никуда не уходить. Каково же было удивление, когда к нему подскочил его бывший ученик, у которого он был классным руководителем в сельской школе. Тот после окончания института остался работать на одной из его кафедр.

«Мир тесен», — подумал он тогда после их встречи.

А сейчас этот тесный мир никого не посылал из числа его многочисленных знакомых.

Уже вечером он подошёл к скамейке, на которой почевал прошлой ночью, увидел двух голубей, клюющих краюху белого хлеба. Отогнал их и всухомятку, давась, проталкивая в сухое горло, съел её, обманув на некоторое время пустой желудок.

Вечером, когда уже было совсем темно, Валентин подошёл к большой цветочной клумбе. Из лежавшего резинового шланга под малым напором текла вода, он напил пахнущей резиной жидкости, утолив жажду. Голова перестала гудеть, радужные круги перед глазами пропали.

Анализируя прошедший день, он решил, что нельзя постоянно ходить по одному и тому же маршруту. Такой человек обязательно попадёт на видеокамеры, которых было здесь много. Он, часто мелькающий на них, обязательно заинтересует операторов и сотрудников полиции.

После второй ночи, проведённой на той же скамейке, с утра невыспавший и небритый, Валентин вновь пошёл на поиски знакомых. Маршрут удлинил, добавив в него тот злосчастный перрон на вокзале. Начал приглядываться, не встретится ли ему промышлявший в этом месте карманник.

Во второй половине дня, уже отчаявшись, он увидел человека с запомнившейся на всю жизнь фигурой и походкой, хотел окликнуть. Но тот сам повернулся к нему и, приветливо улыбаясь тонкими губами, потряхивая тёмными волосами, зачёсанными назад, подошёл к нему.

Это был его друг Николай, с которым в молодости работали в одной школе, и дружили семьями. Ведь это он в своё время принёс ему радостную весть о рождении первенца — сына. Как-то давно они не виделись и не созванивались...

— Блуждаешь, Валя? — спросил он, глядя на несмытое лицо друга.

Узнав причину, Николай вытащил из кармана пиджака телефон и, набрав номер жены, надиктовал нужный номер мобильного.

Валентина прошибло так, что он сразу запомнил это сочетание цифр, связывающих его с женой и детьми.

Николай стоял и с грустью смотрел на него. Трясущимися руками, Валентин набрал номер, услышал родной голос жены, и, уняв волнение, перебивая učinённый по телефону скандал, поведал ей о своём положении.

После этого, по настоянию Николая, они прошли в помещение полиции на вокзале. Каково же было удивление пострадавшего, когда он увидел в «обезьяннике» молодого парня, довольно часто попадавшего ему на глаза в последние два дня.

Валентин объяснил дежурному причину своего посещения линейного отделения полиции, спросил о задержанном. Старший лейтенант предложил пройти к следователю и осмотреть вещи нарушителя.

Свой кошелек-портмоне чёрного цвета с полу оторванной застёжкой-кнопкой он увидел сразу. В кошельке лежали паспорт и удостоверение. Написав расписку в получении утерянных документов, Валентин с Николаем вышли на улицу.

Шли мужчины рядом, разговаривали о чём-то обоим им близком, вспоминали прошлое. Валентин отвлёкся от разговора на несколько секунд. Обернулся на отставшего Николая и не увидел друга.

Тот исчез, будто его и не было.

С женой и детьми Валентин встретился в тот же день. После выяснения отношений, мир в семье был восстановлен. Он провёл себя в порядок. А потом рассказывал обо всех своих злоключениях: и о воришке, и о двух днях, проведённых в качестве бездомного. Особо рассказал о встрече с Николаем, о том, как он звонил с телефона друга, как они вместе ходили в полицию...

Жена слушала Валентина вначале с жалостью в глазах, потом её взгляд стал недоумённым. Резко остановила рассказ мужа и сказала, что Николай, муж её подруги, давно умер, и похоронили его в том посёлке, где они вместе учительствовали.

Из какого мира пришёл Николай неизвестно. Но ведь приходил и помог ему в трудные минуты жизни. Для Валентина всё произошедшее не стало загадкой, он знал, что его выручил друг.

Ведь это был его ДРУГ!

Встреча с Кайбынем

После окончания пединститута по распределению я попал в среднюю школу старинного посёлка Спасск, что находится в Горной Шории на юге Кемеровской области.

Географ по специальности, в свободное время стал в одиночку обследовать окрестности и близлежащие горы, которые будто магнитом тянули к себе.

Началась эта тяга к манящим вершинам гор ещё с Алтая. Главной горой моей жизни стала Синюха, находящаяся в сотнях километров от нашего посёлка и видимая при отличной погоде. С сопки виднелись белки — отроги алтайской горной страны — хребты Тигирекский и Башелакский. Но для меня они были недостижимыми, не то, что близкая Синюха, покорённая мной дважды.

Вот и здесь, в Спасске, как только я обустроил свой быт, то в первый выходной в одиночку отправился на Спасские Дворцы — уникальные гранитные останцы, манящих своей близостью и доступностью.

Во второй раз, пройдя по долине Уруша притока Кондомы, побывав на Булках и Россыпах, находящихся в пяти километрах. Там нашёл для себя ручей Светлый, выбегающий из скалы, с чистой родниковой водой; старую узкоколейку, недалеко от неё развалившийся посёлок лесозаготовителей. Великолепные курумники с протекающим под ними громкоголосым ручьём, избушка охотников-соболётников под самой вершиной и площадка с разбитыми молниями осинами и берёзами поразили меня своей дикостью и первозданностью. Легко дышать горным воздухом с запахом кедрового смолы и душистого сена заготовленного пищурами-сеноставками. Душа радуется.

Освоился я немного, походил по окрестностям. Однажды в разговоре с отцом моего коллеги и товарища Соина Владимира Николаевича, я услышал про Поющую медную гору Кайбынь, находящуюся в верховьях Большой Кондомы. От него же узнал про дорогу до Таймета.

В горах и в тайге всегда есть «прямушки» — это такие короткие таёжные дороги, которыми пользовались местные жители с незапамятных времён. Вот о таких «прямушках» мне и рассказал рассказчик. Оказалось, что эти тропы хорошо видимы, ещё не были разрушены вре-

мем, не заросли молодой порослью.

В начале октября на попутной машине прииска, завозящей запчасти на одну из многочисленных драг, добрался я ранним утром до посёлка геологов — Ключевского и, по хорошо видимой и используемой дороге, легко дошёл до Малого Лабыша.

Дальше мой путь лежал мимо стоянки геологов Толпышево до устья Таймета к одинокой избушке. По верхней дороге, оставив с правой стороны Таймет, добрался в одноимённый посёлок Верх-Таймет, в котором было в те годы до десятка дворов, и жили в основном семьи шорцев.

По покосам поднялся на водораздел Пызаса и Кондомы и оказался у подножия горы Кайбынь. Её я увидел ещё с Первомайки. Тёмная, заросшая кедрами и пихтами, она величаво смотрела на своё окружение, выделяясь среди других вершин.

Слышал я про Кайбынь ещё в студенческие годы в Новокузнецке. Напротив нашего института, около геологического музея стояла глыба самородной меди весом в три тонны, мимо которой мы проходили почти каждый день. Эта глыба была привезена с горы Кайбынь.

И вот я вижу эту легендарную гору в очию. Устал, конечно, пока до неё добрался. Ноги гудели с непривычки от дальней дороги. Я оставил свой рюкзак сохнуть от моего пота, а сам начал обследование горы.

В тот раз я провёл на Кайбыне всего пару часов. Увидел вход в штольню, выработки и шурфы геологов, кучи горной массы, заросшие травой и молодым берёзняком. На обнажениях заметил выходы самородной меди и других минералов, сопутствующих серебру и полиметаллам.

Перед тем как возвращаться, плотно подкрепился тушёной и горячим лесным чаем. Сытно закрыл глаза и решил дать немного отдыха ногам перед возвращением.

В полубабытё находилась немного времени. Незаметно задремал под шум ветра и песни горы. Да ещё под далёкий звук двигателя машины преодолевающей перевал на Алтай.

Очнувшись от мимолётного видения: старик, одетый во всё светлое, пытался разбудить меня, толкая в бок посохом. Он что-то говорил.

В память врезались его слова: «Вставай! Тебе ещё далеко идти!»

Проснувшись, я вначале не мог понять, где нахожусь. Полностью очнувшись от дремы, привязался к местности. На сборы ушло несколько минут. Ноги по уже знакомой дороге понесли меня обратно.

Глубокой ночью воскресного дня на попутной машине возвратился я в Спасск. Усталый и довольный собой, мысленно проходя по пройденному маршруту, уснул крепким сном.

Потом, осмысливая свой поход, я понял, что нашёл ту гору, которая будет для меня фетишем — Поющую гору Кайбынь.

Впоследствии, не раз бывал там в разное время года: в одиночку и с друзьями. И она всегда радовала меня и делилась своей энергией.

Был в штольне, в небольшой пещере — углублении, где ночевал. Лежал на земле у её подножия во время сильнейшей грозы.

Поющая гора Кайбынь, эта медная гора, стала частью моей жизни. Я благодарен Судьбе, что она дала мне счастье общения с ней и окружающей её природой. А ещё позволила написать несколько историй с ней связанных.

г. Таштагол

Аделья МАЧКОВА

Пять лет назад ушла в область параллельных миров Аделья Мачкова, добрый друг и хороший поэт. Она чувствовала жизнь каждой клеточкой своего организма, любила людей и готова была броситься на помощь при первой необходимости. Её стихи – это исповедь души, философия истины, радость бытия. Она выпустила две книги: «Вишнёвая косточка» и «Коловорот».

«Для меня Древо Рода – это родовая память. А это не погибнет ни при каких пожарах. И вижу я это дерево, как дерево, рожденное кристаллами памяти удивительной красоты».

/Ада

Я хочу написать журавля

Память прошлого, светлая

Память прошлого, светлая,
ты всегда неприметная,
и судьбой не целована,
но дарована... но дарована.
Мы давно не встречались.
Годы быстро промчались...

Солнце по небу катится,
всё просвечено платьице,
нет ни тайн, ни тревоги,
всё в руках. Все дороги,
как клубочки крутились,
и катились, катились...

Нить легла непростая.
был и шёлк, и льняная,
только больше сермяжной,
и хлопчатобумажной.
Нити разного цвета.
И спасибо за это!

Память прошлого светлая,
как печаль неприметная.
В жизни, что не встречалось!
Ты такой же осталась.

Не знаю, к радости
или к несчастью
Мы проросли друг
в друга каждой частью,
Сливаясь сутью всей,
и малой клеткой.
Мы были: Я и ТЫ.
А стали веткой
на древе Рода.

Вся жизнь была, как стёкла в витраже.
Я не скажу тебе и правды малой
О том, как очень страшно быть усталой,
Когда меняешь путь на выраже.

Тогда не видишь ничего вокруг,
Не думаешь о том, что ты «пропал»,
А мысль одна: «Не выпустить штурвал
Из судорожно сжатых рук».

Всё чувствуешь, как никогда, поверь,
Становишься комком из воли.
Раз хочешь жить, то не кричи от боли.
Смотри вперёд и вырулишь, лишь верь!

Вдали
от суетной толпы

Вдали от суетной толпы
Хранитель диких мест,
В горах, у каменной тропы
Стоит могучий крест.

Какую тайну ты хранил,
Встав около пути?...
Вот путник голову склонил,
И прошептал: «Прости...
Прости, не я тебя воздвиг
Во славу небесам...»

И над тобой он видел ЛИК,
И верил чудесам.
А воин, в битве победив
Жестокого врага,
Стоял суров и молчалив,
Твой и судьбы слуга.
К тебе извиистой тропой
С молитвой на устах
Спешили матери порой
Развевать вечный страх.
Просили защитить детей.
Плутающий изгой
Среди сырых и хмурых дней
Нашёл здесь свой покой.
Кто и когда тебя воздвиг,
Донёс до высоты...
Но каждый славил этот миг
И говорил: «Прости».
Стоял, как символ, как костёл
Меж диких, тёмных скал.
И всякий, кто к тебе дошёл,
Нашёл то, что искал.

Вдали от суетной толпы
Хранитель диких мест,
В горах, у каменной тропы
Стоит могучий крест.

Размышления

перед картиной
Михаила Врубеля «Демон»

Холодных звёзд касались руки.
Как парус были два крыла...
Гордыни больше или муки
Тебе свобода отдала?
Какой закон ты с ней нарушил?
Что смог создать, а что разрушил?

И вот ты соткан из печали.
И скалы над тобой молчали...
О чём? О том холодном дне,
Когда в дышащей тишине
Живыми будешь ты отвергнут
И тайной силою повергнут.

За что? Пам не дано то знать,
Но скрытое смогли увидеть.
Понять его, иль ненавидеть?
А это каждому решать.

Под звёздами
и синим небом

Под звёздами и синим небом
Живём мы все не только хлебом.
Мы люди, и нам надо больше,
Что в нас живёт намного дольше,
Чем человеческая жизнь.
То говорит, то умолкает,
Но никогда не исчезает.

И появляется не вдруг
В ночи под лампой яркий круг.
В нём круглый стол, вокруг семья,
Родные, близкие, друзья,
Веселье, детские мордашки,
Конфеты, чай до края чашки,
И много, много новых лиц,
И стол, и свет – всё без границ.

Пегас

Белый конь летит над речкой,
Над простором луговым.
В детстве ждал ты у крылечка
И когда-то был моим.

Жизнь скользила, создавала
Будней серенький плетень...
Где-то там, вдали мелькала
Лёгкой дымкой твоя тень.

В тёмном небе свет зарницы.
Надвигается гроза,
А над полем мчится птицей
Белый конь, огнём глаза.

Под рукой тугая шея,
Грива в кольцах вьётся вея,
Пог стремительный полёт,
Серебра копыт вразлёт.

Мы сливаемся и вместе
Над землей летим, как песня.
Белый конь – мечта моя.
Эта песня – ты и я!

Солнце золотом струится,
Зазвенит всё, только тронь!
Позови, к тебе примчится
Твой из детства белый конь.

Поставим все иконы
в ряд

Поставим все иконы в ряд.
Пам нечего делить!
Пусть бесконечно говорят,
Что зло нельзя творить,
Скрывая маской мудреца
Лукавость хитреца,
Теряя разум, жизнь и честь...
Увы, потерь не счесть.
А мы, а мы, как на парад,
Поставим все иконы в ряд!

Я хочу написать
журавля

Это стихотворение написано было
давно, лет 12 назад. Оно не совершенно по
форме, но по содержанию отражает то,
чем я тогда жила. Не знаю почему, но мне
хочется отдать его вам, моим читателям,
именно сегодня.

Я хочу написать журавля,
Крыльев пена, под ними земля...

Напряжённ натянута шея,
Глаз коричневый плещет огнём.
Бег, прыжок, но летать не умея,
Он упал. Оттолкнулся крылом.
Вновь взлетает и новый рывок.

Крик победы! Подняться он смог,
Неуверенность, страх, всё развеяв.
Рвутся пути у ног бунтаря,
Крыльев взмах, и поверить не смея,
Он летит над планетой паря.

Побудь со мной

Побудь со мной. Не исчезай.
Побудь со мной ещё мгновение,
как лёгкий дым, как наваждение,
как сказка, миф, а может, рай.

Пусть это будет только сном.
Я в сладкой неге утопаю.
Где сон, где явь уже не знаю.
Зачем мне думать – «что потом?»

У сердца есть своя страна.
Она зовёт. Уже не спорю.
Я опускаюсь в это море,
не зная, что за глубина.

Как холодно.
Замёрзшее окно

Как холодно. Замёрзшее окно.
Усталость мне разламывает плечи.
Пусть говорят, что путь мой вечен,
По без тебя мне это всё равно.

За дверью снег: Кружит метель.
А в доме ночь ползёт из каждой щели,
И то тепло, которое имели,
Унёс с собой давно апрель.

Присаживаюсь у накрытого стола.
Загадываю чудо. Пусть случится.
И счастье вдруг негромко постучится.
Дверь открывается. Я так тебя ждала.

Взмах обнажённых рук

Взмах обнажённых рук,
В глазах прозрачность мук,
Что были и пройдут...
– Любимая, прости.
Слова слетают с губ.
Их шелест тих и скуп,
Как крик, они зовут
– Любимая, прости...

Вехи нам обозначили, обозначили
Путь, в котором мы что-то значили.
Значили для других.

Всё прошло, замела метелица,
Лист осенний кружит и стелется
У костра для двоих.

Благодарю за всё,
что есть

Благодарю за всё, что здесь
Цветёт и зреет, и журчит,
И с удовольствием урчит
От ласки под моей рукой;
За благодать и за покой;
За жизнь из сказок и чудес;
За лето, осень, зимний лес
И за весеннюю слезу,
Что у сосульки на носу.
За понимание – мир раним,
За то, что мы его храним.

г. Новокузнецк.

Ирина ИГНАТОВА

Ирина Игнатова, поэт из Феодосии (Крым), член Союза писателей Республики Крым, автор книг и литературных публикаций, победитель международных поэтических конкурсов, неоднократно выступала в программах на крымском радио.

«Грядет 5-я годовщина Крымской весны, я предлагаю вниманию читателей подборку стихов о Крыме».

/Ирина Игнатова

На перепутьях ста дорог

К годовщине исхода
Белой гвардии из
Крыма

Всё готово. Готово в дорогу:
На груди медальон, крест святой.
Не вернётся к родному порогу,
Никогда не вернётся домой!
В неизвестность плывут пароходы,
Ни на день, ни на год — навсегда.
Впереди испытанья исхода —
Здесь темнеет в глубинах вода.
И серчает ноябрьское море,
И крепчает норд-ост штормовой.
Исчезает в бескрайнем просторе
Миноносец с названием «Живой».
Это горькое слово — «чужбина».
От России, от дома вдали
Вам досталась лихая судьбина,
Вас из Крыма несут корабли.
За бортом только Чёрное море,
За спиной дом, любимая, мать.
И тоски, и безбрежного горя
Ни душой, ни умом не принять.
В сне тревожном скорей бы забыться,
Чтоб приснились имение, бал,
Над рекой облаков вереница,
Свежий хлеб, молоко, сеновал...
Их судьба разбросала по свету.
Где придётся, старались осесть,
И разлукам забвения нету.
Русских кладбищ по миру не счесть.

Степи крымские

Степи крымские, степи полынные:
Стрел полёт, звон копыт, дым костра.
И невольников песни былинные
Над землею плывут до утра.
С облаками здесь время уносится:
Крик кочевников, звоны оков.
Здесь живёт и в стихи мои просится
Ширь без края да память веков.
Степи крымские, степи ковыльные,
Как прекрасны вы поздней весной!
Не иссушенные и не пыльные,
Вы покрыты травой молодой.
Море маков, ручьи васильковые
И душистый лиловый шалфей...
Ты добавь в воздух ветры медовые,
Разливай по бокалам и пей!
Травы шёлковы, запахи пряные,
В небе ласточки, пенье цикад.
И звенят колокольцы овсяные.
Мне тихонько о счастье звенят!

Упасть я хочу в чистом
поле

Упасть я хочу в чистом поле,
Чтоб землю родную обнять:
«Уйдите в неё, мои боли,
Как сильной мне хочется стать!»
Чтоб травы мне дали прохладу,
Чтоб нежность мне дали цветы...
Как мало для радости надо:
Лишь выпить до дна Чистоты
Из нежных ладоней природы.
Из тёмных глубин родников
Напьюсь я простора, свободы,
И солнца, и новых стихов.

Шиповник, боярышник, тёрн,
Лиловый кермек вдоль дорог,
И колос тугой, полный зёрен
Коснутся израненных ног,
Чтоб жажду и зной я стерпела,
Чтоб холод и ветер несла,
Чтоб, если не выдержит тело,
Душа моя всё же жила.

Полынь

Расплетана твоей ногой полынь,
И запах горечи плывёт над степью.
Закинув голову, смотрю я в неба синь,
Где с облаками дни любви уходят цепью.
Люблю — и всё тебе прощаю,
Люблю — и многое терплю.
Тебя за все прощенья презираю,
Но возвращаюсь... Я тебя люблю!
Тебя я слышу в музыке, в стихах,
Меня любовь согреет в зимней стыни.
И боль в твоих неискренних словах
Всё тот же горький аромат полыни.
Ей много лет, моей любви.
Знакомы ей и взлёты, и паденья,
Минуты счастья и тревоги дни,
Знакомы ей отчаянья мгновенья.
Улыбка радости, что спрятана в цветах,
Сон рядом на еловых лапах,
Все эти годы на твоих губах
Я чувствую обмана горький запах.

Каффа

Звездной пылью присыпаны крыши.
Каффа спит, завернувшись во тьму.
Сторожей колотушки всё тише,
Плещут волны в фелюги корму.
Бьют на башне часы тревожно,
Где-то слышится детский плач,
И крадётся сквозь ночь осторожно
Генуэзец, закутанный в плащ.
В узких улочках Карантинных
Запах кофе живёт и дынь...
Солнце встанет, и с амфор старинных
Утро скинет лоскутную синь.
Вот скрипят по дорогам мажары,
И кухарки спешат на базар.
Сна прохладные сброшены чары,
Всюду царствует августа жар.
Звонкий смех слышен в Консульском замке,
Шёпот, вздохи, слова невпопад,
И прекрасные итальянки
Сладкий крымский едят виноград.
Белозубые смуглые лица,
Кудри чёрные, кожи муар.
Взгляд манит и надеждой искрится,
Он в сердцах разжигает пожар.
И браслеты звенят на запястьях,
Ножка стройная в тонком чулке...
Сколько неги и сколько же страсти —
Итальянский бубен в руке...
Семь столетий с ветрами умчались,
Поседел Карантинный холм,
Неизменными лишь остались
Небо, море и шёпот волн.
(Каффа — древнее название Феодосии)

В Бахчисарае

Лаванда, прелый лист в густых лесах,
И пряных трав из степи аромат...
Дворец в саду, Бахчисарай,

тебя я вижу в снах.
От века и доныне — город-сад.
Замысловатая Востока вязь,
куда ни бросишь взгляд,
На перепутьях ста дорог и ста историй
ты построен.
В одной земле твоей тут вечно рядом спят
И грозный хан, и хлебороб, и воин.
В ладонях памяти я трепетно несусь
Фонтанов ханского дворца тугие струи
И лепестки цветущих персиков,
И воды Чурук-Су,
Диллары и Геряя поцелуи.
Синь неба: полумесяц в нём и крест,
В долинах ввысь стремятся
стрелы минаретов,
Над городом Чуфут-Кале,
хранитель здешних мест,
В пещерах спрятаны людская боль,
любовь и тысячи секретов.
Как яростно ты, и как ты многолик:
Татарин, русский,
украинца-казака потомок,
Здесь каждый сохранил родной язык,
И рынок потому здесь — срез столетий,
не обломок...
Ты много видел, много пережил,
По вопреки всем бедам наливается
нектаром виноград.
Ведь добрым и трудолюбивым людям
ты всегда добром платил,
Цвети, Бахчисарай, дворец в саду
и вечный город-сад!

Братьям-крымчакам

Осталась только горстка вас
на всей планете,
Народ многострадальный — крымчаки.
В беде и радости едины люди эти,
Все рядом, словно пальцы у руки.
Как много среди них поэтов, музыкантов,
Художников, врачей, учителей,
Отважных воинов, во всём —
больших талантов,
И просто замечательных людей!
О, сколько горя, слёз, страданий и несчастья
Ты испытал, земли великой Сын...
Но знаем — пронесли над Крымом
все ненастья.
В единстве сила! Верь, ты не один!
Мчат воды Кара-Су, а с ними время мчится,
На фесках золото монет звенит.
В истории лишь лучшее пусть повторится,
А горе с ветром крымским улетит.
Пусть льются ваши песни не одно столетие,
Пусть их поют зурна, сааз, сантыр,
Пусть продолжают древний род ваш
ваши дети,
И внуки пусть растут.
И будет Мир!

Сердолик

Брожу по кромке моря в бухте Тихой,
И в Громкой бухте взглядом
по песку скольжу.
Ищу я сердолик,
хотя б осколки сердолика.
Ищу...
Но ничего совсем не нахожу.
Исхожены туристами

все Кара-Лага тропы,
Кругом следы бездушных и чужих.
Перебывало в Коктебеле пол-Европы,
И каждый брал горсть камешков цветных.
Спит беспокойно яшма в чьём-то чемодане,
Тоскуют халцедон, агат от родины вдали,
Грустит нефрит на полке в Магадане —
Давным-давно его из Крыма увезли.
А я ищу ОДНУ.

Быть может,
извержения вулкана пламень
Иль отблеск утренней зари
на сердолике отражен.
Пуста моя ладонь.
Наверное, последний камень
Нашёл здесь для Цветаевой
Сергей Эфрон.

Прощание славянки

Стою на перроне. Народ суетится.
Мне хочется место занять поскорей.
И поезд умчится. И что-то случится,
И что-то изменится в жизни моей.

Когда-то надеялась: вырвусь из плена
Домашних тревог, неурядиц, забот.
Там, где-то чудесные ждут перемены,
И поезд в счастливую жизнь унесёт.

Там будут здоровье, любовь и богатство,
Там, может быть, счастье найдётся и мне.
Ведь верят же люди в свободу и братство,
В успех и удачу, в победу в борьбе...

Вдруг с ужасом вижу — билет потеряла,
А, может быть, не было вовсе его.
Сегодня придётся уйти мне с вокзала.
И, значит, опять впереди ни-че-го!

А дома ремонт, огород, перебранки.
Не ждите меня ни Париж, ни Орёл.
Прощальный гудок, и «Прощанье славянки»...
Одна на перроне. Мой поезд ушёл...

Землякам

Мы родом из эллинов,
родом из скифов,
Из генуэзцев и из армян.
Мы вышли из моря,
мы вышли из мифов,
Мы — дети Аллаха и христиан.

Что делим мы, люди?

С рожденья мы — братья!
Земля полуострова — нам колыбель!
Давайте раскроем друг другу объятия,
Ведь будет нам пухом земли той постель.

Мы строим дома и стихи сочиняем,
Мы сеем пшеницу, растим виноград,
Над морем и степью, как птицы, летаем,
И нету для нашего счастья преград.

Лишь рознь и вражда, только войны и слёзы
Жить в радости могут нам помешать.
Пусть дети растут,
расцветают пусть розы —
Крымчан никому не удастся сломать!

г. Феодосия.

Владимир НЕУНЫВАХИН

Владимир Максимович Неунывахин активно сотрудничал с редакцией «АХГ» «Усытская россыпь» с первых её номеров и до последних дней своей жизни. С первых публикаций его рассказов и зарисовок об охоте, рыбалке, читатели Альманаха увидели, что он давно уже не новичок, а большой мастер слова. Всего же им выпущено более десяти больших и малых литературно-художественных книг.

Известие, об уходе из земной жизни замечательного кузбасского (новокузнецкого) писателя-прозаика Неунывахина Владимира Максимовича, очень встревожило и опечалило всех нас. Очень жаль, что в дальнейшей своей работе мы не будем больше получать из рук Владимира Максимовича его новые произведения, большие и малые. Он на протяжении многих лет являлся нашим постоянным автором. Память о нём навсегда останется в сердцах работников редакции, наших авторов и читателей. Владимира Максимовича Неунывахина будет нам не хватать, он всегда будет оставаться для нас КУЗБАССКИМ ПИСАТЕЛЕМ с большой буквы, эталоном писательского трудолюбия и самоотдачи, примером для творческого подражания...

Анатолий Гуляев – от имени сотрудников редакции «АХГ» «Усытская россыпь», творческого коллектива Альманаха и его читателей.

Я пишу для души

Неунывахин Владимир Максимович, член Союза писателей России (2010), Заслуженный сотрудник уголовно-исполнительной системы РФ, новокузнецкий писатель и журналист, родился 20 августа 1938 года в городе Иркутске в крестьянской семье Неунывахина Максима Васильевича и Неунывахинной (Посевой) Аграфены Фёдоровны. В 1939 году семья переехала в город Сталинск (сейчас — Новокузнецк), а затем в таёжный посёлок Бурановск Таштагольского района Кемеровской области. В начале 1943 года отец ушёл из семьи, мать переехала с детьми в посёлок Абагур-Лесной, пригород Новокузнецка.

В 1955 году после окончания семилетней школы Владимир начал работать фрезеровщиком в механических мастерских. За несколько лет трудовой деятельности закончил 11 классов вечерней школы рабочей молодёжи, активно занимался журналистикой и литературным творчеством, стал членом литературного объединения города Новокузнецка, публиковался в городских и областных периодических изданиях. Со времён работы в механических мастерских является заядлым

охотником и рыболовом. В это же время начал писать рассказы о природе.

В городе Кемерово издавалась газета для личного состава «На страже», в которой часто публиковались короткие зарисовки читателей. В 1959 году редакцией этой газеты был объявлен конкурс на лучший рассказ. Владимир Максимович отправил несколько произведений: «Персональное дело», «Забыть я не в силах», «Береста», «Будни» и занял первое место.

В 1963 году стал литературным сотрудником многотиражной газеты «Трудовая честь» для заключённых МВД России, а с 1967 по 1970 год работал редактором этой газеты. В это же время ему было присвоено звание младшего лейтенанта. В 1972 году закончил заочно филологический факультет Новокузнецкого пединститута. В 1970 году газету закрыли и В. М. Неунывахин до 1973 года работал начальником отряда особого режима в ИТК-16 учреждения ВД-30, а также дежурным помощником начальника колонии строгого режима Майзасского лаготделения того же учреждения. В 1973 был назначен на должность старшего инспектора, а затем заместителем начальника инс-

пекторского отдела в аппарате Управления лесными исправительно-трудовыми учреждениями (УЛИТУ). С возобновлением издания многотиражной газеты в 1978 году вернулся на должность её редактора. В 1973 году познакомился с будущей супругой Валентиной Петровной Князевой, в замужестве Неунывахинной, с которой в любви и согласии живёт уже 39 лет.

С 1981 по 1991 год служил начальником инспекторского отдела Онежского УЛИТУ в ОУ-250. Жил в посёлке Североонежск Плесецкого района Архангельской области. В январе 1991 года в звании подполковника вышел в отставку по выслуге лет.

Уйдя на пенсию, вернулся на малую родину — в Новокузнецк. Здесь стал работать над своими набросками, которые вёл всю жизнь. Так и стала осуществляться мечта с детства — стать писателем. В 2002 году вышла первая книга «Забыть я не в силах», а в 2012 году в кемеровском издательстве «Офсет» вышел одиннадцатый сборник произведений писателя «Вспохои памяти». С 2005 года — член Союза писателей Кузбасса, а с 2010 года — член Союза писателей России.

В. М. Неунывахин — Заслуженный сотрудник уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, подполковник внутренней службы запаса. Он автор 13 сборников: «Забыть я не в силах», «Живым не братья», «Под глухариную песню», «Я вернулся, мама», «За что?!», «На утренней зорьке», сборник рассказов для детей старших классов «Подснежники», «Деревенские этюды» и др., четырёхтомного собрания сочинений и множества публикаций в периодических изданиях.

Творческий труд Владимира Неунывахина оценен по достоинству.

В 2004 году писатель стал лауреатом литературного конкурса, объявленного Министерством юстиции РФ в честь 125-летия уголовно-исполнительной системы в номинации «Художественная литература и проза». Также имеет награды Кемеровской области: медаль «За веру и добро» (2006), медаль «За достойное воспитание детей» (2008). За большой вклад в развитие культуры в регионе, укрепление связей с учреждениями культуры города и в связи с 50-летием со дня образования Кемеровского областного отделения Союза писателей России награждён Почётной грамотой.

Весна
в деревне

Зарисовка

Безумно хороша весна в Сибири! Изумительна просыпающаяся природа!

Выйди в поле или на опушку леса, оглядись вокруг, присмотришься внимательно к чудесным преображениям природы, к её пробуждению. Прислушайся к симфонии её звуков. Они похожи на музыку, которая очаровывает тебя и захватывает! В неё вплетаются и трель жаворонка, и «блеяние» бекаса, и теньканье синички, и курлыкание журавлей, тянущих клином в северные края. Слышно даже, как ласковый восток перешёптывается о чём-то с берёзкой, как набухают и трескаются почки, выпуская на волю клейкие листочки, как пробивается из земли пригретая солнцем на пригорках трава, как дышит сама земля — бурная и влажная, — жадно впитывающая влагу ручьёв, один из которых журчит рядом в прошлогодней борозде. Он торопливо лопочет о чём-то своём, подобно ребёнку, радующемуся матери, склонившейся над его кроваткой. Все эти звуки, сливаясь в чарующую музыку, кружат тебе голову, уносят в сказочный потусторонний мир.

Да, изумительная весна в своём разгаре! Всё радуется твоим глазам: и бледно-голубое бездонное небо над головой; и лёгкая светло-зелёная дымка распускающихся почек в близлежащем берёзовом колке; и покачивающиеся сиреневые колокольчики кандыков, и его голубоглазая подружка-кокетка медунка, расцветшие одними из первых на едва появившихся проталинах.

Полноводна в весенние дни речка за околицей. Расплескалась по заливным лугам, притомила по низинам заросли тальниковых кустов, которые залюбовались своим отражением, задумались, стоя по колено в воде. А всего неделю назад над речкой шум и треск стоял: густо шёл лёд. Лыдины с глухим скрежетом и шорохом громоздились друг на друга, трелились, крошились и, кружась в водоворотах, плыли к далёкому морю. Сегодня от бывшего ледохода остались отдельные льдины, выброшенные потоком на крутой берег. Тая на солнышке, они плачут прозрачными и обильными слезами, от которых промокла, почернела вокруг земля. Лучи истончили бело-голубые глыбы, раскрошили на кристаллы.

С приходом весны деревня преобразилась, стряхнув остатки продолжительного зимнего сна, она на глазах из сонно-ленивой стала оживлённой и многоголовой. Как-то по особому замычала, заблестела в хлесах и загонях домашняя скотина, соскучившаяся по выпасам и зелё-

ной, сочной траве. Даже собаки брешут по-особому, радостно, с подвывом и беспричинно. Куры, выпущенные хозяйками из курятников, с квотаньем копаются в навозных кучах у загонцов, скисывают с аппетитом зелёную щетинку проклюнувшейся травки. Они то и дело сбегаются к петуху, сзывающему их к себе радостным «Ко-ко-ко-ко», когда находит очередное зёрнышко. Многие хохлатки, облюбовав завалинки, принялись купаться в их прогретой пыли. Рядом с ними, шуря на безоблачном небе и подставив иссечённые глубокими морщинами лица тёплым, ласковым лучам солнца, устроились старики и старушки, покинувшие, надоевшие за долгую зиму, лежанки на русских печах.

А бабы... бабы, обрадовавшись теплу и солнцу, потащили на улицу перины, подушки, оделяя и принимаясь неистово выколачивать из них скопившуюся за зиму пыль, тоску и всякую хворь. Во дворах застучали топоры, звонко зацокали молотки по металлу — мужики принялись за ремонт и подготовку инвентаря к пахоте и посевной.

Но больше всех рады приходу весны ребята. Распутив гусей и уток, охорашивающихся в лужах, они носятся по улице с визгом и хохотом, играют в догонялки и пятнашки. Кто постарше, гурьбой подались за околицу: девчонки — собирать кандыки, медунки и набирающие цвет огоньки (в деревне зовут их «жар-

кис»), а пацаны — на яр, посмотреть на завораживающие, манящие вдаль, струи полноводной реки. Им так и хочется устремиться вслед за струями в дальнюю даль, за горизонт, чтобы познать мир и вырваться на свободу из-под неусыпной опеки домочадцев.

И здесь виновата весна. Это она разбредила юные ребячьи души, посеяла в них зёрнышки авантюризма, коим заражены все открыватели неизведанного...
пос. Стенной, Абагур-Лесной. 1975 — 1978 гг.

Встречи
с медведем

Зарисовка

Василию Николаевичу Бахтину под восемьдесят. Но на вид дедок ещё, дай боже: энергичен, подвижен, сухопар, на здоровье почти не жалуется, видимо, сказывается страстное увлечение в прошлом охотой. Сегодня он, конечно, уже не тот ходок, ноги «поскрипывают», как он говорит смеясь. На рябчиков по ближайшим от дома таёжным тропкам и за грибами ещё бегает, а на дневные переходы уже всё — силёнок не хватает. Рыбалку, которую любит не меньше, чем охоту, не бросает, благо река Терсь, приток Томи, от дома буквально в двух шагах. Милос

дело, посидеть с удочками на её берегу или при случае разбросать пару сетёшек и столько же перемётов в ближайших уловистых заводях.

Живёт он бобылём в собственном доме-заимке в трёх верстах от посёлка Осиновое Плёсо. Жену схоронил более десятка лет назад. Дочь Маринка замужем в Старом Осколе, ежегодно приезжает попроведовать старика и постоянно зовёт к себе. Лет пять назад, поддавшись на уговоры, он согласился на переезд в Старый Оскол. Хорошо, что не продал заимку, поручил соседу присматривать за ней. Пожил две недели в городской квартире и чуть не пропал со скуки. Волком взвыл и, как ни умоляла дочь (плакала, страдала и на колени падала), всё равно настоял на своём — уехал к себе на хутор, на родную Терсь. Заявил любимой дочери:

— Не терзай ты мою душу. Не могу я в городе жить, не по мне это. Пока ноги носят, буду жить в своём доме, общаясь с природой. Там и помереть хочу. Если не сразу сковырнусь, бездвину, тогда уж вези, куда хошь...

Так и живёт. В огороде, по дому сам управляется и пока не жалуется, что в тягость.

По его воспоминаниям об охоте и рыбалке можно написать толстенную книгу. И я, наведываясь к нему в гости, люблю слушать его рассказы о всевозможных случаях на той или иной охоте, чем-то запомнившихся на всю жизнь.

Как-то зашёл разговор о медведях. И смотрю — оживился он, видимо, что-то интересное вспомнил. Я тут же с вопросом, чтобы расшевелить воспоминания:

— Что приходилось, Николаич, с косялым носом к носу встречаться?

— Приходилось и много раз.

— Расскажи.

— Первая встреча была, когда я в ремеслухе учился, по-моему, в сорок втором это было. Нас пацанов отправили в Осинники на всё лето отдыхать. Жили на базе отдыха. Это вроде пионерского лагеря. И преподаватели с нами. Кормёжка была бедненькой — война. Вот нас, кто побойчее, отправляли в лес собирать ягоду всякую для киселя и компота, грибы для похлёбки. Ходили обычно по пять-шесть человек.

Нашёл я хороший малинник, спелой ягоды много. Пацанов не зову, думаю, вперёд всех корзину наберу и буду на солнышке валяться, загорать, а они пусть собирают. Присел на корточки и собираю. Вскоре слышу, кто-то припёрся, ломится — аж кусты трещат. «Ну, — думаю, — надбали моё место. Надо предупредить, что я первый его нашёл и пусть они на чужой каравай рот не разевают». Поднимаюсь с корточек, а в трёх метрах — медведь. Лапами ветки малины со спелой ягодой в пучок собирает и — в пасть...

Не помню, как добежал до нашего лагеря. Потерял корзину, ботинки и ножик, которым грибы резал. Прилетел весь белый, глаза по кулаку, трясусь. Преподаватель долго добивался, чтобы я внятно рассказал, что стряслось.

А назавтра на нашу базу отдыха пришли военные в синих галифе, с кобурами на боку. Спрашивают у преподавателей и пацанов постарше: не видели, мол, медведей? «Видели, — отвечают, — вон наш пацан еле от одного убежал».

Оказалось это энкэвэдэшники. Искатели сбежавших из лагеря заключённых, которых они почему-то «медведями» зовут. Кое-как разобрались. Они сходили со мной на тот малинник, нашли корзину, ботинки, а ножик так и завалялся где-то среди кустов.

С того дня нас, пацанов за ягодой и грибами в лес не посылали.

Ещё один забавный случай был. Это уже когда я парнем был и всю за девками ухлестывал. Дружил я с одной дев-

кой из деревни Мутное, что от нашего Осинового Плёса километрах в десяти, и частенько бегал туда на вечерки. Домой возвращался уже за полночь и, чтобы в темноте в какую-нибудь колдобину не вляпаться, подсвечивал себе дорогу берестой, которую, загодя надрвав, держал в кармане вместе со спичками. Помню, середина осени была.

Бегу, значит, на вечерки в Мутное. Сумерки сгущаются. Смотрю, впереди на дороге в вечерней синеве маячат три силуэта. Обрадовался — попутчики! Думаю: «Всё веселее идти вместе». Прибавляю шаг. А ветерок мне в лицо, лес шумит, окликнуть — не услышат.

И вот попутчики совсем близко. Пригляделся и обомлел: на дороге — медведица с двумя медвежатами. А медвежата уже большевики в полмамаши. И троица останавливается, видно, учуяли меня. Поворачиваются. Я на землю пал. «Всё, — думаю, сейчас закусывать мною будут». И будто кто подсказал — береста же в кармане!.. Выхватил, давай зажигать. И чудо: быстро разгорелась. Медведица увидела огонь, рывкнула — и в тайгу. Медвежата — за ней. А я — назад домой. И больше в Мутное не ходил. Далековато, да и левка тамошня что-то разонравилась.

Была ещё одна встреча, которая особенно запомнилась. Я уже семью завёл и по настоящему охотой увлёкся.

Однажды в начале зимы пошёл в тайгу рябчиков пострелять. Снегу ещё немного выпало — чуть выше щиколотки. Можно без лыж бродить. Хорошо в лесу. Чистенько, трава легла, идти не мешает, снегом присыпало, далеко видать, как на лалони.

Порядком от деревни ушагал. И вдруг привлек моё внимание огромный выворотень. Как шалаш стоит. Подхожу поближе, пригляделся: выворотень буреломом завален и, точно, как шалаш снегом присыпанный. А у самой земли, будто — лаз и слегка парит из него, ветки над ним заиндевели.

Мать честная, так это берлога. Я потихонечку задом, задом и бегом в деревню. Захожу к племяннику — здоровенный парняга и тоже заядлый охотник, частенько в тайгу вместе хаживали. Он дома. Я ему толкую: «Берлогу нашёл. Хочешь на медведя поохотиться?» «Конечно, хочу!» — и за ружьё.

Пока до берлоги добивались, уговор заключили, чтобы никто ни при каких условиях не сдрейфил и подстраховывал друг друга. Один выстрелил, второй медведя на мушке держит, тот кинулся — стреляй, пока напарник перезаряжает.

Подкрались к берлоге, всё спокойно, медведь на месте. Ружья проверили. Племянник за дерево встал, берлогу на мушку взял. Я зажёл факел и потихоньку, потихоньку — к берлоге. Кинул факел в отдушину и ружьё наизготовку. Секунды не прошло, медведь, заревев жутким рёвом, огромной черной глыбой выметнулся из берлоги и кинулся на меня. Я, не целясь и зажмурившись, непроизвольно нажал на курки. От жутки у меня всё онемело внутри. Медведь в двух метрах от меня, обмякнув, рухнул на снег.

Сколько прошло времени, я не помню, наверное много, а я всё стоял и стоял в оцепенении, тупо глядя на огромную тушу медведя. Потом медленно проверил ружьё: в стволах — пустые гильзы. Значит стрелял дуплетом. Наклонился над медведем, потрогал — он был мертв. В районе груди парила сочившаяся кровь.

Вот тут меня обуяло дикое ликование, как дикаря, пляшущего у поверженного мамонта. Ору, зову племянника, а его и след простыл. Ружьё в страхе бросил и в деревню умчался. Вот тебе и уговор... Хорошо — моё ружьё само, куда надо попало...

Пос. Осиновое Плёсо.
2006 год.

Наталия ВЕРШИНИНА

Член Союза русских писателей Восточного Крыма. Автор шести сборников стихов, четырёх книг детских стихов и рассказов. Первая публикация в 1979 году в журнале «Крокодил». Образование высшее. Окончила Московский педагогический институт им. Крупской и Академию управления при президенте Российской Федерации. Двадцать лет посвятила школе и десять лет государственной службе. Сейчас полностью посвящает себя литературному творчеству. Считает, что главная задача каждого — воспитать в себе настоящего человека, помнящего своих предков, созидателя с высокими моральными качествами, так как преобразование общества начинается с каждого из нас.

Бабье лето

*В кроне зелёной рубины
Щедро осень рассыпала...
Этой чудесной картиной
Мне любоваться выпало.*

*Это рябина поспела!
Кисти на солнце сияют...
Осень подкралась умело,
Но птицы об этом знают.*

*Жарки деньки по-летнему,
И клумбы пестрят цветами,
Только ивы кокетливо
Золото в косы вплетают.*

Край, куда меня звали

*Мои ноги устали от дальней дороги,
Мои руки не знали безделья и ласки,
Я пришла из той дали, где обычаи строги,
В край, куда меня звали,
где рождаются сказки.*

*Звал меня вольный ветер,
что над морем гуляет,
Под лазурное небо, где широкие дали,
Звали горы и степи, что орлы охраняют,
Я пришла на рассвете, и ушли все печали.*

Прикипела я к морю

*Пришла в год морского дракона,
Падо мной в небе рыбы плыли...
Под протяжные чаек стоны,
Что летали над морем стылым.*

*Прикипела я к морю сердцем
Там, в Балтийском краю далёком.
Так куда мне от моря деться?
С ним не грустно, не одиноко.*

*Здесь бывает долгое лето,
Море рядом, а это значит,
Что плывут мои рыбы где-то,
Мой дракон среди волн маячит.*

*И у тёплого Чёрного моря,
Я своё вспоминаю детство.
Вот и внуки придут скоро...
Это будет от старости средство.*

Рождение стихов

*Казалось просто ниоткуда
Из шума ветра, света, снов
Рождается порою чудо
Из ритма сердца, мыслей, слов.*

*Трепещет волнами эфир,
Волнует душу и томит.
Оно созвучно звуку лиры,
Притягивает, как магнит.*

*Такой энергии полёта
Не помешает праздный шум.
Как будто сверху мудрый кто-то
Тревожит сердце, будит ум.*

*И на листке теснятся буквы,
Вдруг обретая нужный смысл.
А ты паришь над миром будто,
И чётко излагаешь мысль...*

На пороге жизни

*Просто я вышла из дома,
Гордо расправила плечи...
Мы были с ним не знакомы,
Но был только шаг до встречи.*

*Помню, летели снежинки,
Я их ловила ладошкой,
Под солнцем мерцали льдинки,
Мама смотрела в окошко...*

*Так было легко, и счастье
Мне переполнило душу...
Мир полный любви и участия,
Казалось, нельзя нарушить.*

*Я думала, всё успею,
И жизнь впереди прекрасна,
Что всё смогу и сумею,
Ведь жизнь дана не напрасно.*

*Всё очень не просто в Море,
Я это потом узнала...
Что двое в одной квартире —
Это и много, и мало...*

Навязчивый сон

*Внезапно падаю, но поднимаюсь,
Иду навстречу ветру и опять
Бегу, лечу всё выше, задыхаюсь...
И вновь лечу! Как хорошо летать!*

*И в этот миг захлестывают чувства,
Парю свободно я над суетой...
Как образы высокого искусства,
Встают картины где-то подо мной.*

*Зачем мне снится это год от года:
Полёт, свобода, чувств водоворот?...
В душе бунтует, видно, та природа,
Которая внутри меня живёт.*

Осенью

*В лесу хозяйничала осень.
Лишь ель, как прежде, зелена.
Вдруг ветер лист с берёзы сбросил,
Зажглись на елях ордена!
Как витязи стояли ели:
в шеломах острых, в орденах!
А по небу на юг летели,
Теряясь в низких облаках,
Прощаясь с нами, птички стаи:
«Пора, пора, нам не до сна... —
И, словно шорох, — Улетаем...
Вернёмся, как придёт весна».*

г. Феодосия.

Людмила ТАНКОВА

Член Союза журналистов России. Людмила Александровна ТАНКОВА родилась в 1950 году в селе Сохорево Алтайского края. Литературным творчеством занимается со школьных лет. Первыми книжками для неё были «Русские народные сказки». Сочетание правды жизни и волшебства всегда привлекали Людмилу Танкову. Большая часть её сказок и рассказов добры и поучительны. Их язык прост и доступен для ребят дошкольного и школьного возраста.

Сотрудничала с газетами «Кузнецкий рабочий», «Сельская правда», «Губернские ведомости» г. Новокузнецка, а также с газетами «Первое сентября» (г. Москва), «Сельская жизнь» (Алт. край) и газетами Хакасии, журналами «Кузбасская ярмарка» (г. Новокузнецк), «Уголь» (г. Москва).

Книга «Кипение крови» стала первым прозаическим сборником рассказов автора. Рассказы о Великой отечественной войне и повесть «Назови имя и путь свой» были опубликованы в журнале «Огни Кузбасса».

Л. А. Танкова выпустила несколько детских книг «Снежные лебеди», «Обиженный гребешок», «Солнечная девочка».

Её поэтические и прозаические произведения вошли в серию сборников кузбасских поэтов и писателей Прокопьевска, в литературные сборники, изданные в Новокузнецке.

Сказы старой крепости

На высокой горе над городом высилась Кузнецкая крепость. Её стены были сложены не из кирпича, а из обломков скал разных размеров. Насте всегда было интересно узнать, почему нельзя было сделать стены из простого кирпича, или больших и ровных блоков, как делают дома?

Папа пояснил, когда строили крепость, что города ещё не было, и вообще ничего не было, только речка, скалы и Топольники.

Настя закрывала глаза, но никак не могла представить как это: не было города, собора, красивых домов, школ, магазинов и машин.

Потрогав камни в стене, Настя обнаружила, что одни из них похожи на песок, только сильно спрессованный, другие слоистые, как пирог. Многие камни в стене были такими старыми, что легко крошились, нужно было только поковырять их палочкой.

Как-то в тёплый весенний день. Настя с мамой, папой и братом отправились на праздник в крепость. Папа сказал, что в этот день закончилась война, и весь народ будет петь и танцевать от радости, что больше войны не будет.

На главной крепостной площади было много народу. Люди смеялись, пели. Лотшники продавали всякие вкусности. Настя с папой поднялись на самый верх стены, чтобы посмотреть на город.

— Зачем такая толстая стена? — воскликнула девочка. — По ней древние на машинах ездили?

— В то время машин ещё не придумали. — засмеялся папа. — Крепость нужна была для защиты жителей от врагов. И стены толстые делали, чтобы их никто не мог разрушить.

Настя потрогала камни стены и поняла, что здесь наверху они не рассыпаются, даже если их поковырять.

— Здесь камни в стене не такие, как внизу, — удивилась девочка.

— Конечно, — кивнул головой папа, — крепость была долгое время заброшенной. Потом решили её восстановить, привезли новые камни и достроили стены, восстановили въездные ворота и казармы. Нижним камням уже по четыреста лет, потому они и разрушаются, а верхние только ещё положили.

— Значит, нижние камни много всего видели, — задумчиво сказала Настя, — даже то, как не было города?

— Если бы камни могли рассказывать, — сказал папа, — знаешь, сколько бы интересного мы узнали?

С высоты стены были видны крыши домов, золотыми куполами сверкал Пре-

ображенский собор. По железной дороге двигалась электричка. Топольники уже одевались листьями и из серо-черных становились ярко зелёными, за Топольниками широкой лентой протекала медленная Томь. От дождей и растаявших снегов, речка разлилась и стала ещё шире.

— Видишь, вон там в нашу Томь вливается ещё одна речка — Кондома, — показал папа вдаль.

Настя кивнула головой, она увидела, как к широкой ленте Томи подбирается ещё одна маленькая ленточка воды. Между ними кусочек земли похожий на клюв воробья.

— Между этими двумя речками древние казаки построили первую крепость, — сказал папа, — только она была деревянной. Весной речки затопили её, и казакам пришлось перебраться на эту гору.

Настя вспомнила, как они семьёй ходили смотреть наводнение. Мутные страшные волны неслись на мост с такой силой, что казалось вот-вот несёт его. Но реке плыли доски, брёвна...

— Страшно было казакам, наверное, — покачала девочка головой.

— Они были смелыми, — ответил папа.

Долго ещё Настя с папой стояли на крепостной стене, смотрели на город, реку и Топольники, потом веселились на площади. Уставшая девочка прислонилась к стене и, вдруг, услышала скрипучее ворчание. Она огляделась, но вокруг никого не было. Ворчание и скрип повторились.

— Ходят тут, ходят, — скрипел голос, —

отдохнуть нет возможности. Раскричались, как галки.

— Зато, как весело, — засмеялся другой голос.

Насте показалось, что от смеха в голосе песок пересыпается.

— Кто здесь? — испуганно спросила она.

— Кто здесь? — проворчал первый голос. — Кто это нас подслушивает?

— Не бойся девочка, — прозвучал второй голос, — мы камни крепостной стены. Только не понимаем, как ты смогла нас услышать.

— Разве камни говорить умеют? — удивилась Настя.

— Разговаривать умеют все и всё, — прошептал второй голос, — только не всем дано слышать нас. Люди ушли от природы, закрылись в домах и разучились видеть, и слышать всё, кроме людской речи и рёва машин.

— Молчи несчастный, — прокричал первый голос, — набегут слушатели и начнут ковырять нас, чтобы понять, как это мы разговариваем, где тут спрятали инопланетные свои приборы.

— Не бойтесь, я никому про вас не расскажу, — сказала Настя.

— Почему же, — хмыкнул второй голос, — маме с папой и брату можно всё рассказывать.

— Честное слово? — удивилась девочка.

— Ладно, пусть кому хочет говорит, — схибно прохотал первый, — подумают, что она сумасшедшая.

— Я в этом году пойду в школу в первый класс. Меня зовут Настя, а как вас зовут? — спросила девочка.

— Как-то имён нам никто не придумал, — прошептал второй, — но все называют меня и моих братьев Песчанником.

— Я тебя знаю, ты похож на сильно угонтанный песок, — захлопала в ладони Настя. — Можно я тебя буду называть Песчанником?

— Хорошо звучит, будто песчинки ветер пересевивает, как в мой молодости, — грустно произнёс Песчанник.

— Ты ещё детство вспомни, — заскрипел другой камень.

— Вот этого ворчуна люди называют

Алевролитом, он состоит из спрессованной глины.

— Можно я его называть буду Аликом, — спросила Настя, — у нас во дворе живёт такой мальчик.

Подошла мама и спросила:

— Доченька, с кем это ты разговариваешь?

— С крепостью.

— Ох, и фантазёрка ты у меня, — засмеялась мама. — Пойдём с нами на концерт.

— Можно я здесь посижу, — попросила девочка, — здесь меня видно вам и музыка не так грохочет.

Мама поспешила к сцене.

— Я говорил, что девчонке не поверят, — радовался скрипучий Алик.

— Скажите, а вы точно помните, как здесь всё было, когда ещё города не было, а казаки строили крепость?

— Конечно, — отозвался Песчик. — Мы в то время были обрывистым берегом

реки. Посередине реки стоял большой остров, на котором росли чёрные тополя. По утрам над рекой поднимались густые туманы, и тогда казалось, что тополя плывут в небе.

— Ты всегда был ненормальным, — прокричал Алик, — потому что залегал выше моего слоя. Всё тебе было чудным. Не выбрался бы из-под осыпи, так и лежали бы на месте.

— Как бы я хотела, хоть глазком посмотреть на тополя в небе — вздохнула Настя.

— Ты нам понравилась, — сказал Песчик, — закрой глаза и смотри.

Настя закрыла глаза и, вдруг, очутилась на высокой горе покрытой мелким кустарником. Насколько хватало глаз, пространство под горой было заполнено белым туманом. А поверх этой белизны плыли чуть зеленеющие макушки тополей.

Туман стал рассеиваться, открывая гла-

зам широченную реку с большим островом посередине. Берега реки заросли ивняком. Ближе к горе белели стволы берёзок. И нигде не было видно ни одной крыши дома... Стало странно, и Настя открыла глаза. Ей показалось, что камень в стене улыбнулся.

— Понравилось?

— Там не было людей, и река такая громадная!

— Конечно. Тополяники были островом в реке. По реке могли ходить пароходы, потом часть реки затянуло илом, часть засыпали люди. Там, где сегодня ходят электрички, в те годы текла вода. А людей ты не увидела, потому что их было очень мало в этих местах.

— Так было всегда?

— Нет. Всё изменяется, даже камни.

— Вы мне расскажите о временах, когда здесь появились первые люди?

— Конечно, если тебе интересно.

— Твоих денег, только на твоё пиво и хватает, — снова раздалось слова.

Это говорил сын. Кулаки его сжались ещё сильнее.

— Ты как с отцом разговариваешь, щенок!? Я ночи не сплю, всё о нашем воспитании думаю...

— Ага, не спишь! — хохотнула дочь. — От твоего храпа фонари на улице гаснут.

Хозяин семейства врезал по столу кулаком, в бешенстве рванулся с места, но не рассчитав траекторию движения, а потому, зацепившись ногой за ножку стола, позорно рухнул наземь, стянув на себя скатерть с тарелками, стаканами, лапшой... Гнев переполнил тонкую душу Ивана Ивановича, он выполз из-под скатерти, стряхнул с себя посуду...

— Ах, я вас не кормлю? Так кормитесь сами, — взревел он, стряхивая с себя длинные полоски домашней лапши.

Накинув на себя первую попавшуюся куртку, мужик схватил рабочий портфель и выскочил на улицу. «Домой не вернусь, — мстительно подумал он, — пусть покрутятся без меня. На коленях приползут, а я может, ещё и не прошу».

Через пять минут бега рысцой, ноги стали замедлять своё движение, тело начало существенно подмерзать, в голове сверкнула мысль: «Куда эт я бегу-то?»

Словно вкопанный, остановился Иван Иванович и тут обнаружил, что одет как-то не по сезону, а на улице не Петровка, и совсем не ранняя осень. Ветровка, предназначенная для прохладного, а не холодного времени года, встала колом и оскорблённо шинела при каждом движении. Хорошо, что ботинки надел зимние. Да-а-а, и перчатки бы сейчас не помешали... Эх, надо было вначале перекусить поплотнее, а потом обижаться. И чего сегодня пустился в размышления о смысле жизни, можно было подождать немного...

Растерянность длилась секунды.

— Наши сегодня едут на природу. Рванука я с ними. Экипировку обещали и покорить не откажутся. А там и моих совесть замучает, прибегут просить прощения.

Мелкой рысцой, стараясь не шевелить руками, Иван Иванович направился к месту сбора отъезжающих на отдых. Радости большой не испытали ошарашенные коллеги, но кое-как приодели.

...И вот сытый, в спортивном костюме идёт Иван Иванович по лыжне. Лыжи легко скользят по декабрьскому снегу, только успевай переставлять ноги. Но короткие ноги не всегда успевают за скольжением, а потому являются причиной позорного падения. Чертыхаясь, выбирается прекрасный брошенный всеми мужчиной из очередного сугроба. Кое-как устраивает ботинки на лыжинах, закрывает замки и поднимает голову. Вокруг растилается сияющее поле чистого снега. Кое-где видны щёточки прошлогоднего

Насте от дяди Толи

— Я желаю тебе счастья! — Как-то папа сказал Насте.

— Пап, а кто же это знает?

Папа Настя отвечает:

— Счастье, доча, многогранно!.. Это папа сказал странно.

— Счастье — когда есть и много, Когда ровная дорога, Когда мама с папой близко, Когда солнышко не низко. По бывает и немножко, Счастьем может быть и крошка Для воробышка, синички И другой голодной птички!

— Поняла, — смеётся Настя, — Ты со мной, и это счастье!

Обида на лыжах

Ну, не везло Ивану Ивановичу в жизни! И красавец, и интеллигент по душе, и эрудированный по полной программе нормальной поселковой семилетки. Мужчина на загляденье и на зависть. А вот не везло ему и всё тут.

Хорош мужик со всех сторон. Вот это обществу и не нравилось. Завидовали. Завидовали за всё. Говорили, что нрав-то у Ивана Ивановича, как у норовистой лошади. Мужчину и сам о нём догадывался, но не признавался даже себе. Так и жил кругом правый. Сторонние люди его сторонились и не связывались. Плюнут и разотрут в ответ на его илсвок.

Но собственная семья выбивала из колеи. Пока детишки были маленькие, у жены времени не было совсем, потому она молча слушала по вечерам, ну и в выходные дни поучения Ивана Ивановича о смысле жизни, о методах и приёмах нравного воспитания молодого поколения. Размышлял глава семейства и на другие не менее важные для человечества темы, всегда оговаривая, что если бы ему ещё маленько грамотёшки, так он бы стал директором завода или магазина. Ну, вот тогда-то он и показал бы работникам, где раки зимуют.

Жена Ивану Ивановичу попала не благодарная. Вместо того, чтобы плакать от счастья, что такой умница муж у неё, сидеть весь вечер с открытым ртом и слушать... слушать... Варвара (вот дали же родители имя бабе, могли бы и с мужем посоветоваться) во время беседы всё время бегала по кухне. Благо кухня маленькая, и Иван Иванович мог постоянно держать объект супруги в поле зрения.

Со временем он привык к её беготне и уже совсем свободно, не сбиваясь с мысли, мог возмущаться по поводу неправомерного распределения премии на работе.

— Да мне двойную премию платить должны, — переходя на крик, стучал кулаком по столу Иван Иванович, при этом его передний трудовой мозоль подпрыгивал вместе с хозяином, поддевая в полёте крышку стола.

Предметы на столе,двигающиеся от воздействия паранормальной энергии расхолодившегося хозяина, понемногу перемещались из центра на периферию и, наверное, свергались бы в бездну бытия, но их ловко подхватывала жена и возвращала на законные места.

— За что же двойную-то? — тихо вопрошала Варвара, домыкая посуду, — все работаете одинаково.

— За то, что я, Иван Иванович! — орал хозяин, — Я на работу пришёл, так пусть обеспечат мне двойной тариф и премию. Возмущение на непонятливую Варвару (варвар она и есть варвар) переполня-

ло большое естество главы семейства. Его лысина мгновенно потела от негодования. Вырвавшись из тесной кухоньки, Иван Иванович начинал метаться по двухкомнатной хрущёбе, постоянно натыкаясь на диваны, стулья, кровати...

На бегу, он учил бестолковую жену умному. Просвещал на тему о собственной бесценности. Внушал, что другая женщина его бы на руках носила, и за-была бы говорить глупости, а день и ночь только бы и делала, что слушала.

Немного отдышавшись, отец семейства шёл общаться с детьми, дабы внушить им беззаветную любовь к родителю.

Чем старше становились дети, тем сложнее с ними вести беседы. Молодые быстрые на язык. Особенно старшая дочь. Могла же уродиться в мать. Ей бы ещё отчество дать — Варваровна, и всё было бы в порядке. Тихой сапой, но гнёт своё. А подросла, так и вовсе в рот палец не кладёт, откусит по самые гланды.

— Вам, пананя, не мешало бы вместо пустых разговоров, книжку почитать. Образовываться никогда не поздно.

И это родителю, который не спит, не ест, а о судьбе своих детей печётся.

Вот как-то в один из таких вечеров семейного общения, прямо перед наступлением Нового года Иван Иванович, как всегда увлечённо размышлял о всеобъемлющей его любви к благодарным ближним. Он уже подошёл к благоприятному моменту, когда вскричал: «Я вас кормлю и пою, а вы правду слушать не хотите», — надо было от всей души хрястнуть по столу рукой и разразиться тирадой о всеценности золотого человека, хозяина их жизни. Рука уже начала взмывать в нужный апогей, легкие набрали необходимое количество воздуха, слова давно столпились в лужёной глотке хозяина и так и щекотали, так и щекотали, потому что просились наружу...

— Ну, предположим, не очень-то ты нас кормишь, — словно кувалдой по листу железа, вдарили слова по ушам.

Иван Иванович не сразу даже понял, что произошло. Непроизвольно дёрнувшись, мужик подавился словами. При этом воздух рванулся из легких, словно пуля из ствола ружья, перемешивая и вынося звуки.

— Ы-гы-х-хы, — прохлюпал отец семейства и обозрил сидевших за столом.

Дочь переросток, подперев рукой щеку, насмешливо смотрела на отца. Сын (Ого! Крупный однако!) сидел напротив, смотрел как-то исподлобья, руки... нет, кулачищи сжаты до посинения. В обзорные глаз попала их мать, тьфу ты, жена.

Сложив руки на животе, она стояла, словно памятник, за спинами отпрысков.

тысячелистника. Крохотные семечки берёзы уже прижались к белому покрову зимы. Здесь они будут полжидать весну, чтобы прорасти, если повезёт. Вспомнилась бабушка. Однажды она принесла домой горсть снега с семечками берёзы, показала их внуку и сказала, что они похожи на птиц.

Присев, Иван Иванович стал рассматривать берёзовые семена. Они и вправду были похожи на маленьких птиц: вот два крылышка, а тут головёнка. «Ты погляди-ка, птичка! — подумал мужик. — Зачем сюда было прилетать? Летела бы подальше, мир бы посмотрела. А то сейчас валяешься под ногами никому не нужная».

Стало жалко себя. Он, как эта птичка, только что валялся в снегу, всеми забытый. Никто не удосужился поинтересоваться, как он тут. Унеслись по лыжне, а ты тут валяешься в сугробе, замерзай один.

Мужчина оглянулся и, вздохнув, стал разворачивать неуклюжие деревянные носы. Лыжины наступили одна на другую, и Иван Иванович всей массой снова рухнул в сугроб. Взлетевшие клубы снега с удовольствием облепили лицо и тут же принялись таять, стекая холодными ручейками за шиворот.

«Ну и семья мне досталась, — стонал Иван Иванович, поднимаясь на четвереньки и снова падая, потому что лыжины не хотели быть параллельными, а всё норовили встать крестиком, — выгнали отца из дома, выкинули как не нужного котёнка. Загнали в лес, замерзай, отец!»

В этот момент лыжины встали так, как положено и резво покатались под горку. Размахивая руками, горе спортсмен не знал, что делать. Он уже лет двести не катался на лыжах:

Мысли разлетелись из головы, осталась только одна: «Как затормозить?». А катил наш герой прямо на лыжную базу. Деревянное крыльцо приближалось слишком быстро...

Спас от абсолютного крушения снеговик с лихо надетым красным пластмассовым ведром. Большой, толстый, рот до ушей, он принял в свои объятия обиженного на весь мир человека, набив холод за шиворот и в рукава.

Встав на четвереньки, Иван Иванович не мог понять: почему он ничего не видит?

Потрогал голову и обнаружил на ней пластмассовое ведро...

Лыжи мирно лежали неподалеку, они словно ждали, что их сейчас наденут. Палки лыжные красовались на вершине горки, а куски снеговика, разнесённого вдребезги, рассыпались до самого крыльца белёного домика базы.

Захотелось домой, в тепло, на маленькую кухонку, по которой туда-сюда бегает жена.

Чернобород

В далёком городе жили-были Иван и Василий. В одну школу ходили, да выросли разными. Мать и отец с малолетства Ивана к труду приучали. Едут на дачу, сына с собой берут. Ваня то матери помогает поливать грядки, то отцу — строить.

Родители Василий только головой качали, да корили Ивановых родителей.

— Разве можно так над ребёнком издеваться: с утра до позднего вечера работать заставляют. Мы любим своего сыночка: работой не нагружаем, пусть у него будет детство счастливым.

Ваня просыпался чуть свет, и с отцом за дело брался. Вася спал до полудня, потом ещё полдня потягивался. Мать его оденет, обуёт, отец конфетами угощает. Подойдёт вечер, Вася за компьютер садится. Тут уж он герой! Воюет в танковой игре весь вечер и всю ночь. К утру сердился, что проиграл, на мать кричит, на отца ногами топает. Голова у него болит, глаза красные — так спать и ложится.

Так и росли Ваня и Вася. Ваня высокий, загорелый, во всяком деле дока. Вася бледный, ворчливый и ленивый.

Надо же было случиться беде!

Налетел жестокий вихрь на ребят, подхватил и разнёс по белу свету. Упал на землю Вася, больно ушибся, заплакал, закапризничал. Да только ни матери, ни отца рядом не оказалось. Осмотрелся: а перед ним изба стоит. К избе старушка идёт, полное блюдо ягоды несёт. Захотелось Васе есть, кинулся он к старушке, хотел выхватить блюдо. Но не тут то было: старушка ловко его обошла, будто и не заметила вовсе, только усмехнулась.

Она в избу, Вася за ней. Сердится, что ягоды ему не дали.

Видит Вася, в избе за широким столом сидит хозяин — Чернобород (самый сильный колдун). Брови хмурит, губы поджал, а перед ним еды наставлено на сто человек, да одно блюдо вкуснее другого. Оттолкнул Вася старушонку и за стол садится, рядом с Чернобородом. Подвинул к себе курицу жареную. Только хотел оторвать себе кусок побольше, а блюдо от него само отодвинулось.

Глянул на него Чернобород так, что у Васи ноги затряслись.

— Кто таков? — рыкнул хозяин.

— Василий Петрович, — отвечает сердито Вася, — а ты кто? Зачем меня к себе притащил, от отца с матерью оторвал.

— Я Чернобород, хозяин здешних мест, — помохovel от Васиного нахальства колдун. — Такие как ты, невежды, мне и даром не нужны, чтобы сюда вас приносить.

— Меньше разговаривай, — повысил голос Вася, — дай лучше поесть.

— Чтобы поесть, надо заработать. Что же ты умеешь делать?

— Я грамотный, — выгнул грудь колесом Вася, — в гимназии учусь!

— А делать то, что умеешь? — поморщился Чернобород.

— Выучусь, директором буду!

— Директор-оро-ом... — усмехнулся хозяин, — отправляйся-ка ты на дальнее пастбище, сосчитай моих овец, тогда и о еде поговорим.

Махнул рукой, и очутился Вася на широком лугу. Под берёзкой стоит шалаш, а по бережку реки пасётся отара овец: шесть на них шелковистая, белая, из волны в волну переливается.

Стал Вася овец считать: «Один, два, три... двадцать..., пятьдесят три... восемьдесят семь...» Разморило паренька на солнце, в глазах от овец рябит.

«Тут их тьма-тьмушая, — подумал Вася, — всех не сосчитаешь». Забрался в шалаш да и проспал до самого вечера. Приезжает Чернобород на вечерней зорьке.

— Сколько овец насчитал? — спрашивает он счетовода.

— Три тысячи сто восемьдесят семь, — не мигнув, соврал Вася.

— Посмотрим...

Хлопнул в ладоши, от отары отделились восемьдесят семь овец.

— Не густо, — покачал головой колдун.

— По работе и еде.

Глянул Вася, а под берёзкой стоит кружка воды, да кусок чёрного хлеба лежит.

На следующий день пошёл Вася снова овец считать. До обеда считал, потом разленился. «На обед я себе насчитал», — подумал он и забрался в шалаш.

Вечером перед Васей снова стояла кружка воды и лежал ломоть чёрного хлеба.

— Слушай, Чернобород, — рассердился Вася, — что это ты меня голодом моришь? А если я от тебя сбегу, кто твоих овец считать будет?

— У меня все работники получают плату по работе, а тебя я никогда не держал?

Посидел Вася в шалашике, посидел и решил уйти от Черноборода. Встал и пошёл, куда глаза глядят. Идёт, идёт, а тут уж совсем темно стало. Забрался Вася под елку и кое-как уснул. Утром поднялся: в голове стучит, в животе урчит.

«У Черноборода я хоть на хлеб, да зарабатывать», — печалился Вася, — а сейчас, где еду взять? Надо возвращаться».

Глянул Вася, куда идти? Дороги не помнит. Поплутал он день, а вечером к дереву привалился. Совсем духом упал. Слышит по лесу кто-то идёт, песенки поёт.

Вышел на полянку Ваня сосед, увидел Васю, обрадовался. Да и Вася был рад без памяти. Двое не один, глядишь, вдвоём то дорогу домой найдут.

Ваня костерок разжёт, из котомки вынул котелок, за водой сходил на речку, по дороге грибов набрал, похлёбку варит.

— Сходи, — просит он Васю, — за чаем.

— Ты в своём уме, — сердится тот, — где же я тебе в лесу чаю найду, здесь магазинов нет.

Пояснил Ваня, что в лесу есть такие растения, которые могут заменить тот чай, что в магазинах продают, показал ему смородину, малину, бруснику.

Кое-как поужинали ребята, да спать улеглись, а утром в путь-дорогу отправились. Идут по лесу, Иван показывает соседу грибы да ягоды, о растениях рассказывает. Научил пести на зайцев ставить.

Голод не тётка, пирожка не даст, потому Вася и учится уму-разуму. Научился костёр разводить, похлёбку варить, по лесу ходить, да видно не всё запомнил.

Как-то утром встал Вася пораньше, костерок развёл, котелок с водой на него поставил, а сам за грибами пошёл, чтобы похлёбку сварить. Хотелось ему перед Ваней погордиться, что он сам всё может делать.

Видит на поляне грибов тьма, один к одному: шляпка красная, а по ней белые точки разбросаны. Вася набрал их, идёт обратно. Видит куст стоит, ягодой усыпан. Ягодка красная, насквозь утренним солнцем просвечивает; сладкая на вкус. Собирает парень ягоды в лопушок, да не забывает в рот сунуть.

— Посмотри, Ваньша, — хвастается Василий, — сколько я грибов и ягод набрал, сейчас похлёбку варить будем.

Покачал головой Иван.

— Эти грибы и ягоды ядовитые, их есть нельзя, умереть можно.

Напугался Вася, заплакал:

— Что же мне делать, я же посл ягод, они такие вкусные.

Только успел сказать, как повалился на землю без памяти.

...Было же работы Ивану, пока он вылечил спутника своего: желудок промыл, отвары варил из лекарственных трав и спас глупого и горделивого соседа от смерти неминуемой.

Очнулся бедолага и слабым голосом спрашивает приятеля:

— Откуда же ты всё это знаешь?

— Мать с отцом научили, когда с собой в лес брали, травы чудесные показывали, о грибах и ягодах рассказывали, вот я и запомнил, — отвечает Ваня.

Немного поправился Василий, и двинулись снова ребята искать дорогу домой. И вышли они на большой луг, где населись несметные отары овец.

— Пастбище колдуна Черноборода, — испуганно воскликнул Вася, — он нас со света сживёт, с голоду заморит. Пойдём обратно...

— От добра — худого не бывает, — говорит Ваня, — пойдём к Чернобороду. Может он нам дорогу домой подскажет, не всё же по лесу блуждать.

Прихолят они к дому колдуна, а подвору старушка два ведра воды несёт, перетгулась вся от тяжести.

— Здравствуй, бабушка, — говорит Ваня, — давай помогу воду нести...

И берёт из рук старушки ведро, а второе Василий подхватывает и про себя думает: «И впрямь, где же такой старой тяжести таскать?»

Старушонка в дом заходит, показывает, куда ведра поставить.

За столом сидит хозяин, пьёт чай с липовым мёдом. Нахмурил брови.

— Здравствуй, Чернобород, — говорит Иван, — позволь у тебя отдохнуть, а то мы заблудились, куда идти не знаем.

Хотел Василий к столу пройти, но видит, что приятель у порога стоит, с места не двигается. Тоже встал, с ноги на ногу переминается, не знает, что делать.

— Оставайтесь, — кивает головой Чернобород, — только твой товарищ сильно провинился: бросил отару без догляду. Волки часть овец угнали. Его я накажу сильно, а ты дальше иди.

— А если мы найдём твоих овец? — спрашивает Иван.

— Тогда и видно будет, — отвернулся колдун от гостей незваных, но приказал старушке накормить парней.

Утром ни свет, ни заря собираются ребята на поиски овец. Все лопатки обошли, все лесочки обыскали, но нигде даже косточек не нашли. Пригорюнились Василий, сел на пригорочке да и говорит другу:

— Иди домой, Ваня, я бедолагу наделал, мне и раслачиваться.

— Не могу я тебя оставить, — говорит Иван, — ты мне как брат стал. Пойдём ещё за тем дальним холмом поищем. Если косточек не нашли, значит живы овечки, просто отбились и заблудились.

Поднялись к дальнему холму, а там, в кустах колючей караганы запутались овечки, уж из сил выбились, а выбраться не могут. Распутали ребята животных и отогнали их к отаре, а сами отправились к дому колдуна. Далеко уж ушли, оглянувшись на отару Василий и обмер: крадутся к овцам из-под горки волки.

Схватил Василий дубину побольше и кинулся волков отгонять. На помощь ему Иван поспеет.

Только волки не из пугливых оказались. Скалят зубы и наступают. Вожак изловчился, впился в ногу, да и другие кинулись на упавшего парня. Вот-вот зарыжут. У Василия от вида жутких волчьих клыков ноги подкосились, челюсти затряслись, только бояться было некогда.

Подхватил дубину, да по голове вожаку врезал, потом давай молотить волков. Очнулся: болит прокошенная рука, саднит рана на спине, недалеко два мёртвых волка. Иван рядом лежит, чуть дышит, сильно порвали его клыкастые.

Загнал Василий овец в загон. Голова

кружится, ноги, как илети. Но подхватил друга на плечо и пошёл к дому колдуна, где шагом, где ползком...

— Только бы успеть живого донести, — думает Василий, — только бы донести... только бы Чернобород дома оказался...

А Ваня уж стонет тише и дышит реже...

Показался из-за пригорка дом колдуна. Бежит Василий из последних сил, ноги заплетаются. Упав бояться, ведь если упадёт, то подняться сил не будет. В это время колдун на крыльцо вышел, наворожить дождь на поля. Положил Василий друга на крыльцо и хрипит от натуги:

— Волки Ивана порвали... вылечи... я знаю, что ты можешь вылечить... Вылечи, я тебе за это всю жизнь служить буду...

Поднял Чернобород Ивана на руки и в дом пошёл, а Василий от усталости и боли упал как подкошенный.

Рано утром просыпается Василий и ничего не поймёт: лежит он в доме на постели, у стола старушка суетится, ему улыбается.

— Вставай, касатик, — говорит старушонка, — я тебе завтрак приготовила.

Чувствует Вася, что не болит у него рука, хоть и забинтована, и спина в полном порядке, вскочил, быстро умылся, к столу сел и осёкся...

— Бабушка, что с Иваном? Он жив? — спрашивает у старушки.

— Слава Богу, живой, — улыбается бабушка и показывает на соседнюю комнату, — успел ты его принести, ещё бы немного, и помочь ему никто бы не смог.

Бросился Василий в горницу, а там лежит на кровати Иван, ни кровинки в лице, но живой и дышит ровно.

— Рад за друга? — послышался сзади грубый голос.

Это Чернобород вошёл вслед за ним. Стоит и так по-доброму улыбается, что отлегло у Василия на душе: значит, будет Ваня жить.

— Спасибо, Чернобород, — говорит Василий, — я от слова не отказываюсь.

— Вот и хорошо, — кивнул головой колдун, — пойдём завтракать.

...Через неделю Иван поправился, да и у Василия раны затянулись, будто ничего и не было. Засобирались Ваня домой, зовёт друга:

— В гостях хорошо, да надо и домой путь искать.

— Ты, Ваня, иди, — потупил глаза Василий, — а я тут побуду, помочь надо бабушке с хозяйством.

— Не хочешь домой? — удивился Ваня.

— Не хочу, — отвечает друг, а у самого комок к горлу подступил.

Не смог уговорить его Иван. Собирается один. Обнялись ребята, попрощались. Тут Чернобород на крыльцо вышел.

— Спасибо, добрый хозяин, за помощь, — говорит Иван. — Пора мне в путь-дорогу.

— Что же ты один уходишь? — спрашивает колдун. — Почему друга оставляешь?

— Звал я его с собой, не идёт.

Глянул колдун на Васю, усмехнулся.

— Совсем домой не хочется, Вася, у меня сытнее?

— Мог бы уйти, — повесил голову Василий, — на крыльях бы улетел, да не могу. Слово дал.

— Не горюй парень, — смеётся Чернобород, — я твоего слова не слышал. А вот перед вами я в долгу, волки половину стада бы перерезали. Собирайся Василий домой, а за мной не станется...

Махнул рукой колдун, закрутился смерч и понёс ребят, да опустил аккуратненько на родной улице. Оказалось, что и прошло то всего несколько часов, родители хватить сынов не успели.

С тех пор ребята стали неразлучными друзьями. Васины отец с матерью всё удивлялись трудолюбию и мудрости сына. Только он им ничего не рассказывал, боялся, что не поймут.

г. Новокузнецк.

Николай Скударнов

Родился в городе Прокопьевске, при Сталине, в 1947г. Детство провёл в тайге, в леспромхозе. Потом – Новокузнецк, трудился на ЗСМК. По профессии металлург. Пять литературных лет посвятил Кубани. Движение – жизнь! Медленное движение – долгая жизнь! Литературная жизнь – горькая жизнь! Никак не поймёшь, где поставить ударение – писать или писать...

О берёзах не пишет ленивый

Учителю

О, мой учитель, русских знаний,
Моей поэтике урок,
Твоих не выполнил заданий...
Не высечь мне достойных строк.

Пишу — себя лишь позабавить,
И в начертании пером,
Мне может всё-таки оставить
И отступить в стихе втором.

Но гордый тот, кто независим,
И новый день не возлюбя,
На почту шлёт до пачки писем,
Но нет любви в них для тебя.

А всё тому твоя наука, —
Под пятилетний юбилей,
Ты словно нянчишь годы внука.
А я, — балбес в семье твоей.

Лишь тот, великого достоин,
Кто видит е — читает ё...
Оставь меня! Учитель — воин!
И не тупи своё копьё.

Строчка любви

Выпорхнула птицею из рук,
Многоточьем пала на страницу.
Ты, любимый, смотришь на подруг,
А твердил, что я твоя царица!

Слушала, как сойка на возу,
Путь до свадьбы был ещё далёким.
Ты повержен, покоряясь злу,
В обвиненье пишешь эти строки.

Будто ты хотел бы их стряхнуть,
Ветрено-корявые и злые...
Аромата детства не вернуть,
Взгляд любви увиденный впервые.

Слёз моих не помнишь на ветру?
Любит кто — бывает редко кротким,
Будто кости кинул на игру,
Жарким летом, выстрелом коротким.

Поспешил, а я ведь не жена, —
Не казню! Мне не дано иного,
Будет когда звёздной тишина
Полюблю не гордого — простого.

Осень

Распластала осень золотые крылья...
До свиданья осень! До свиданья!
Детский взгляд невольно на ковыль я
Уроно от сердца на прощанье.

Смоет дождь остаток летней пыли,
Небо хлёстким станет, никудышным,
Нет, не стоит плакать, что, мол, были...
Что живём, забытые Всевышним.

Вновь вернётся время золотое...
В лето бабье не бывает постылой,
Красить листья — дело не простое, —
Стать ещё, как минимум любимой.

Будут плыть раскидисто и ясно...
Оживут червонные станицы,
Ты прекрасна осень! — ты прекрасна!
И — всплакнут ревнивые ресницы.

Речные заводи

Ну, как дела, отшельник и рыбак?
Доволен ль ты, иль прост себе в угодую?
И снадобьем напичканный рюкзак,
Ты добродушно выплеснешь на воду.

Поймать немного, сытого сома,
Что чинно так «задумался» на травке.
Иль, как всегда, хозяйюшка сама,
Его прикупит в придорожной лавке.

На килограмм? — то небольшая честь,
Поймать не грех и выудить не сложно,
Подумай прежде, что там, в речке есть...
Кубань — язвлю, но очень осторожно.

И мая торжество, и в ночь дожди,
И виды незаконченной постели,
И спешно лифчик, сброшенный с груди,
И всё — на том, что, думая, сидели...

На берегу задумчивый рыбак,
Тиха волна, но гребни шаловливы.
Грохочет небо, безусловно, знак,
К чему пришли и отчего ушли вы...

Поэту Н. Рубцову

Как часто улицей ранимый,
Завистник, где блажил уста,
Он покидал свои равнины,
Свои обжитые места.
И по плечу костюм... при этом,
Не принят кликой был вельмож,
Что тенью шли за ним по свету,
Цедя сквозь зубы следом ложь.
Он воспротивился заветам,
Что мог поделаться с этим Бог?
Рубцова, дерзкого поэта,
Любил народ насколько мог.
Юнцом впитал с морской водою
Любовь, и злобу, и печаль.
И на один, порой, с бедою,
Хлестал родимую, как чай.

«Не лейте слёз, — душа кричала... —
Не поддавайтесь вы врагу!
Уже не жду, как ждал бывало,
Я вас на правды берегу».
Не понимал страну-старуху,
Не брал из рук её миндаль,
А лишь возьмёт хлебов краюху
И от себя умчитесь вдаль.

Нет, не почил он честь и славу,
Медов не знали те уста.
Кто больше мог любить Державу,
Страну, забывшую Христа?

СЕБЯ ЛЮБЯ

Он поэт! — другое отрицал...
Говорил: «Стезя моя от Бога!»
Дерзновенно грамотой бряцал,
Что в народ идёт его дорога.

Видно, что по службе преуспел,
Не бывала лёгкою преграда,
Стул — не кресло, он на нём сидел,
И входил вершинно, и с парадной.

Оседлал и запад, и восток.
Вот и Север — по оленям бродит,
И вливает бодрости глоток,
А глазами шарит по отродью.

После долгой встречи, трескотни,
В юрте тихой встретились по силе,
Под звездой доверчиво одни,
Про жизнь своё заголосили.

Выпили по вечеру и тут,
Стал поэт на рюмочку добрее...
«Эх, Москва! — обмолвился якут:
— Как и мы, не может без Хорея»...

Уходила звезда

Он в руках сжимал Победы знамя,
У врага пощады не просил.
Шёл он в бой, не ведая, не зная,
Что он Родину на подвиг возносил.

Он в руках сжимал древко лопаты,
Из войны в него вселился бес,
Триста хлеба грамм, да лук в оплату,
Облигаций сверху, на довес.

Он хотел уйти... — но не давали
Дети из войны, да в поле рожь,
Раны хлёстко душу бесновали,
Горе скорбью ставило под нож.

Волком — ночь, собака звёздам воет,
По ковру беснуется луна.
Отупели раны и не ноют,
Только стонет памятью война.

Шум в ночи, и кончились молитвы,
В дымку осень, в темень поезда,
Уходила, как в то утро битвы
Знамя удержавшая, звезда...

Берег крут

Кто это там, за селом,
В свете уставшей зари
Росы смахнул сапогом,
Звёздные в них фонари?

Берег суглинист и крут,
Благо — густая трава,
Берегом дружно идут...
Слышно родные слова.

Худ, недоволен, но жив,
Стойкие мамы сыны,
Долго поляной кружил
Ворон вчерашней войны

В кроне седых тополей,
Чёрный, нашедший приют...
Ждал: в окончании дней
Девушки песнь запоют.

Вот и вернулся!.. Один?
Слёзы негромки, сухи.
В сонме прохладных долин
Падают листья ольхи...

За водопадом

Срываясь в пропасть, сгорая
Кипел, шипел и выл,
Пещерный дух, горит свеча, —
Здесь явно кто-то был.
Зачем бродил в теснине скал,
Среди невинных душ,
Что неземное он искал,
Пройдя сквозь хладный душ?
А вход и узок, и высок,
И в камень мох вращал,

Давила мысль в стальной висок...
Он пред крестом предстал.
За ним пространство из миров,
Точит из трещин кровь,
Котёл, вода, вязанка дров, —
Без буквы В — любо...

Он словно падал в пенный гнев,
Туманный смрад кадил,
И чувство жуткое, — на дне...
— Куда он угодил?

Нашёл ли то, что так искал?
Что принял за основу?
И для чего не дописал
Божественное слово?

Веничек

Пам желанны дальние дороги,
И тропинок ветреных приют,
По душа, так бережно и строго
Мамин лишь приветил уют.

Оханье натруженных ступенек
Под ногами утренних гостей,
Дремлет где в углу озябший веник
В ожиданье ранних новостей,

Где его пугал дверной звонок.
Дикарём в репейном поле рос,
Не дозрел он до весенних почек,
В январе срезали, на мороз.

Вот теперь он любит и ревнует,
Привечает с дальнего пути,
Шелестит — как будто бы колдует,
Лучшего для службы не найти.

Свой! — узнал, и закрутил метелью,
Валенки и грудь мою метёт,
Он меня проводит до постели,
Но, а сам до утра не уснёт.

Символ Родины моей

О берёзах не пишет ленивый,
Вот и я, — на раздумье стою,
Белоснежной, с холодным отливом,
Вспоминаю деревню свою.

Как, откуда? — ещё при колхозе,
Кто без паспорта, кто при правах,
Мы присвоили символ берёзе...
И срубили её на дрова.

Дело было ещё по морозу,
Страшно, жутко в холодной избе,
Растерев рукавицу слёзы,
Я с мольбой обратился к тебе:

Ты прости меня, символ отчизны,
Замерзают братишки и мать,
Может, время ещё не до тризны...
От мороза ль ночами страдать?

Совершишь благородное дело...
Не без слёз на тебя мне смотреть,
Если чьё-то согреешь ты тело,
Перед тем как самой умереть.

Снова вырастишь стройной, берёза,
Снова сенью воспрянешь над ней,
Согревая в ночи от мороза...
Светлый образ России моей.

г. Краснодар.

Правки автора.

Владимир СПИРТУС

Я родился в Симферополе и прожил там большую часть жизни, теперь снова живу в Крыму, в Феодосии. Более четверти века связывает меня с Киевом. Работал после защиты диссертации с.н.с. в Институте геофизики Академии наук, являюсь свидетелем разрушения НАН Украины. С юности люблю литературу, особенно серебряного века. Понемногу писал сам, но не печатался.

Любимые поэты: Максимилиан Волошин, Осип Мандельштам, Арсений Тарковский, Мария Петровых. Первая публикация стихов – в моей книжке «Волошинские склоны», изданной в Киеве в 2013 году. В последние годы опубликованы подборки моих стихов и отдельные вещи в журналах, в альманахах, в Литературной газете №42 за 2016 год, в поэтической антологии Крыма «Екатерининская миля». В издательстве Ридеро в 2018 году вышла моя книга стихов «Букет осьмистрочников».

/Спиртус Владимир Борисович

Каскады светлых облаков

Рисует яблоко Сезанн

Рисует яблоко Сезанн
И винную бутылку.
Покастый край мутно-зелён
Будто придонный ил.

И время, как на дне реки
И на гребне горы,
Стоит, струится и течёт,
Замкнувшись изнутри.

Ай-Петри

Жёстких трав натянутый парус
Унесёт в изумлённые дали,
Где изломанных гор гряда
Словно конских круп мельканье.

Здесь, на яйле, дом недостроенный –
Среди лета случайный причал.
В этом доме смуглянка юная,
Как шиповник, цветет между скал...

Фиолент

Где белой галькой выложено дно:
За мысом Фиолент с водою бирюзовой,
Где время счастьем так хронически больно,

Как солнцем, камень
Под босой ступнею.
Где ноздреваты глыбы
Хищных птиц,

Продуто небо ветрами Эллады,
Ты скажешь отрешенно:
«Отступись. Я – не язычница.
Мне ничего не надо...».

Распахнутая дверь

В пыльце струящегося яблочного света
Твои плечо и лоб.
Ты открываешь дверь,
Босой ногой ступая за порог,
Как с парусника Магеллан на землю.

Уносит ввысь воздушными шарами
Обломки снов.
С древесным крепким скрипом
Распахнутая дверь
Теперь молчит.
Ирисы дышат сладко...

Волошинские склоны

Каскады светлых облаков,
И, будто, где-то флейты пенье
Над плавной линией холмов,
Растянутой, как сновиденье.

Заигран струями, рассыпан
Какой-то здесь глубинный смысл.
Рукописаний этих тихих
Источник ускользает ввысь.

Но много схвачено такого
– От запредельности даров –
Максимилиановой строкою
И акварельной тушью слов.

Серёжки с нотами софоры

Серёжки с нотами софоры
Колышет ветер поутру.
Морские чистые просторы
Аккорды первые берут.

Шопен, Рахманинов, Бетховен
То ля-бемоль, то фа-диез
Звучат в отрывках из мелодий
Под перламутра мерный плеск.

Феодосия

Богом данная, Феодосия!
Запылённая и неброская.
Вздохи моря, овраги, осыпи,
И над всем этим – звёзды острые.

Быстро-быстро
Они проносятся,
Сентябри твои, Феодосия!

Русский город.
Мусульманский базар.
Итальянские башни...

Солнце мёртвых

Море и горе
Легко так рифмуются.
Годы двадцатые –
Пыльные улицы.

На Карантине
Разрушены пристани.
Мёртвых здесь солнце
Сияет неистово.

Взгорья полынные,
Кровью залитые.
Море пустынное,
Вороны сытые...

Зимний Коктебель

Максимилиан,
Максимилиан –
Так плещут волны в Коктебеле,
Выкатываясь на берег
В лазурно-пепельную рань.

А дом Поэта спит, печален,
Уединенной мыслью жив,
Которую пустой залив
Додумывает в криках чаек.

Горные покровы

К. Богаевскому

Гнуты, перегнуты
Горные покровы.
В бежевых оттенках
Складки залегли,

Огненною лавой,
Сотканные Богом,
Из тугих материй
Вздыбленной земли.

Блещет пеной море,
Где-то быются волны,
Здесь же только кругом
Облака идут.

Медленно и блёкло,
Всё собой наполнив,
Выплывает солнце,
Курс держа на юг.

Айвазовскому

Тихо плывет по аллее
Детским корабликом осень.
Памятник доброму Гению
Высится в Феодосии.

Листья шуршат под ногами,
Муза чему-то внимает.
Грудное имя преемника
Маленький мальчик читает.

Нашего доброго Гения
Помнит и любит Армения,
Любит и знает Италия,
Et cetera ... (и так далее).

Чайки средних веков

И сохнут моря и сердца их.
А что остаётся на сохнувшем быстро песке?
Елена Шварц

Шуршащая галька,
Ребристые росчерки волн.
Бутылочный цвет
С добавлением немного маренго.

Апрельское море и холод,
И чаек кружащихся бред,
Из битвы в Лепанто
Сюда залетевших, наверно.

Пожалуй, не помнят они о турецких краях,
О профилях женских на улочках гордого Рима.
На мшистых камнях
У восточного берега Крыма

Приветствую стаю.
Я тоже здесь – репатриант...

Русское золото

Владимир и Ольга,
Кирилл и Мефодий,
Вы – светочи горние
В нашем народе.

И рядом Вы с теми,
Кто душу положит,
Кто лжи не приемлет,
Кто с Матерью Божьей.

Кому Достоевский
И Пушкин родные,
Кто жизни не мыслит
Без этой стихии,

Без слов золотых,
Без Днепра и без Волги.
Кирилл и Мефодий,
Владимир и Ольга...

Озябшие розы

Озябшие розы на клумбах
Подарит октябрь дождливый
Тебе – безрассудной и юной
И, кажется, даже счастливой.

Любил я когда-то тоже
Прогулки в осенних парках.
С такою как ты, несложно
И лужи считать подарком.

По нам уготована участь
Листвы, затопившей аллеи.
Чему-то нас годы учат,
Скорее всего – смирению...

Твёрдая основа

Никогда собой не любуйся,
Ничего себе не прощай,
Улыбайся в обидах и трудностях,
Только делай – не обещай!

Это мало, но это – фундамент,
На котором построишь дом,
Чтобы не был кривой, не падал
И стоял, как редут под огнем.

Если силы найдешь подвигнуть
Свою душу на дело то,
Понесешь ты земное иго,
Будет бремя твоё легко.

Как ведёт себя море

Нет, не в природе моря
Прятаться, долго злиться,
Быть всегда в глаженной форме
И соблюдать границы.

Море умеет плескаться,
Гневаться, веселиться,
С берегом тихо играть,
Пу, и конечно – сниться...

Лишь Моцарт

Пас размешало время, как чаинки
В стакане ограниченном миража,
И чередуются то свадьбы,
то поминки,
Вокруг воронки медленно кружа.

Да – это так,
но лишь на взгляд соседа рядом,
На взгляд не из-за кромки, не из-за
Светло-коричневого сумрачного сада,
Субстанции, полощущей глаза.

А выше – свет,
а выше – воздух чистый,
И нет круженья, только синева,
И нет границ
меж временем и жизнью,
Лишь Моцарт
и великие слова...

Крым.

Елена Острых

Начало моей литературной судьбе положило стихотворение, написанное в семь лет. С 14 лет я стала посещать литературную студию «Фесковские литераторы», при 27-й школе г. Новокузнецка. Руководила студией Любовь Алексеевна Никонова. Мои стихотворения впервые были опубликованы в альманахе «Здравствуй, мир!», сборнике православной поэзии «Прикосновение к вечности», сборнике творческих работ учеников и педагогов «Волшебные пёрышки».

Имею публикации в альманахе «Кузнецкая крепость», газете «Кузнецкий Камертон», ежегоднике «Перовестник» (г. Красноярск), литературно-художественном православном альманахе «Арина» (г. Нижний Новгород). Я автор поэтической книги «Кошка, окошко и любовь» (2013г.). Победитель всероссийского поэтического конкурса «Искренне, Мы», посвященного году литературы в России (2015г.).

Являюсь руководителем литературного объединения «ЛиТерра».

Я возвращаюсь к любимым местам

Небесные цветы

Я мысленно бегу к тому отрезку жизни, где нет ничего, кроме величественной тишины, созерцать, ощущать - неизбежность счастья. Я возвращаюсь к любимым местам детства, к реке, спешащей вдоль берегов. Мне, с обрыва, виден сложный далёкий путь, таинственное убранство. Рябь на поверхности и волны, образующие течение, небольшие островки тихой местности и кое-где витиеватые воронки. Весною воды несли тонкие ветки, брёвнышки, стволы небольших елей, берёз, опавшие прошедшей осенью листья. Тут и там река пенилась и качалась от переполнявшего её чувства обновления. За зиму устоявшись, она рвалась разлиться, заполнить пространство. К лету, несомненно, она войдёт в прежнюю колею, станет собранным.

Что скрывает таинственный покров реки? Откуда берёт начало её могучее движение? Что скрывается под покровом небесного купола? Неведомо, необъяснимо и от того — благоговейно и легко. Не хотелось заглядывать так далеко - в таинство природы. Не хотелось знать, хотелось верить и чувствовать неразрывную связь с миром, наполненным сверкающим, переливающимся, искрящим. Миром, манящим бегать босой по траве в дикий проливной дождь, купаться в речке, пока не посинеют губы, барахтаться в сугробах, покуда не промочишь варежки и не отморожишь нос. Нестись зимою по протоптанной дорожке вверх, в гору, а потом вниз, с горы, к ледяной проруби — ухаты в небольшую пройму, пытаюсь напугать рыб. Возвращаться в тёплый дом с осознанием весомого и непреложного, будто произошла значимая встреча и разговор, где тебя впервые никто не перебивал, тихо слушал и принимал всю тебя такой, какая есть. Пить горячий чай, когда-то бывший талым снегом, улыбаться морщинкам старенькой бабушки, прислушиваться к беседе взрослых, к тихому потрескиванию поленьев в печи. Вбирать всё — миг, час, день, год, вечность.

Я бегу мысленно к тем дням, воспоминания, разглядывая, как драгоценности, неповторимые события. Мне чудилось: река, небо, снег, дождь, лёд, прорубь - это я. И что-то было ещё, что-то едва уловимое, будто эфир. Оно разливалось всегда в речном движении, в дикой пляске дождя, в падающем снеге, в шорохе листьев. Оно будоражило, ослепляло, окрыляло, наполняло. Это необъяснимое небесное набухало, разрастаясь в сердце пышным благоухающим кустом чудного цветка: розы ли, акации. И стало неприлично без этого, и этого стало так необходимо. Казалось, куст никогда не завянет, не пропадёт, всегда будет. Цветы обрывали грубо, слепо злобными насмешками, ненужными интригами, неумением понять, завистью, не свойственностью любить. Другим же отдавала цветы

щедры, неустанно, целыми букетами, чтобы они смогли их взрастить в своём потаённом уголке, в своём саду. И вот остался голый куст. Он неизбежно пропадёт.

Я мысленно бегу к обрыву из последних сил. Стою и смотрю на реку. Какая она сейчас? Перед моим взором предстают разные ипостаси — летняя, осенняя, зимняя, ранней и поздней весной. Я обращаюсь взглядом к небу, к лесу, к каменистому берегу. Прошу ли я что-то? Я говорю: «Прости, небесные цветы, не смогла уберечь. Прости и помилуй».

Последний звёздный крестовый поход

«Опять какая-то хрень, - вздохнул Джаэнт. - Одно и то же». «Ты бы мог чинить новенькое предложить?» - поинтересовался Готама. «Много новенького. Только это никому не нужно...»

«Если тебе нужно, то, может быть, кто-нибудь ещё заинтересуется», - сказал, как отрезал, Готама.

Они сидели в корабле, патрулируя космические станции, листали программы на видеовизоре. В канун нового 3021 года обычно показывали Новогодние Огоньки с участием звёзд межгалактического масштаба. Им всё приелось: и акробатическое шоу представителей планеты осьминогов, и трубные голоса певцов — хоботных гуманоидов, и балетные па тонкошеюх аверинков. Аверинки, тем не менее, не стояли на месте, откопали в межгалактическом архиве музыку старинных композиторов и феерично выступили под неё в своём амбула, делая что-то на грани художественной гимнастики и балета. Ох, уж эти гимнастика и балет, сводят с ума! Лучшие представители мужского пола отдали свои сердца (да и не только) аверинкам. А те не будь против — всё работает на них, даже вновь придуманные, естественно, их влиятельными мужчинами звания и награды. Телепаты с планеты Эпсилон запустили щупальца в такие глубины подсознания, что держись: представляли правдоподобные картины покорения ныне не существующей планеты Шанта.

Джаэнт всмотрелся в экран. «Слушай, Готама, кажется у нас гости», - он приблизил картину пролетающей точки корабля, на диво, довольно старой конструкции. «Ну, что? - повернул змеиную шею Джаэнт, взглянул на второго пилота. - Будем вмешиваться?» «Похоже, не куда, старая конструкция. У них и мозговых датчиков, видимо, нет», - пробормотал Готама, как всегда в случае волнения, его лёгкий, гибкий хвост ходил ходуном, уши прижались к пушистой голове, образовав что-то вроде шлема, рога ничем не выдали волнения, впрочем, рога на то и рога — выглядят устрашающе в любой момент. «Что на такой случай го-

ворит инструкция?» - спросил Джаэнт. «Хм, только одно: полное уничтожение неопознанного космического объекта», - Готама ещё больше разволновался. «Понимаешь», - дополнил он, — это может быть завуалированная шпионская прога — корабль-призрак». «Встречалось мне про такие в старых земных легендах. Какой-то землянин снимал про них фильм, - констатировал Джаэнт, его вдруг ошарашило: - Слушай, а вдруг там гуманоиды? Убьём ведь всех!» «Не страшно. Мы на службе. У нас инструкция», - возразил Готама. «Приближаются, - испуганно прошептал Джаэнт и запросил помощника: - Макта...Предоставьте, пожалуйста, данные экипажа на...»

И тут в их сознании возникла картинка. Что-то странное и не знакомое настолько, что вызывало чувство ужаса, отторжения. Какие-то зеленые насаждения, странные приспособления на тонких, а кое-где и толстых ногах, щупальцах — не разобрать, с круглыми головами, колышущиеся от дыхания дикого зверя. Над всем этим стрекот, жужжание будто сотни, нет тысячи маленьких невидимых роботов-помощников. И осязание уловило незнакомые непреодолимые запахи то ли релакс-комнаты, то ли спяцентра. Они так и не поняли.

«Мы — земляне, Прошки, с окраины... — раздалось в кабине, - ...Последние из выживших. Сотни лет мы путешествуем в космическом пространстве. У нас на борту райский остров - фауна и флора планеты, сонм ангелов, святые, люди, выжившие после Великого Майдана. Мы ищем Бога Творца. Он дал нам свои координаты...» - далее шло перечисление каких-то цифр.

«Ё-моё! - воскликнул Джаэнт. - Это данные нашей базы!» «Да, ну?» - удивленно откликнулся Готама. «Блин, там Аравинд вечно играет в «Планету Земля!» «Так что, они не погибли?» «Похоже, они их спас» - Джаэнт заёрзал в кресле. «Кто?» - Готама опять прижал уши. «Да, Аравинд!»

Аравинда Брама встал из-за стола, размял конечности, прищурил маленькие глаза, повел носом-хоботом, потряс ушами лопухами и отзвонил своим ребятам: «Командир базы Аравинда Брама. Корабль принять на борт. Всех приезжих расформировать на три группы: ангелы, святые, люди. Указания: кто есть кто — ссылкой. Фауну и флору сбросить. Корабль оставить как реликвию»

«Что теперь будет?» - недоумевал Джаэнт. «АНАРХИЯ» - хохотнул Готама, кое-что он видел о Великом Майдане на Земле. «Этого ещё не хватало!» «Не дрейфь, повеселимся, - хохотнул Готама, потом добавил: — «Ты же хотел чего-то новенького?» «Да, но не Прошкин хаус!»

Человек непредсказуем

Тарзак умер в одно прекрасное декабрьское утро. Ясное и пронзительное, одно из тех, когда чувствуешь, как разливается благодать и спокойно, и остро, и хочется радоваться умиротворению. Убийца долгое время следил за ним, уверяя подходящий момент. Он намеревался разобраться раз и навсегда, поскольку знал, что Тарзак — вожак и, чего доброго, может сделать многое, это его не устраивало. Не останавливало его и то, что жертва носила напешную повязку, предупреждающую об ответственности. Человек лихо расправлялся с врагами порядка, он сам был покой и порядок, осознание этого наделяло его почти безграничной властью.

В то утро Тарзак, как обычно, вышел из дома рано. Сделал дела и поспешил навестить друзей — узнать, что нового. После побежал встречать девчонок из школы. Тут-то убийца его и выследил. Достал пистолет, взвёл курок, навёл прицел. Тарзак рванул, почуяв опасность. Мужчина чертыхнулся и кинулся за ним. У школы стояла тишина, уроки ещё не закончились, а вторая смена начиналась ближе к двум часам. Тарзак пересёк школьный забор, решил обмануть, затравившись где-нибудь в малых стрелках. Он помчался вокруг школы. Преследователь — за ним. Они бежали круг.

Тяжело, с надрывом прозвенел звонок. Мужчина встрепенулся, — сейчас или никогда. Скоро появятся оголтелые кричащие школьники, и тотчас вожак уйдёт. Зря тратить день совершенно не хотелось. Тарзак только и мог надеяться на суматошную вывалку детей. Стрелять при них мужчина, от которого идёт резкий одеколонный запах, не посмеет. Тарзак на минутку замешкался и по привычке внёсся во двор школы. Убийца тоже. Вожак понял — он попал в ловушку. Оставалось каких-то две-три минуты, двери распахнутся, появятся дети, их звонкие весёлые голоса и счастливый смех по поводу окончания очередных уроков разобьют смертельную гонку. Мужчина взвёл курок, прицелился, выстрелил. Тарзак повалился на крыльцо. Убийца ухмыльнулся в усы и быстро пошёл прочь. Из дверей высыпали ученики. Вожак лежал неподвижно. Дети толпой сгрудились возле пса, они не могли понять, что случилось. Подошли девочки, хозяйки. Не сговариваясь, подняли домашнего любимца, унесли на реку Вонючку. Они поняли, от чего умер пёс — заметили тонкую дырочку на шее. Не понятно было почему, пёс всегда носил ошейник. Это предупреждение, это знак — зверь домашний. «Как же так?» - думали они? Впрочем, им предстоит повзрослеть и, как это ни странно звучит, — возмужать. И, всё-таки, ещё не раз удостовериться в непредсказуемости человеческой особи.

г. Новокузнецк.

Две книги о любви и дружбе

Года три тому назад мне подарили две новые книги, два поэтических сборника. Сборники принадлежат, можно сказать, коллегам, хотя и незнающим друг друга, и живущим в разных местах нашей области. Оба автора — работники библиотек. В силу загруженности, у меня не всегда есть время познакомиться с чужим творением. Но должность обязывает, потому, приняв в подарок книги, всегда их читаю (хотя бы бегло и выборочно). Автором первой подаренной книги «Хронология мысли» является Людмила Иванова, жительница (как понимаю — селения Каменный ключ) Прокопьевского района. Второй сборник мне подарила автор лично, Пина Лучкина, жительница города Новокузнецк.

Вначале почитал книгу стихов «В металлическом городе...» Нины Лучкиной. Немногим позднее раскрыл сборник и Людмилы Ивановой.

После этого захотелось сделать материал (что-то вроде отзыва) о двух поэтических сборниках разных авторов приблизительно одинакового возраста, одинакового образования и занимавшихся одним и тем же делом (одна в школе, вторая в библиотеке).

Материал о восприятии мира двумя авторами, которые живут почти одинаковой жизнью, в одинаковой среде обитания, и так по-разному воспринимают окружающий их мир.

В металлическом городе — металлический слог...

«В металлическом городе...» сборник стихов, автор Пина Лучкина.

Книга объёмом почти в полторы сотни страниц, приблизительно с таким же количеством опубликованных стихотворений (около 150 стихотворений), сведённых в шесть разделов с названиями: «Песни рудных гор», «Светлые россыпи», «Наших дней круговорот», «Мысли о бренном и вечном», «Душевные страницы» и «Нам с тобою — по пути, вместе — весело идти».

Самый большой по объёму, около шестидесяти стихотворений, третий раздел «Наших дней круговорот».

Открывает книгу вступительная ста-

тья Афузовой Тамилы Борисовны, кандидата филологических наук, доцента; которая, сообщив, что автор сборника Лучкина Пина Васильевна: библиограф, переводчик, журналист, поэтесса, сразу же приводит и два четверостишия одного из стихотворений автора:

*«Стихи рождаются из чувства и из боли,
Из впечатлений самых ярких, из цветов.
Звучат в них: музыка свободы, ветра, воли,
Напевы мест родных, дыхание городов.»*

*Они — как молния и как морская пена,
Как нежное шептанье, как поток...
Но как проста и как проникновенна
Вся суть волшебных и певучих этих строк!»*

«День, прожитый без приобретения нового знания, считаю неудачным, — говорит далее рецензент. — А ещё я люблю поделиться этим знанием, своими мыслями и чувствами с другими людьми. Аристотель говорил: «Скажи мне так, чтоб я тебя увидел». Поэт вручает читателю свою душу, свой образный отклик на события окружающего мира и на его красоту. Так рождаются стихи...

Пина Лучкина пока не имеет широкой известности как поэт, но она и не новичок в этой области. Возможности интернета уже дали и читателей, и почитателей, и добрые отклики на её стихи. У неё есть публикации в периодической

печати, она приняла участие в коллективном поэтическом сборнике местных авторов — «Между миром и войной», изданном в 2014 году. Её переводы (в частности, с финского и английского языков) достойно оценило столичное компетентное жюри. Она журналист с определённым опытом. Всё это закономерно привело к появлению самостоятельного сборника стихов, подготовленного к изданию — знаковый и символический факт для уходящего года культуры и наступающего года литературы...

Через весь сборник проходит тема природы, Родины, любви, творчества, судьбы и личности самой поэтессы...

Металлический стиль

*В металлическом городе —
Металлический Бог,
В металлическом городе —
Металлический слог,*

*Металлическим голосом
Металлический чел*
Металлической девочке
Под «Металлику» спел:*

*О, железная дева,
Металлургов проспект
На тебя, королева,
Льёт из ковшиков свет,*

*Там цветным алюминием
Брызжет новый фонтан,
Металлическим инеем
Серебрится квартал.*

*На чугунное дерево
Мы повесим замок,
Чтобы счастье отмерил нам
Металлический Бог.*

*В металлическом городе —
Металлический снег,
В металлическом городе —
Металлический смех.*

*Этот звук металлический —
То не сказка, а быль:
Город металлургический —
Металлический стиль.
чел — человек (молодёжный сленг)

Путеводительница

Время действовать.

И он за счастьем вскачь.

*Позади джунгарские палаты.
Ай, да кони, резвы и крылаты,
Ясен ум, а состраданье — лучший врач.*

*Ждёт в Кузнецке та, что Богом суждена.
Небеса Монголии, России
Так распорядились. Не просили,
О спасении молили письмена.*

*Свято имя — «воскресение и дух»,
Постоянства свет на «плахе жизни».*

*На задворках страждущей Отчизны
Огонёк благословения не потух.*

*Тихо время разливалось благодать,
Жениха любовь костром пылала,
Вглубь Сибири дикой увлекала
Одигитрии напутствие принять.*

Тутуяс

*В аромат разнотравья добавил шаман
Песни гор и предгорий дыханье.
Этот край благодатный — не сон, не обман,
А приют старых шорских преданий.*

*Заклинания древних таёжных богов
Очищают и тело, и душу.
В этих водах — вселенская память веков,
И вовек её нам не нарушить!*

*Совершенство не требует лишних прикрас.
В нём видна первозданность природы.
Вот оно, и название ему — Тутуяс.
Окунись в его чистые воды!*

Высокий

*Засыпая под шелест берёз,
Свежий ветер свободно вдыхаю.
Только здесь, в мире сказок и грёз,
Я, как в детстве, душой отдыхаю.*

*С дружной стайкой весёлых опять
Поздороваясь, мох разгребая,
Там, где сосны, да ели шумят,
Где всегда ждёт сторонка родная.*

*Здесь, с вершины таёжных холмов,
Спящий город в прибрежном тумане
Манит осенью своих теремов
И заводов ночными огнями.*

*Ты — богатства сего господин,
Повелитель дорог и покоя,
Мой Высокий — ветров властелин,
Знаменитый своею трубою.*

Моя земная ось

*Люблю смотреть с высот Новошльинских
На древний город, распростёртый вдали,
На блеск вершин, таинственных, неблизких
И чувствовать дыхание Томи.*

*Милы мне стены порубежной цитадели,
Врачует сердце новоявленный Собор,
Где имена шахтёров, что сгорели,
Разносит эхом среди окрестных гор.*

*Цеха и трубы вижу комбината
На берегу извилистой реки.
И всё вокруг так дорого и свято!
Века и люди — так близки и далеки!*

*В одно мгновенье годы пролетели,
Сплели истории затейливый узор.
И старые кузнечные аллеи
Нас вызывают на сердечный разговор.*

*Знакомы все пригорки, перелески —
Противник я безгорья и равнин.
И не покину я, сей град новокузнецкий,
И буду, его милостью храним!*

*Повокузнецк — мой дом, моя планида,
Ведь отовсюду, взгляд, куда не брось,
Идут твои волшебные флюиды,
Проходит здесь моя земная ось.*

Таёжный вальс

*Тайжина, Тайжина!
Косогор и берёзы вразлёт.
Там небес синева
В плен навек твою душу берёт.
Убегает тайга
Вдаль, насколько хватать будет глаз.
Не найти берега,
И для елей звучит этот вальс.*

*Тайжина, Тайжина!
Заблудились ветра среди гор.
Околдует весна,
Наряжаясь в вишнёвый убор,
И для нас огоньки
На опушках таёжных зажжёт.
Есть грибные пеньки,
Свежий воздух пьянит круглый год.*

*Тайжина, Тайжина!
Край родной, где родился и рос.
Кружит в танце страна —
Поднебесный мир стройных берёз.
Я приеду сюда
За покоем, тебе поклонюсь,
Мой приют и судьба,
К светлой тайне твоей прикоснусь.*

Двенадцать лет мальчишкам было

(посвящается отцу, Полеву В.И.)

*Двенадцать лет мальчишкам было,
Когда проклятая война
Огнём их детство опалила,
Отцов у многих отняла.*

*Узнали рано труд суровый,
Да повзрослели раза в два.
И часто пачку «Беломора»
Курила на десерт братва.*

*Зимой — на лыжах, на охоту,
Семью чтоб как-то прокормить.
Да, всю мужицкую работу
Пришлось им рано изучить.*

*Утрами росными косили
Хмельное сено на лугу.
В то время очень дружно жили,
Учились жизни на бегу.*

*Стояли за друзей горою,
И в годы страшной той войны
Они ложились спать с мечтою,
Чтоб снились добрые им сны,*

*Чтобы на зорьке с петухами,
Когда туман с полей вставал,
Своими крепкими руками
Отец с постели их поднял.*

Женщины страдающей России

*Женщины страдающей России!
В Год Победы обращаюсь к вам.
Вы, родные, придавали силы
И любимым вашим, и сынам.*

*Это с вашей истовой молитвой
Поднялась с колен святая Русь,
И солдат пред самой страшной битвой
Повторял:*

«Родная, я вернусь!»

*Это вы стояли за станками,
С голодом вели неравный бой
И, гремя большими сапогами,
Возвращались за полночь домой.*

С пленным щедро коркою делились,
Согревали маленьких сирот,
Выстояли вы и не сломились,
Расцвели в победный светлый год.

Вы с Россией снова возрождались,
Так хотелось просто мирно жить,
С каждым годом больше улыбались
И учились заново любить.

Не стремились к почестям и славе,
Подвиг ваш — в сердцах запечатлён,
Он — в потомках, в хлебе и металле,

И за это низкий вам поклон!
Женщины страдающей России,
Не желаю вам я злата, серебра.
Внуков добрых, правнуков красивых,
Родины внимания, тепла!

Кричит калина

Кричит калина на предательском снегу,
Разлуку скорую до срока возвещает.
Осталась ты стоять
на дальнем берегу,
Меня заранее за нелюбовь прощая.

Не дорогая, не невеста, не жена,
Мне не раскроешь
свои нежные объятья.
Другая, мне, сейчас судьбою суждена,
Моя любовь хмельная, ты —
моё проклятье!

Я всё забуду — и детей и тёплый дом,
Прошедших лет тепло...
Заморосит вдруг осень.
Прости меня — за бессердечие и зло,
Моя далёкая,
ведь ты меня не бросишь?!

Я твоё сердце на предательском снегу,
Сейчас — всё чаще,
всё сильнее — вспоминаю.
И верю в то,
что возвратиться я смогу,
Ты в сердце лёд мой отогреешь,
он растает!

Конечно — я тебя согрею, дорогой,
Скложёт калину на снегу пичужек стая.
Но только стала я, немножечко, другой.
Теперь и я, сама себя,
такой, не знаю.

С полотнища старого флага история смотрит на нас!

«Хронология мысли» — сборник стихотворений объёмом 176 страниц, выпущенный МБУ ЦБС Прокопьевского муниципального района тиражом в 200 экземпляров, ответственной за выпуск сборника является директор МБУ ЦБС Прокопьевского муниципального района Семёнова Н.Н. Автором поэтического сборника является, как было сказано выше — Людмила Владимировна Иванова.

Открывает сборник небольшая информация об авторе (с незначительной редакторской правкой и сокращением): «Иванова Людмила Владимировна, в девичестве Шабалина, родилась 12 июля 1961 года в республике Тува в семье молодых сельских учителей Шабалиных Владимира Михайловича и Риммы Петровны, вскоре переселившихся на постоянное жительство в посёлок Каменный Ключ Прокопьевского района. После окончания школы, Людмила Владимировна окончила исторический факультет Кемеровского университета и пошла работать в родную школу учителем истории и обществознания... Литературным творчеством и поэзией Людмила Владимировна увлеклась с детства (поскольку этим занимался её отец, известный в области не только как историк-краевед, но и как литератор), но заниматься этим серьёзно начала в конце первого десятилетия нынешнего века, после того, когда вышла на пенсию по выслуге лет, и стало больше свободного времени. Она стала активным участником районного поэтического клуба «Чистые родники», неоднократно становилась победителем районных поэтических фестивалей, а в 2013 году стала финалистом Национальной литературной премии «Поэт года» по версии сайта «Стихи.ру». Стихи Людмилы Ивановой можно встретить в районных поэтических сборниках последних лет, в книге «Детство опалённое войной», на страницах газеты Прокопьевского района «Сельская новь».

«Книгу стихов Людмилы Ивановой прочли с нескрываемым интересом, а некоторые страницы — с удовольствием и радостью. С радостью от того, что на нашей Кузнецкой земле, богатой талантами, объявился ещё один, несомненно, одарённый поэт» — сообщил Председатель Правления Союза писателей Кузбасса — Бурмистров Б.В.

Перед вами — первый авторский сборник — честные, глубокие, философские произведения. Культура и история, весь мир и родной район — на этих страницах.

«Читайте, да откроется...» — сказано в водной части названного поэтического сборника. Итак: «Хронология мысли» Людмилы Ивановой.

Российскому флагу

То было недавно, ребята...
Но грозен истории взгляд
с гравюр, что станок напечатал
всего лишь три века назад.

Рубанком, мечом и указом,
Ругаясь, дерясь и крича,
Наш царь — молодой, долговязый —
Историю правил сплеча!

Напрягли могучую силу,
бурлак или царь, не понять,
огромную баржу — Россию
волок он течению вспять.

Балтийские ветры сурово
завыли над старой Москвой,
и грозная воля Петрова
крушила уклад вековой.
Раздался над сонной страной
мортир свежеемлитых рёв,
и неважко клубились волною
громады тугих парусов.

Под звуки воинственных маршей
тот флаг по гот-мачте взлетел —
и правды, и воли монаршей,
и символ, и знак, и предел!

На флаге, что вольно зареял —
снегов белоснежных атлас,
российское синее небо —
и кровь, что, как Волга, лилась...

Привычны для русского глаза,
те чистые строги цвета,
они не с чужого заказа —
с Москвы гербового щита,
Что сердцу царя ли, солдата —
как ветры отцов торжество:
святого Георгия латы
и конь белоснежный его.

Так роком судьбы неизменным
сливались на все времена
на флаге с порывом мятежным —
святая Руси старина!

Три века... Мечты и тревога...
Всё было как будто сейчас.
С полотнища старого флага
история смотрит на нас!

Этот день

Не знаешь, чему дивиться более,
в мире, где нет случайностям места:
ослиной тупости «отца народов»
или железнору упрямству Бреста...
Климат нас обидел: восемь месяцев во льду!
Добавила обиды история-вещунья.
Один вот есть — хороший,
самый светлый день в году.
...И тот двадцать второго июня.

Экология и душа

«Когда студёный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Шепчет мне таинственную сагу...»
(М.Ю.Церматов)

Да, печальна эта сага,
НТР дурной итог:
В тихой роще у оврага
Погибает ручей.
Та земля, что нам открыта,
что на радость нам дана —
тракторами вся изрыта,
в грязь давно превращена.
Погибает луг весёлый
и берёз кудрявый строй.
Гибнут бабочки и пчёлы,
беззащитный зверь лесной.

Это — нравится кому-то?
Нагло щерятся кругом
лужи липкие мазута,
смерднющий мусор, ржавый лом...

Вот — дожили.
В век ракетный,
из компьютерной дали
любоваться свалкой этой,
жалким кладбищем земли.

Ну, так что ж, исход — летален?
На погибель осуждён
Божий мир, что измочален,
испоганен, разорён?

Не дивятся безобразью
захламлинные умы.
Не родник завален грязью —
душу в грязь втоптали мы.

Еле-еле душа в теле,
вера, честь — плевать на них.
Мы не звери, в самом деле.
...Мы гораздо хуже их.

Гимн картошке

Копаем картошку,
копая картошку...
Сентябрь за окном рассыпает казну.
Совсем не в насмешку
и не понарошку —
идём в огород, как на войну!

Задвинувши шторы,
схвативши ведёрки,
смешно суетясь, в огороде спешат
старушки-чувашки,
старушки-русачки,
старушки-хохлушки — аж спины трещат!

А рядом склонились
сноха и золовка,
и сын-горожанин, и правнук, и внук —
и мент, и студент,
и шахтёр, и полковник,
и хакер, и брокер, и доктор наук!

Забывши на дачах
на плутни подъячих,
на посулы стряпчих — отъявленных рож! —
Па речи приказчиков,
на воров-подрядчиков,
на спесь городничих и козни вельмож,
на вой репортёров,
оскал мониторов,
на файлы и сайты — такой поворот! —
Забывши про водку! —
В родимую сотку
вгрызается хитрый сибирский народ!

Ведь что б там не пели,
как сладко б не ввали,
что б ни обещали в экранных краях —
всё сердцу покойней,
все думы привольней,
если картошка заснёт в погребках...
Она не увянет!
Она не обманет!
Она девальвации не подлечит!
Плевать — фу-ты ну-ты —
на курс инвалюты
цифры Цоу-Джонса и льготный кредит!

...Песёт с огородов
расслаблено дымом.
Уютно чадит в костерочках ботва.
«Не хлебом единым!»
Не хлебом единым!» —
ты скажешь, Россия —
и будешь... права!

Поэзия

Что есть поэзия? Какой вопрос смешной!
Любой тебе ответит, не замедлив:
бумага; слов нанизан ровный строй —
и льётся стих, не лжив, не привередлив.
Что есть поэзия? Какой смешной вопрос...
То не мораль, не клятва, не угроза;
всего лишь среди разных прочих проз —
ритмически построенная проза.
По почему — бояться слов и снов? Зачем?
По вот — воздям, потухшим нашим,
за миллионом вихровских штыков,
был мёртвый Мандельштам —
до жути страшен —
растёртый в пыль, на дне, во мгле, в зале,
затравленный, как зимний волк, убогий...
Сойдя с небес, теряются в земле
поэзии смертельные дороги...
Поэзия — откуда что взялось?
Прекрасна тайна и, как смерть, невинна;
вне логики, вне смысла, лжи и поз,
материю она пройдёт насквозь,
как пролетает сквозь земную ось
частица под названием нейтрино!

Поэзия — да, райские врата.
Да, лёгкий вздох тончайшего эфира.
Полмига — и бесплотная мечта
перерастёт, невинна и проста,
в громовый шторм,
что разнесёт полмира!

Ведь было так...
В моей стране витал
дух вольности, накапывая силу,
и лаву революции питал
строфы живой расплавленный металл,
и пенилось безбожное горнило.
А нынче... Там, где Бога нет давно,
и совесть пропала,
и даже, что фатально,
не сильно доллар чтят, хотя — грешно,
ведь богом признан он официально...
А люди ждут стихи и пишут, но
любому стихотворцу суждено
бессмертия причаститься изначально
в моей стране, где Бога нет давно,
но Пушкин есть. А это всё равно.

И в небесах ночных — сейчас и навсегда —
«редеет облаков летучая гряда».

«Фокусировку» и выборочный набор
стихотворений, из двух поэтических
сборников, двух разных авторов,
выполнил — Анатолий Гуляев.

«Город. Библиотека. Книга»

Конкурс одного стихотворения

19 марта на занятии литературного объединения ЛиТERRA состоялось подведение итогов Конкурса одного стихотворения «Город. Библиотека. Книга»

Конкурс одного стихотворения проводится литературным объединением ЛиТERRA с 2016 года совместно с библиотекой им. Н.В. Гоголя. В этом году он посвящен юбилейной дате — 90-летию городской библиотеки Н.В. Гоголя.

На конкурс поступило рекордное количество работ по сравнению с предыдущими конкурсами — 33 стихотворения. Круг участников широк, это и курсанты ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, уче-

ники МБОУ СОШ № 50, лицея № 35 им. А.И. Герлингер, студенты ИФИ КемГУ, журналисты, поэты, участники литературных объединений, педагоги, офисные служащие. Авторы вдохновенно писали о поэтах, городе, любимых произведениях и дорогих сердцу писателях. Несомненно, предпочтения отдавались работам, охватывающим библиотечную тематику.

Стихотворные работы оценивали Людмила Буймова, член Союза журналистов России, общественный деятель; Сергей Стрельников, член Союза писателей России, поэт, бард, писатель; Елена Острых, поэт, руководитель литературного объеди-

нения «ЛиТERRA».

Работы оценивались в четырёх возрастных категориях. В возрастной категории от 35 лет и старше победителями объявлены Владимир Черноусов — «В день работников библиотек» и Римма Чуднова — «С любовью к Гоголевке», дипломом отмечена работа Николая Вершинина (Кемерово) — «В книжном таинстве».

В категории от 18 до 25 лет победителем стал Алексей Зайнулин со стихотворением «Поэзия», дипломами отмечены стихотворения Ильи Касьянова — «В книгах многое можно узнать» и Павла Дергачева — «Город. Библиотека. Книга...».

В категории от 14 до 18 лет победителем является Алексей Мечетин — «Памяти Хлебникова», дипломом отмечена работа Марины Рыбаченко «Мой любимый город». В категории от 25 до 35 лет победителей нет.

Радует тот факт, что интерес к стихотворному творчеству среди горожан растёт с каждым годом. Нужно сказать, что наш край богат именно на поэтические дарования. Литературоведы так и говорят: «Кузбасс — это, прежде всего, поэзия».

Острых Е.Ф.,
руководитель литературного
объединения ЛиТERRA.

Николай Вершинин
Кемерово

В книжном таинстве

Много жизнь отпустила нам лекарей,
И болезни нам мир вручил,
В книжном таинстве библиотекарей
Душу книгами я лечил.

Брал одну, наслаждался в ней строчками.
Помню, как запоем читал,
И вопросами — мысли росточками —
Я пытаю себя рано стал.

А, взрослея, чтоб в жизни мне справиться,
С трудностями, что день носил,
Я стремился, как в детстве,
отправиться
В книжный дом, что давал мне сил.

Мне без книги, как и без Отечества,
Без Любви, что вечна, к тому ж!
Книги — ценности для человечества,
И отрада для наших душ!

Римма Чуднова

С любовью к Гоголевке

Кто ты, мой друг библиотека?
Души отзывчивое эхо?
Дашь заботливый покров:
Поэту — мысли между строф,

Романтику ты шлешь советы —
Как поступить? Вот и ответы.
Люблю ли прозу я — читатель?
Серьёзный есть на то писатель.

Роман его «Война и мир» —
Там просто «мудрых мыслей пир»
И с отголоском тех пиров —
К бумаге тянется перо.

У книжной этой тишины
Глотнуть немного новизны.
И вот с душой своей открытой
Желаю мыслям «аппетита»,
Чтоб воплотить из «мыслеслов»
И жизнь, и слёзы, и любовь.

...Самодовольный и надутый
Сам по себе живёт компьютер.
Он приглашает «почитай»
Предполагает — «поиграй»

Он мне совсем не конкурент.
Я достаю абонемент,
Чтоб заглушил страницы шум
Холодно-клавишевый ум.

Пусть для технического фона
Живут и «компы», и смартфоны,
По благородных милых книг
Им никогда не заменить.

Давным-давно промчались годы,
Кирилл и брат его Мефодий,
Объединившись, поклялись
И дали первым книгам жизнь.

Волшебница — библиотека
Жива на радость человеку,
Её он вечный ученик
И почитатель, и должник.

Доволен и ничуть не строгий,
С улыбкой ангельской, Гоголь
Спешит под кров библиотек
На русской тройке в новый век!

Владимир Черноусов

В День работников библиотек

Ничто не вечно в нашем мире.
Меняет облик свой Земля.
Пустыня в новом ориентире
Могилой станет корабля.

Усталый путник у колодца
Привал не сделает. Вода
Неисчерпаемой до донца,
Войдёт преданием в года.

И только не иссохнут знания.
Исходной гаванью идей,
На всём безмерном расстоянии,
Пребудут книги для людей.

Павел Дергачев

Город. Библиотека. Книга...

Семнадцатый век. Кузнецкий острог
Поставлен в устье Абы.
И в целях стратегии перенесён,
Чуть позже, на берег Томи.

Кузнецком был город тогда наречён
Сменил он название не раз.
А в шестьдесят первом известном году
По имени принят Указ...

С тех пор не меняет название своё.
Осталось оно на века —
Новокузнецк!
Это гордость страны —
Я знаю наверняка.

Город красавец в садах и цветах
На двух берегах Томи.
Его Маяковский прославил в стихах,
И жизнь здесь, как прежде, кипит.

Он славен давно добычей угля,
Металлом, что плавят в печи.
И днём и ночью, когда шла война,
Завод лил сталь для брони.

А в мирное время на смену ему
Построен огромный гигант,
Не только в Россию — и за рубеж
Поступает сталепрокат.

За то, что в Победу внесен вклад большой,
Награды у города есть.
А сколько театров, музеев, аллей!
Всех центров культуры не счесть!

В стране нашей множество городов
И интереснейших мест.
По град сей сибирский нас ВУЗом привлёк,
И вот оказались мы здесь

Со всех уголков необъятной страны
Мы съехались, чтобы учиться.
Повокузнецк! Ты стал домом вторым.
Как можно в тебя не влюбиться...

Илья Касьянов

В книгах многое можно узнать,
В далёких землях оказаться,
Тайны моря разгадать,
Не уставая удивляться.

В них много рассказов о жизни
Великих и мудрых людей,
Кто жил во благо Отчизны
И умер, заботясь о ней.

Книг очень много на свете,
Одна интересней другой,
И кто нуждается в совете
Сомненья утешит мудрой строкой.

Книгу закрыть не спеши,
На все вопросы в ней ответы.
А в стихах частичка души,
Которую дарят поэты.

Алексей Зайнулин

Поэзия

Бессонница. Тугие паруса,
как тряпки, рвутся под напором ветра;
Гомер уходит к набожности в Петру.
И аргонатов стихли голоса
в сумятице времён, водовороте лет;
руно — пыль в белых блёстках,
а Ясон — скелет.

Мой Телемах, я список кораблей
до четверти осилить не способен:
глаза ослепли, рот подобен плombe,
осталось написать. Бокал налей
поэзии нектара Одисских складов,
чтоб лирику баллад
сложить я был готов.

В моей дороге от скитаний в свет
подай мне руку, венценосный Данте.

На первом круге сплошь одни педаанты,
а на девятом — сложенный обет.
В Чистилище светлее, Рай — не описать.
Безвременье — награда, божья благодать.

Вложи в уста сжигающий глагол,
сорви немую пломбу романтизмом;
увидеть мир сквозь реализма призму
позволь, занявший лирики престол.
Ты — содержание поэзии, мой друг,
но форма — серебра богатый лунный звук.

За многозначные слова-духи,
за постулат, что роза — только роза,
за образов сверкающие грозы,
за бойкие
гремящие
стихи
вы в бесконечности без времени оков.
Как правнук модернистских ветреных
годов,
с античности до современных дней,
от древних мифов до «Лифака Десятка»
я собираю всё, что в меня лезет,
глотаю мысли. Список кораблей
начну читать сначала, друг мой Телемах.
Я нем, я слеп, я глух, но я ищу впотьмах.

Алексей Мечетин

Памяти Хлебникова

Златокудрили юности Хлебников
Мял упругое тесто Пространства,
Если Солнце закатит истерику —
Мы Им определим постоянство.

Суррогатные пастбища буйволов
Выдувались полуденной флейтой,
Соблюдая губами клаузулу:
По-другому День петь не умеют.

Их рогами мы щупали радугу;
Потолок сонно жмурился лострой,
И художник, к окну убегающий,
Рисовал голубого моллюска,

Двух русалок, сидящих на дереве,
И медузы закон: «О прозрачном».
Голоса пропадали неделями
В целомудренном месяце Танца.

Фейерверки вулкана-раскольника,
Чей обряд — огнедышащий Лебедь,
По следам Журавля босоногого,
Непослушен весенней Деметре.

Без ружья в горы вечного кружева,
Кавалером крылатых Левкоев,
С Незабудкой, Серпом перекушенной,
Председателем первого Слова,

Он взойшёл и сказал: «Шёпот ивовый
Тише Века пропавшего Мужа,
Будетляне зажгутся крапивою,
Стрекозою России-старушки».

Людмила ИВАНОВА-ВЫГЛОВСКАЯ

Родилась в январе 1940 года. Начала писать в 40 лет. В свободное время пишет стихи на разные темы. На протяжении многих лет была внештатным корреспондентом газеты «Металлург», печаталась под псевдонимами «Л. Николаевская» и «Л. Выгловская». Публиковалась в газетах «Горняцкая солидарность», «Губернские новости», в литературно-художественных альманахах «Озарение». Её стихи вошли в сборники поэзии «Мелодия души», «Гармония слова», «В сахарном инее гроздь калены», «Россия-Родина моя».

Автор сборника «Кузнецкие мотивы». Готовит выпуск нового сборника, в который войдут стихи разных лет. Принимает активное участие в мероприятиях своего города. Любит творческих людей.

Вам за всё, за всё спасибо

Вам, защитникам России

Люди жили. Мирно спали
В 41 первом - том году.
А враги на нас напали,
Объявили нам войну.

На войне отцы сражались,
Чтобы мирно жилось нам,
В доме дети оставались,
Помогали старикам.

Натерпелись, пострадались...
Настрадались стар и мал,
Помогать во всем старались,
На защиту каждый встал

Сколько горя в каждом доме!
Сколько слёз, потерь и сил!
Как гранату — похоронку
Почтальон в дом приносил.

Весь народ объединился
Перед общей бедой.
Но Россия не сломилась
Перед грозною войной.

Вам - защитникам России,
На войне пролившим кровь,
Вам за всё, за всё спасибо,
Наш поклон Вам и Любовь!

Таня

«Наша Таня громко плачет...»
А. Барто

Наша Таня громко плачет:
«Ну, зачем купили мячик?
Лучше б в куклы я играла,
Им хорошей мамой стала.

Их кормила и поила,
И на улицу водила,
В детской ванночке купала,
В косы ленты им вплетала.

Пусть всегда будут нарядны,
Им всегда я буду рада.
Мячик мне совсем не нужен!
Пусть валяется он в луже!»

Поздняя осень

Потеряла осень совесть,
Потеряла стыд,
Всех раздела, кроме сосен,
Елочек и пихт.

Все листочки оборвало
Ветром и дождём,
Красоты совсем не стало...
Ладно... Подождём!

Учитель пения

«Я по свету не мало хаживал», —
Под баян нам учитель пел,
Про военную жизнь нам рассказывал,
Был он добрым, хорошим и смел.

Он рассказывал много о жизни,
Он учил нас, малышей, добру.
И в слова этих песен мы вникли,
Его песни забыть не могу.

Мы давно уже стали взрослыми,
У нас дети и внуки давно,
И поём те же песни весёлые,
Что нам в детстве услышать дано.

Много песен хороших и новых
Мы услышим за долгую жизнь.
Об учителе пения помню,
Никогда мне его не забыть.

Люблю цветы, подарки, поздравления.
Конфликтов в жизни вовсе не терплю.
Люблю гулять, ходить на дни рожденья,
Берёзы, речку и поля люблю.

Люблю детей, родных, знакомых,
При встрече нашей чаем угощу.
И если долго я друзей не вижу,
Не обижаюсь, но всё-таки грущу.

И даже в Библии написано: «Любите,
Прощайте всё своим врагам».
Но никогда, ничто не обещайте,
Если не сможешь это сделать сам.

Красива я, иль вовсе не красива,
Не стоит в эти годы говорить.
Я не могу забыть, кого любила,
Но я смогу по-прежнему любить.

Но не хочу об этом говорить я,
Забуду о плохом - и навсегда.
И снова я, как будто в новом платье,
Я в танце вся... я снова молода!

Посвящено герою Афганской войны
Стародуб Евгению Ивановичу

...Каждый павший - живой,
Если в сердце живёт.

Величав и могуч
Дуб зеленый стоит,
О нём песни слагают достойные.
Наш афганский герой
Тридцать лет как погиб,
Стародуб, парень вида спокойного.

Наш афганский герой
Не хотел умирать,
Он мечтал возвратиться домой.
Хоть погиб он давно,
Но мы чтим всё равно.
Как земляк, он по-прежнему свой.

Женя милый, родной,
Наш афганский герой,
Тебя помнят и любят родные.
Память в сердце храним.
Знаем: очень любил,
Наши русские песни простые.

Хоть и страшный был бой,
Шёл вперёд наш герой,
Вспоминая родные берёзы.
Сколько лет уж прошло -
Не вернулся домой,
Но тебе до сих пор льются слёзы.

Был момент передышки,
Гитару ты брал,
И звучала любимая песня.
Вражий выстрел
Аккорды твои оборвал,
И застыло горячее сердце.

Наш афганский герой
Вновь вернулся домой.
И не будет общенья конца.
Помнят в школе его
И в музее хранят,
Снимки мужа, солдата, отца.

Правнуки мои такие милые.
Милые, как дети всей земли.
Их я полюбила с новой силою,
Новые мечты ко мне пришли.

И с улыбкой, даже с удивлением
Из кровати смотрит на меня
Наше родовое поколение:
Тимофей, Захар — душа моя.

Пусть они, не понимая многого,
С полуслова понимают мать.
И Тимоша, потихоньку топя,
Пыжится Захарку обнимать.

Правнуки мои, такие милые.
Милые, как дети всей земли,
Подрастайте добрыми и сильными,
И хочу, чтоб не было войны.

Я хочу, чтоб ваше поколение
Выросло здоровым и крутым,
Относились с дружкой и доверием
К дорогим родным и пожилым.

Подрастайте, милые, растите,
Покоряйте мир, а также нас.
Пока живы, в гости приходите!
Мы скучаем, милые, без вас.

Красавица-черёмуха

У всех прохожих на виду,
Цветёт черёмуха в саду,
И все прохожие любят их цветом.
Я забываю про года,
Иду к черёмухе всегда,
Любуюсь цветом их, пока не облетела.

И пусть черёмуха цветёт,
Пьянящий запах к нам идёт,
Всегда мне молодость мою напоминает.
Как под черёмухой весной,
Когда была я молодой,
Я помню, милый меня крепко обнимает.

И пусть же годы не бегут,
Вокруг красавицы цветут,
Всегда пусть будут годы молодые.

И чтоб черёмуха цвела,
Чтоб обнимали нас всегда,
Забыв о том, что мы уже седые.

У всех прохожих на виду
Цветёт черёмуха в саду,
И потихоньку лепесточки облетают.
И хоть седая голова,
Но я люблю её всегда,
Она мне молодость мою напоминает.

Проливной дождь

С неба льётся и льётся вода...
Не видать ни просвета, ни туч.
В дождь идти не хочу никуда.
Страх промокнуть до нитки могуч.

Целый день и всю ночь он по крыше стучит.
На дворе промелькнёт лишь прохожий.
Он особенно слышен в кромешной ночи.
Все попрятались — кто куда может.

Капли слёз ручейками бегут по стеклу,
По карнизу стучат, барабаниют.
Этот дождь проливной мне уснуть не даёт.
И когда же он лить перестанет?

Давно ушла на пенсию из цеха,
И не болит от шума голова,
И прошлое, как отголосок эха,
Напоминает мне, что я еще жива.

Но как мне больно вспоминать об этом,
Мой первый цех, морозы, пыль и грязь...
Не знала я, что можно быть поэтом,
Писать стихи, а может быть рассказ.

Я здесь работала, знакомое все это,
Шум грохотов, моторов, аглолент.
Здесь исходила до седьмого пота,
А кто спросил: «Устала или нет?»

Ах, как мне хочется порой
забыть всё это,
Родной мне цех и грохот аглолент!
Теперь сижу в кругу любимых мне поэтов,
Где жизнь — учитель мне,
на склоне этих лет.

Елене Павловской

Ты рождена, Елена, для народа,
Твой голос покоряет все сердца.
Душевные слова... их столько много!
Твой голос можно слушать без конца!

Талантов у тебя, конечно, много,
Народ воспринимает их душой.
Ты умница, красавица от Бога,
Авторитет твой в городе большой!

Пусть горе обойдёт тебя... Заботы
Уйдут, болезни напрочь все уйдут!
Желаю только счастья и здоровья
И долгих лет, а денежки придут.

г. Новокузнецк.

Анатолий ГУЛЯЕВ

Анатолий Николаевич Гуляев родился в Прокопьевске (Усятах), там же прошли его детство и юность. В 1969 году его направили в военное авиационно-техническое училище. Военный авиационный инженер полковник запаса ВВС. Литературным творчеством занимается с курсантской скамьи. Всё началось с писем, в которых были первые рифмы, первые стихи. Богатый армейский опыт прошедший через тексты технического и служебного характера перерос в литературно-художественные произведения. С 1998 года, на протяжении 3-х лет, работал главным редактором городской газеты «Народовластие» Прокопьевска. С 2007 года редактор и издатель Литературно-художественной газеты Альманах «Усвятская россыпь».

На крыльях «Аэрокузбасса» на Тёплый ключ

О том, что в летнее время года из Аэропорта города Таштагол на Абаканский Тёплый ключ выполняются чартерные рейсы вертолёт Ми-8т, я узнал лет одиннадцать назад, именно столько времени работаю я в авиапредприятии в качестве наземного авиатехника вертолёт. Почти сразу, после трудоустройства в «АЭРОКУЗБАСС», мне пришлось принимать участие в подготовках к выполнению этих перелётов вертолёт Ми-8т, постоянно базирующегося в аэропорту города Таштагол. На Ми-8т перевозили большие группы людей на Горячий ключ, в большинстве своём это были работники угольной шахты «Алардинская», расположенной в посёлке Малиновка

Новокузнецкого района Кемеровской области. Со временем узнал я и более подробную информацию о целях и результатах почти регулярных полётов на Ключ в летнее время. Узнал, что большинство людей летят туда исключительно для исцеления недугов (радикулитно-артритно-артрозно суставных заболеваний) целебными водами источника.

Приходилось слышать истории о том, что люди приезжали на источник на костылях и с тросточками, кое-кого туда привозили на носилках, а домой все отправлялись на своих ногах. Истории были похожи на сказку. Но когда самому становится невыносимо, поверишь и в сказку, тем более, что всё происходящее было у меня на глазах. Всё рассказанное - достоверно! Всё по материалам и рассказам очевидцев. Прежде всего, хочу дать небольшую историческую справку о авиапредприятии ООО «Аэрокузбасс», в котором я имею честь трудиться уже десять лет.

Кратко из истории авиапредприятия ООО «АЭРОКУЗБАСС»

Принято считать, что рождением авиапредприятия города Новокузнецка является открытие в городе металлургов Сталинске городского Аэроклуба Осавиахима СССР в 1934 году, с началом функционирования в нём двух учебных групп: парашютистов и планеристов.

Одну парашютную вышку построили на городском стадионе «Металлург», вторую - на станции «Водная», что располагалась на берегу Кондомы, левого притока реки Томь.

Планерную станцию разместили на горе Соколуха, в шести километрах от станции «Водная». Немногим позднее в Аэроклубе организовали курсы пилотов самолётов У-2 (По-2). Перед началом Великой Отечественной войны в Аэроклубе насчитывалось около десяти самолётов У-2 (По-2).

До начала войны в Сталинске (Новокузнецке) не было подразделений Гражданской авиации.

В 1945 году для обслуживания предприятий лесной промышленности Южного Кузбасса в Сталинск (Новокузнецк) из Новосибирска был перебазирован самолёт По-2, затем По-2 появился и в тресте «Сталинскпромстрой», вскоре обзавёлся своим самолётом и разросшийся КМК. Все эти самолёты размещались на своих аэродромах, в разных местах. В августе 1952 года на базе трёх разрозненных

межведомственных авиационных подразделений была создана единая «7-ая аэроэкспедиция Западно-Сибирского Управления ГВФ», местом базирования которой был выбран аэродром посёлка Ильинское.

На эксплуатации «Экспедиции...», кроме самолётов По-2, появились самолёты Ан-2 и Як-12, вертолёты К-15, Ми-1 и Ми-4.

В марте 1954 года на базе «7-й аэроэкспедиции ЗСУ ГВФ» был создан «184-й авиаотряд», перебазировавшийся на аэродром посёлка Абагур.

В 1968 году был введён в строй современный аэропорт Новокузнецка, в районе посёлка Спиченково Прокопьевского района. Авиапредприятие начало эксплуатировать самолёты Ил-14, Ан-24, Ил-18; вертолёты Ми-2, Ми-4, Ми-8. Жители

Юга Кузбасса получили возможность улетать из своего аэропорта в Москву, на Дальний Восток, на курорты Черноморского побережья.

В 1985 году завершилось строительство новой взлётно-посадочной полосы длиной 2680 метров, с которой начались регулярные полёты самолётов марки Ту-154. К 1998 году география полётов самолётов авиапредприятия расширилась: начали выполняться международные чартерные рейсы.

В 1998 году к руководству авиапредприятием пришла нынешняя

управленческая команда во главе с генеральным директором Белозёровым Виктором Даниловичем, которая, вот уже более 20-ти лет эффективно руководит авиапредприятием, получившим название ООО «Аэрокузбасс». 5 апреля 2012 года - Аэропорту присвоен статус Международного аэропорта.

15 декабря 2012 года - выполнен первый международный рейс в Бангкок.

В конце 2018 года авиапредприятию присвоено именное название - «Имени дважды Героя Советского Союза лётчика-космонавта СССР Волинова Бориса Валентиновича».

Горячий ключ: легенды и быль

В июле 2004 года группа шахтёров шахты «Алардинская» вылетела на Горячий ключ.

«Вертолёт, волнами разгоняя траву и пыль, плавно приподнялся над землёй. Немного «подумал» и, вдруг, быстро пошёл вперёд и вверх к низко плывущим облакам. Мы летим на «дикий» курорт «Горячий ключ». Называют его по-разному: «Горячий ключ», «Тёплый ключ», «Абаканский Аржан» или «Аржан-Су».

Справка:

Горячий ключ или Абаканский Аржан, или Аржан-Су (Аржан — в переводе с тюркского — источник; Су — вода) — термальный источник, расположенный на территории Таштыпского района Хакасии, в 150 км к юго-западу от Абазы, в горной местности Западного Саяна.

Источник выходит на поверхность земли на крутом горном склоне, почти на километровой высоте над уровнем мирового океана. Он питает речушку БЕДУЙ, одного из притоков реки Большой Абакан.

Цели у летящих в вертолёте разные. Большая часть пассажиров, загрузив поклажу, чтобы создать себе хотя бы минимум удобств, движется в Саяны отдохнуть от наших каменных джунглей и подлечиться. Мы же — увидеть всё своими глазами и рассказать о достоинствах этого «Ключа» широкому кругу читателей. Слышали о нём многие, побывали там не все.

О «Ключе» знают даже медведи

Рассказывают, что весть об источнике, не остывающем даже в лютые морозы, принесли народу охотники в те времена, когда вертолёты были ещё не придуманы, а из летательных аппаратов были только ступа Бабы Яги и ковёр-самолёт. У коренных народов Хакасии, Алтая есть множество легенд о лечебных свойствах воды Горячего ключа.

«Однажды охотник ранил в горах медведя. Зашатался зверь, но не упал. Выяснить отношения со своим обидчиком медведь не стал, а развернувшись, быстро побежал в горы. Рана у медведя была большая, но ему очень хотелось жить. Охотник, преследуя раненного медведя по кровавому следу, видел, что мишка совсем обессилел. Довольный охотник радовался удаче и не хотел потерять добычу. Гнался человек за медведем, вот-вот настигнет. Кровью истекал медведь, но добежал до горячей воды Аржан-Су и залёг в курящийся ручей. Пока охотник поднимался из-под горы, у зверя затянулись раны. Только поднял охотник ружьё вновь, а медведь вскочил с места своей лежанки, и как молодой, здоровый зверь резво помчался в сторону чащобы. Не стал преследовать охотник хозяина тайги, удивился его резвости и здоровью. Он бросил в воду ручья сушёного хариуса — рыба ожила и поплыла в этом источнике, шевеля плавниками. Охотник кинул в воду шкуру выдры. Выдра вынырнула из воды, после чего начала гоняться за хариусом. Тогда охотник окунулся в воды ручья, и почувствовал, что усталость его как рукой сняло, в теле появилась лёгкость и сила. После этого охотник понял, что Ар-

жан-Су силу даёт и жизнь, всем!»

Наивная сказка, однако, сколько в ней сказано!

Слава о животворном источнике распространилась по всей Туве и Хакасии. Местные жители ходили к источнику, чтобы преодолеть свои хвори, ведь медицина в те времена не дошла ещё до глухих сибирских краёв.

В девятнадцатом веке слухи о чудесном хакасском источнике достигли учёных России. В 1884 году источник посетил русский этнограф, археолог, географ, революционер-народник, Клемменс Дмйтрий Александрович (14.12.1848 — 8.01.1914). Он провёл замеры температуры воды и дебета источника, сделал первое описание.

Несколько позднее врач Ширинского водолечебного курорта Хворов Василий Васильевич исследовал целебные свойства Абаканского Аржана. Им описаны приёмы лечения коренных жителей — приём ванн в воде источника и питьё. Хворов писал, что местные жители твёрдо верят в то, что «Аржан — целебен, но целебен постольку, поскольку этого хочет хозяин места. Исцеляя одних, угождая ему, он не только не поможет другим, не заслужившим его милости, а ещё и навредит». Отсюда — умозаключение: умилосерди, ублаготвори хозяина места, прежде чем ждать от него чего-нибудь; оттого «Иногородцы, садясь в бассейны, потихоньку, незаметно для других закапывают в ил, покрывающий дно ключа, монетку, чаще всего серебряную — кто гривенник, кто больше, кто и целый рубль. Русские, купающиеся тут же, конечно, без всякой церемонии эти монеты вытаскивают обратно».

В урочище на средства купцов была сооружена купальня, в которой люди проходили лечение от различных заболеваний. Так, известно, что в 1928 году на Аржане могло находиться до ста и более человек, проживающих в шалашах. В основном на ключе лечили ревматизм, но многие пытались исцелиться от глухоты, слепоты, рака и сифилиса. Отмечено, что больные, злоупотребляя выпавшей возможностью, принимали по три часовые ванны в день в течение месяца и выпивали до 12 (!) литров «пользительной» жидкости в сутки, в несколько раз превышая интенсивность применения бальнеологических средств.

Абаканский Аржан стал популярным, и двигались к нему пятью маршрутами, самым восточным путём из которых была Хакасская тропа: Усть-Абакан (410 км от Аржана), Аскиз (350 км), Усть-Есь (310 км), Таштып (280 км), Сея (260

км), Матур (220 км); далее тайга до самого Аржана.

Справка:

По материалам Восточно-Сибирской экспедиции Главного курортного управления Министерства Здравоохранения РСФСР. Роскурортгеопартия, 1951 год:

Температура источника: летом 37 градусов по Цельсию, зимой 36,2 градуса по Цельсию.

Дебет источника 98500 литров в сутки.

Газ, выходящий со дна колодца, почти чистый азот. Радон не обнаружен.

Край чистых рек и тишины

Серебристая птица закручивает винтом облака. Под её брюхом проплывают межгорные впадины, справа и слева по борту — горные хребты, прорезанные горными речками. Всё покрыто сплошным ковром лесов. В эти края не долетают сутенные звуки цивилизации, только шум винтов вертолёта на некоторое время потревожил край чистых рек и тишины. Возможно, где-то внизу косолапит по тайге хозяин этих краёв медведь. Услышит он необычные звуки, поднимет удив-

лённо голову, недовольно заворчит, да и отправится дальше по своим медвежьим делам.

А наш винтокрыл, изящно пройдя по ущелью, сделал круг над жилой зоной Горячего ключа и аккуратно приземлился на деревянную взлётно-посадочную площадку. Опалевшие от величия и великолетия первозданной природы, мы ступили на древнюю землю Абаканского Аржана или, в простонародье, Горячего ключа.

Стрёх сторон нас окружали суровые и неприступные горы. Самые большие вершины увенчаны снеговыми шапками. Ели, пихты, кедры по-хозяйски расположились на крутых склонах. Воздух настолько чистотой и пьянящими ароматами черневой тайги.

Тропинку к домикам пересекал тоненький ручёк. Мне, городскому жителю до головокружения захотелось зачерпнуть воды из ручейка и попить её на вкус. Хрустальная вода леденила ладонь, улыбалась мне белыми облаками, синим небом. Отхлебнула из горсти и... обалдела. Такую воду нужно пить каждый день и напиться ей невозможно — вкуснее её только новая порция из этого же ручейка. Зубы заломило от холода. Мои компаньоны принялись меня убеждать, что от такой холодной воды легко подхватить ангину или ещё, что покруче (не случилось в последствие ни ангины, ничего покруче, словно чаю попילה).

Что ж, идём к источнику.

Над ним срублен простой деревянный домик из кругляка лиственницы. Внутри, тоже из лиственницы, срублена ванна, в которой могут поместиться четырнадцать человек. Небольшая лестница ведёт вниз к самому источнику.

— Сила у источника необыкновенная, — рассказывает Лукашов Геннадий Анатольевич, электрослесарь шахты «Алардинская», — нарабатываешься за день, устаешь, что себя не чувствуешь. Примешь ванну, и усталости как ни бывало. Такой прилив сил.

Немного из истории освоения источника

В начале двухтысячных годов нашего века горняки во главе с профсоюзным комитетом шахты «Алардинская» (пос. Малиновка, Кемеровской области) взяли своеобразное шефство над этим диким курортом. Сюда на Горячий ключ, председатель профсоюзного комитета

шахты «Алардинская» Булах Яков Иванович ежегодно организовывал прилёт шахтёров по весне. Этакая ремонтная экспедиция. Они везли с собой не только продукты питания, посуду, но и стройматериалы. Горняки тратили часть своего законного отпуска на то, чтобы после зимы и пребывания здесь зимней партии лечащихся (не всегда добпорядочных и аккуратных) привести в порядок источник, жилые домики, столовую и вертолётную площадку; убрать на Горячем ключе кучи пластикового мусора, консервные банки.

Как-то не привиты у современных

ваётся река белой кипенью, взбрасывает зеленоватые чистые струи, которые в свою очередь тоже взбиваются в пену об очередной каменный лоб речного порога.

Жажда укротить вольный поток привлекает любителей речного сплава. А для нас, городских и избалованных цивилизацией, сплавщики — это мужественные люди с обветренными лицами, с орлиными взорами. Они стоят на плотах в полный рост или несутся на лёгких катамаранах меж беснующихся речных потоков...

Так что всем хватит экзотики, и адреналин будет зашкаливать.

Эти домики доставляли на Ключ вертолётными

людей уважение к природным дарам, а девяностые годы прошлого столетия прорастали в душах некоторых дельцов жажда наживы. Многие пытались прибрать источник к рукам и нажиться на том, что земля-матушка дарует людям безданным и беспошлинно.

Алардинцам много лет удавалось отстаивать возможность всем без исключения пользоваться источником и его благодатью бесплатно.

Вертолётными доставляли сюда не только стройматериалы, но и вагончики, сегодня находящиеся в плачевном состоянии. Благоустроили территорию и сам источник. Организовали доставку отдыхающих вертолётным из Таштагола. До Таштагола отдыхающих доставлял автобус из города Осинники. А сходили и едут на Горячий ключ не только из Кемеровской области, но и Хакасии, Красноярского края, Томской области.

Конечно, можно попасть сюда и древними тропами по суше и воде, но удобнее всего по воздуху: быстро, надёжно, прихватив с собой всё необходимое для комфортного отдыха.

Любители водного сплава, по окончании лечения могут сплавиться вниз по Большому Абакану.

Крут нрав порожистых сибирских рек. Рожденные у края ледника и сбегавшие от него по крутому горному склону стремительные, хрустально-прозрачные струи несутся вниз, набирая скорость. Зажатые в каменных берегах, они перемалывают скалы, сдаваясь на время только могучим порогам. Встретив на пути своём вздыбленную земную твердь, гнет

«Вон там за синим перевалом...»

*«Вон там за синим перевалом,
В распадке между гор высоких
Бежит река, прижавшись к скалам,
И струи бьются о пороги.*

*Чуть выше — из глубин на волю
К звенящим недрам, к небу, к птицам —
Туда, туда, где солнца вволю,
Родник целительный стремится.*

*Над ним ночами звёзд свет вечный,
Зимой ревет пурга седая...
А он горячий и беспечный —
Живёт, времён не замечая.*

*Проходят люди, словно тени,
Приносят боль и, с верой в чудо,
Из поколения в поколение
Излечиваются от недуга.*

*Он вечно молодой, свободный
Их щедро насыщает силой,
Которой в глубине бездонной
Его природа наделила».*

Этим стихотворением неизвестного автора встречает каждого посетителя музей Хакасского Абаканского Тёплого ключа.

Вот что писал в 1895 году сибирский учёный, профессор, позднее ректор Томского университета Сапожников Василий Васильевич (9.12.1861 г. — 11.08.1924 г.): российский ботаник, географ и путешественник, в своих записях, привезённых им из экспедиции по Алтаю:

«Абаканский Аржань»:

К востоку от Телецкого озера, за хребтом Корбу, в долине правого притока Абакана — Бедуй, есть горячий источник Аржань. Он пользуется славой весьма целебного источника, и потому сюда стекаются больные не только с района тяготеющего к Телецкому озеру, но также и с низовьев Абакана и даже из города Кузнецка.

Путей на Аржань несколько. Легче всего попасть сюда с севера, из долины реки Лебеди, куда сходятся дороги, как с реки Бия, например из села Турочак, так и с востока...

Ключ Аржань лежит в долине реки Бедуй, в четырёх вер-

Вид купальни в 2004 году

стах от реки Абакан в полугорье левого склона долины на высоте около 1000 метров. Вокруг ключа сырой и густой кедрово-пихтовый лес...

Около Ключа построена небольшая изба, а сам Ключ заключён в деревянный 8-ми сторонний сруб около 10 футов в поперечине. Закрывая в срубе сточные отверстия можно поднять в нём воду до 1,5 футов, что и практикуют купающиеся в нём.

Температура воды Ключа около 31 градуса по Реомюру (что соответствует 37 градусам по Цельсию — А.Г.).

По приблизительному расчёту Ключ даёт более 10000 вёдер в сутки. Вода совершенно прозрачна, довольно приятно-го вкуса с лёгким запахом сероводорода. Водой Ключа пользуются для пригото-

Радиоактивность незначительна.

Лечебное действие:

— Кремниевая кислота — адсорбирует из организма токсические вещества;

— Азот (газ) — оказывает терапевтическое действие при сердечно-сосудистых, ревматических, нервных заболеваниях;

— Гидрокарбонатная минерализация — диуретические свойства и стимулирование почек;

— Гидрокарбонатные воды — ценные питьевые, влияют на секрецию пищеварительного тракта, нейтрализуют гипацидное состояние желудка, увеличивают метаболизм, способствуют растворению мочевой кислоты и её солей, увеличивают выделение мочи, понижают её кислотность, способствуют выделению песка и мелких конкрементов;

Под винтом вертолётной...

ления пищи, предпочитая её речной. В сточном ручье накапливается вязкая тина тёмного цвета, вероятно от сернистых соединений. Иногородцы (местные жители — А.Г.) зарывают в дно Ключа серебряные денги, желая оставить с ними и свои болезни. Монеты скоро чернеют, вероятно, от сероводорода. Главные посетители Аржана крестьяне с заимок по Лебедю, татары с Мрассу и Абакана. Особенно целебным Ключ считается против ревматизма. Больные стараются сидеть в Ключе возможно чаще (4 — 5 раз в день), после чего надевают шубу и пьют много горячего чая, сваренного на той же воде. Лечение получается чисто потогонное, что само по себе должно дать улучшение для ревматиков.

Помощь при кожных болезнях, вероятно, объясняется также присутствием в воде сероводорода. Вышеупомянутые данные об Аржане приводятся на основании рукописи любезно предоставившим посетившим Ключ врачом В.В. Хворовым...

Справка:

Абаканский Горячий ключ имеет тёплые (субтермальные), пресные гидрокарбонатно-кальциево-натриево-магнєвые воды с повышенным содержанием кремниевой-кислоты. По содержанию газа — источник азотный.

По спектральному анализу: литий — от 0,1 до 0,3 мг/л; стронций — от 0,8 до 1,0 мг/л.

— Литий — усиливает диуретические свойства;

— Соли кальция — уменьшают секрецию слизистых оболочек дыхательных путей.

Источник отличается от Белокурихи и других источников меньшей радиоактивностью, большим содержанием кремниевой кислоты и кальция.

Показания общепринятые на курортах с радоновыми слабоминерализованными кремнистыми термами.

Показания:

1. Заболевания суставов: артриты и полиартриты не туберкулёзного происхождения;

2. Заболевания позвоночника не туберкулёзного происхождения;

3. Болезни костей, мышц и сухожилий;

4. Заболевания и последствия травм центральной нервной системы;

5. Гинекологические заболевания;

6. Заболевания сосудов;

7. Кожные заболевания;

8. Урологические заболевания;

9. Заболевания сердечнососудистой системы.

Противопоказания общие для всех курортов: Острая фаза заболевания.

Полиартриты с прогрессирующим течением процессов в костях со склонностью к деформациям, необратимым изменениям в большинстве суставов.

«Дикий» курорт сегодня

Злобина Виктора Петровича, жителя города Черногорск (Хакасия), охотника по роду трудовой деятельности, 1953 года рождения, первый раз привезли на Ключ на вертолёте в 1976 году фактически «неходячим» с распухшими коленями от обострившегося артрита. Принимая оздоровительные ванны Ключа по три-четыре раза в день (по 15-20 минут), за неделю он снял обострение и боль в коленях. С тех пор Злобин стал ежегодно посещать источник. Затем начал развивать здесь свой лечебно-курортный оздоровительный бизнес, сплотив возле себя несколько таких же приверженцев Ключа, как и сам.

— Полностью обновил и перестроил купальню. Сделал её в виде двух квадратных бетонных ванн размером примерно около двух метров во все стороны, глубиной немногим менее метра. Облечил ванны единым деревянным брусчатым срубом в виде часовенки. Разделил купальное помещение на две части (мужскую и женскую половину) с небольшими

прихожими комнатами, раздевалками.

В каждой купальной ванне одновременно могут свободно помещаться до четырёх человек. Вода в купальных ваннах проточная и может подниматься до полуметра. Уровень воды в купальных ваннах регулируется методом перекрытия двух сливных отверстий (деревянными пробками закрываются одно или два сливных отверстия).

Лечебные процедуры посетители принимают лёжа в воде на дне ванны. Дно засыпано речным песком. Отдельных лежаков для каждого посетителя в ваннах нет, не считая общего лежака под голову каждого купающегося в ванне. Целебная тёплая вода постоянно течёт в каждую ванну по трём резиновым шлангам.

В сводке Минздрава РСФСР не отмечено присутствие в целебной воде растворённого газа сероводорода, но небольшое его присутствие в окружающем пространстве чувствуется по запаху.

Недалеко от купальни Злобин Виктор

Петрович построил вместе со своими товарищами семь добротных брусчатых деревянных домиков (пяти, шести, восьми и десяти местных). Которые используются им в качестве гостиничных комплексов для отдыхающих и лечащихся посетителей Абаканского тёплого ключа.

Летом 2018 года на Ключе стоимость одного места в новыхдомиках составляла 700 рублей в сутки (за ночь). В стоимость входило: обеспечение спальными принадлежностями (простыни, пододеяльник, одеяло, подушка, губчатый капроновый матрац), вся необходимая кухонная посуда и принадлежности, газовый баллон с таганком, электрическое освещение вдомиках в тёмное время суток до 23-х часов.

Продукты питания: овощи, фрукты, хлеб, макароны, крупу, консервы, всевозможные полуфабрикаты лечащиеся и отдыхающие привозят с собой, пищу готовят себе сами (кто может, добывает на месте рыбу, дичь и прочую живность).

Туалет на улице для всех один, дачного типа.

Кроме названных семи домиков, скажем так — коммерческого сектора, недалеко от купальни имеются ещё пять или шесть домиков (три типа железных вагончиков, обшитых изнутри ДВП/ДСП; два или три же — деревянных из круглых брёвен) принадлежащих шахте «Алардинская». В последние два/три года не обслуживаемых владельцем, оттого находящихся в плохом и запущенном состоянии. Но, проживание в них — бесплатное.

Чуть подальше от этих домиков, недалеко от старой вертолётной посадочной площадки, есть ещё один или два больших деревянных дома, принадлежащих какой-то саяногорской промышленной организации. В расположении которых, я не был, оттого и их состояния, и условий проживания в них не знаю.

Купание, то есть приём лечебных термальных процедур в купальне, на Тёплом ключе бесплатно для всех посетителей.

«...И с верой в ЧУДО...»

(Результаты пребывания и лечения на Абаканском Тёплом ключе)

О том, что в летнее время года из Аэропорта города Таштагол на Абаканский Тёплый ключ выполняются charterные рейсы вертолёт Ми-8т, я узнал лет одиннадцать назад, именно столько времени работаю я в авиапредприятии в качестве наземного авиатехника вертолёт. Почти сразу, после трудоустройства в «АЭРО-КУЗБАСС», мне пришлось принимать участие в подготовках к выполнению этих перелётов вертолёт Ми-8т, постоянно базирующегося в аэропорту города Таштагол. На Ми-8т перевозили большие группы людей на Горячий ключ, в большинстве своём это были работники угольной шахты «Алардинская», расположенной в посёлке Малиновка Новокузнецкого района Кемеровской области.

Со временем узнал я и более подроб-

ную информацию о целях и результатах почти регулярных полётов на Ключ в летнее время. Узнал, что большинство людей летят туда исключительно для исцеления недугов (радикулитно-артритно-артрозно-суставных заболеваний) целебными водами источника.

Приходилось слышать истории о том, что люди приезжали на источник на костылях и с тросточками, кое-кого туда привозили на носилках, а домой все отправлялись на своих ногах.

Истории были похожи на сказку. Но когда самому становится невыносимо, поверишь и в сказку, тем более, что всё происходящее было у меня на глазах.

Одoleвал меня радикулит ещё с молодых времён. Иногда боли были такие, что ни согнуться, ни разогнуться. Искры из глаз сыпались от боли.

В силу занятости и своего безалаберного характера я серьёзно не занимался лечением болячек, ставших уже хрони-

«Пусть порыбачат часика два», — решили пилоты

Гуляев А. Н. Первый посадка на косе реки Большой Абакан

ческими. Как у всех: походишь — поохашь, поойкаешь, поразминаешься — смотришь, через недельку полетало.

В 2004 году, когда работал я слесарем на участке Рельсоотделки в Рельсобалочном цехе КМК в Новокузнецке, меня так прихватило, что охами да ахами отделиться не получилось. Поясницу «заклинит», начало отдавать в ноги. Доходило до судорог. Пришлось пойти на Больничный и пройти через все процедуры, которые выписывают радикулитчикам в казённой поликлинике: таблетки, мази всех видов, блокады, иглоукалывание... Только особого улучшения здоровья не наступало. Врачи высказывали мнение, что левый тазобедренный сустав пришёл в полную негодность. Само собой родилось предложение о замене больного сустава, на искусственный...

В это время хорошая знакомая моей тёщи посоветовала купить в аптеке магнитоэлектрический прибор «Магофон» и им лечить свою болезнь. Она многие годы страдала от артроза тазобедренного сустава и передвигалась, опираясь на трость. Начав лечиться «Магофоном», стала ходить без трости.

Вняв доброму совету, начал и я лечиться этим прибором. Честно скажу, что мне этот прибор помог. При этом, «Магофоном» начал лечить я не только поясницу

Хариус - рыба благородная

и левый тазобедренный сустав, но и локти, и колени, поскольку начал чувствовать ноющие боли суставов и здесь.

Вот я себе и думаю: «Люди-то на Тёплый ключ летают и лечатся там, а не слезать ли туда, не полечиться ли и мне?..». Но, одно дело - подумать, а осуществить задуманное - совсем другое дело. Наконец-то всё же я решился на такой «подвиг» в прошлом - 2018 году.

Первый «залёт» на Ключ был запланирован на 24-е июля.

Для компании, уговорил я слетать вместе со мной своего старшего брата, живущего в Питере. Брат согласился и к середине июля прибыл в наши края. Дождались назначенного дня... Но, главный заказчик отменил рейс с переносом его на две недели позднее (на 7 - 8-е августа).

Дождались окончания этого срока... И вновь отмена рейса с переносом на две недели (то есть уже на 24-е августа).

Раздосадованный авиационной несерьёзностью мой старший брат ждать очередные две недели не захотел: собрал вещи и уехал в свой любимый и славный Питер-град, оставив меня с нерешённой личной проблемой и мыслью: «А мне-то что делать: лететь или не лететь одному?»

Решил так: если рейс не отменят - полечу; если отменят, то больше планировать на перелёт не буду, поскольку в авиации не принято испытывать судьбу более трёх раз. Да и время перевалит на вторую половину сентября. Из своего опыта знаю, что холодно жить в тайге и в

горах в это время года: начинаются дожди и заморозки, а потому и своевременный возврат домой может стать проблематичным. Подходит 24-е августа. Приезжаю к девяти часам в аэропорт города Таштагол и узнаю, что все договорённости пока остаются в силе. Ждём лётный прогноз погоды, там! Здесь погода лётная...

Накоротке познакомился со всеми отлетающими. Нас оказалось 13 человек, вместе со мной. С первого взгляда понял, что большинство улетающих были из одной компании и знали друг друга. Я же

посадку на следующую каменистую косу всё той же реки. Высадили ещё четырёх рыбаков, теперь уже без исключения двигателей.

После этого, вновь взлетев, вертолёт пошёл в набор высоты. Ещё минут через пятнадцать, мы, оставшиеся в вертолёте три человека, увидели в блистера пассажирской кабины, промелькнувшие под нами, несколько домиков с выделявшейся между ними толи часовенкой толи перекушкой, покрытой белой жёстью.

Пролетев над домиками, вертолёт раз-

Лётчик Пичульников А. забросил в воду блесну и почти сразу же вытянул хариуса

не знал из них никого, что несколько тревожило меня. В районе полудня мы загрузили в вертолёт свои вещи. И примерно через час вертолёт взлетел. Первую посадку выполнили минут через сорок полёта на песчано-каменистой косе реки Большой Абакан. После выключения двигателей и остановки воздушных винтов, на косе выгрузились со своими манатками шесть рыбаков.

Время возврата вертолёта на основную базу позволяло задержаться на косе в пределах двух часов, потому, летевшие на Тёплый ключ, заядлые рыбаки быстро размотали спиннинги и, облачившись в болотные сапоги, побежали к реке, рыбачить. И, надо сказать, безрезультатно: умелые рыбаки почти сразу же начали вытягивать из воды трепещущих на крючках хариусов. Порыбачив около двух часов на месте первой посадки, оставив там первую «десантную» группу, полетели мы вдоль реки дальше. Минут через пятнадцать вертолёт произвёл очередную

возврат, и, вновь пролетев над ними с обратным курсом, пошёл на посадку на хорошо просматриваемую с воздуха деревянную вертолётную посадочную площадку, которая и являлась конечным пунктом нашего воздушного путешествия. Это был Тёплый ключ.

Высадив нас (оставшихся трёх чело-

в разбора - где, чьё), перенесли первым заходом большую её часть на базу.

Как оказалось — Алардинскую базу (где проживание было бесплатным).

В коммерческом секторе, как сообщил нам появившийся администратор, стоимость проживания в сутки составляла 700 рублей за одно место.

Подумав, решили: на первые дни останемся жить в Алардинской базе.

Перенесли вторым заходом оставшуюся часть своих вещей и груза. Юрий Андреевич бегло осмотрел первые три домика, размещавшиеся в непосредственной близости от того места, где лежали наши вещи (как позднее выяснилось - рядом со «столовой»), и решил занимать левый трёхместный домик, который назывался «женским». Поскольку, ранее его занимали представители слабого пола.

Поначалу я хотел поселиться вместе со всей нашей командой. Но я по ночам храплю, и решил поселиться один в средний трёхместный, нижний домик, в котором и прожил первую неделю своего пребывания на Ключе.

Затем решил переселиться в коммерческую половину базы, поскольку в моём домике было темно, сыро и холодно, особенно по ночам. В коммерческом домике условия проживания были комфортнее: домики новые, светлые, со всей потребной мебелировкой (постельными принадлежностями, столовой утварью, газовым таганком, электрическим освещением по ночам до 23 часов). В общем, почти со всеми удобствами. Только пищу готовил сам из своих же продуктов, как и все обитатели Ключа. Обогреваются коммерческие домики, как и «алардинские», железными обогревательными печами, сделанными по образцу знаменитых «бур-

Домик алардинской базы

век) без выключения двигателей, вертолёт потрепал нас своей приличной воздушной струей, как бы сказав нам на прощание: «Счастливого отдыха и лечения, ребята», и тут же улетел дальше по своему плану.

Мы остались на лечение и отдых! На произвол судьбы остались на целых две недели в глухой и непроглядной тайге, как показалось мне... Как-то исподволь в организме возникло чувство тоски и тревоги от всего неизвестного и волнующего...

— Вы оставайтесь пока здесь, а я схожу на разведку, — сказал один из двух моих компаньонов, которого звали Юрием Андреевичем Коровиным (работника рудной шахты города Таштагола). Этим он как бы заявил, что с этого момента является нашим вожаком и лидером на всё время пребывания на источнике...

— Всё свободно, берём вещи и пошли, — сообщил он, быстро вернувшись.

— Идти далеко? — уточнил я.

— Нет, не далеко, вот здесь за кустами, — ответил он.

Собрав привезённые вещи в кучу (без

жуск», которые топят отдыхающие сами. Но в коммерческом домике — сухими «хозяйскими» дровами, стоимость которых входит в стоимость проживания.

Единственным недостатком коммерческой базы является отсутствие индивидуальных туалетов в домиках. Туалет с выгребной ямой на базе один (по типу «дачного») и находится на улице в углу ограничительной изгороди лагеря. Нужно отметить, что этот туалет ни в каком сравнении не идёт, с двумя полуразрушенными и очень захламлёнными (всевозможными отходами многолетнего пребывания в лагере людей) уличными туалетами алардинцев. К тому же, туалеты в алардинской базе находятся на значительном расстоянии от лагеря, внизу. В ночное время (при необходимости) ходить туда было и небезопасно (с точки зрения техники безопасности при передвижении по необорудованной неровной и каменистой дорожке крутой горы), и страшно вато (с точки зрения того, что в ночное время там, на свалках, могли оказаться и дикие звери, в том числе и медведи).

Наши пилоты: Каташев С.Г. (слева) и Лактохин О.В.

«...А он горячий и беспечный...»

Купальня источника Тёплого ключа
(о лечении)

Прибыли мы на Тёплый ключ во второй половине дня — 24 августа 2018 года. Погода была ясная и сравнительно тёплая. Разместились на жительство в двух алардинских домиках. Юрий Андреевич сразу же взялся за приведение в порядок кухни, установку там привезённого с собой газового баллона со сжиженным газом (бутаном, пропаном или метаном) и подсоединением к нему двухкомфорочной газовой плиты. Засветив плитку, сразу же поставил на неё большую кастрюлю с полуфабрикатом гороховой каши, приправленной говяжьей тушёнкой. Решили, что будем питаться с общего котла, а кашеварить по очереди. Мы с Алексеем Михайловичем (третьим нашим компаньоном) помогли по мелочам первому нашему кашевару, вызвавшемуся первым приступить к исполнению сей священной миссии, пошли в «баню» (то есть в купальню).

Это была единственная лечебная процедура в первый день нашего пребывания на целебном источнике. Поскольку после первого «купания» у нас последовал запоздалый и длительный «семейный» обед, перешедший в продолжительный же «семейный» ужин, с принятием горячительного и разведением на центральном кострище знакового обязательного костра.

Вход в купальню источника

Коммерческий сектор

В последствие на протяжении двух недель я ежедневно принимал целительные ванны по два — три раза в день. В итоге получилось тридцать четыре купания, со сроком пребывания в воде по двадцать — тридцать минут. По мнению бывалых, каждому лечавшемуся рекомендуется принять не менее двадцати процедур, продолжительностью 15 — 20 минут.

Температура воды в источнике, как было сказано выше, всегда постоянная и равна тридцати семи градусам. Поэтому, еслиходишь в купальную ванну с улицы в холодное время, то вначале вода воспринимается организмом как горячая.

Немного пообвыкнув, ощущаешь уже приятно тёплую: ни горячую, ни холодную воду. Присутствие в воде радона я не ощутил, поскольку не знаю, что это такое, а вот небольшое присутствие сероводорода явно чувствуется.

Если ложишься в купальной ванне под одну из трёх трубок, с вытекающей из них тёплой водой, чувствуешь, как по спине и по всему телу начинают бегать струйки газовых пузырьков, приятно щекожащих тело.

Когда уровень воды в ванне с закрытыми сливными отверстиями поднимется сантиметров на тридцать, то тело твоё «отрывается» от дна ванны, усыпанного речным песком, руки тоже начинают плавать на воде, словно поплавки.

В первые три/четыре дня пребывания на Ключе, я не ощущал никаких целительных воздействий на организм. Затем сильно заболели голеностопный сустав на левой ноге и колено на правой ноге, суставы рук, особенно локтевые. Поясница, ещё до прибытия на лечение, болела так, что повернуться со спины на бок, лёжа на кровати, было не простым делом. Приходилось подтягиваться с по-

Дорожка к источнику от домиков

мощью рук за спинку кровати либо за вертикальную стойку двухэтажных нар моего нового временного жилища: «У тебя началось обострение, не расстраивайся. Так и должно быть. Дня через три/четыре пройдёт, после этого начнётся облегчение», — успокаивали меня Юрий Андреевич и Алексей (смотритель коммерческого сектора Ключа).

И вот я, передвигаясь по лагерю с помощью импровизированных костылей, всё так же принимаю ежедневные лечебные купания и с благоговением жду истечения определённых мне трёх/четырёх дней.

Дождь: действительно, боли в голеностопном суставе и колене прекратились. Начал передвигаться по лагерю хоть и не бегом, но без палок в руках.

Но, радость и ощущение победы над недугами оказались преждевременными — ещё дня через три колено на правой ноге заболело с ещё большей силой. Так

Столовая алардинской базы

Печь в коммерческом домике

с этой болью и почти неподвижным коленным суставом я и вернулся домой, после завершения двухнедельного срока своего пребывания на Тёплом Абаканском ключе.

Выйдя на работу, ходил кое-как в ожидании обещанного улучшения. Не дождался, отправился к медикам. По предписаниям врачей испил энное количество вредных для организма таблеток и порошков, которые заливал защитными для желудка и печени капсулами, втирал в область боли мазь, сделал рентгеновский снимок правого колена. Врачи выдали мне вердикт: «смещённый артроз второй степени». Сказали, что заболевание не смертельное, жить с ним можно, необходимо только регулярное лечение магнито-электрической терапией. То есть, всё тем же «Магофоном».

К концу октября, то есть почти через два месяца после посещения Ключа, боль в колене прекратилась. Я начал почти нормально ходить. От того, что «не хватило терпения» не обращаться к врачам, не могу сказать однозначно, что же явилось для моего колена исцеляющим фактором: то ли целебные воды Тёплого ключа, то ли целительные действия таблеток и порошков, то ли действие медицинского прибора «Магофон»? Возможно, что и первое, и второе, и третье вместе сложенные.

Прощаясь в аэропорту города Таштагола, мои новые знакомые, лечившиеся вместе со мной на Ключе, сказали приблизительно следующее: «Не расстраивайся, через месяц боль из колена уйдёт, ходить будешь не хуже прежнего». Получилось, что ждать исцеления пришлось два месяца. И без обращения в больницу не обошлось. Может быть, нужно было начинать с больницы, с консультацией у специалистов? Может быть, необходимы регулярные поездки на Ключ, ведь за один раз не вылечить застарелые болезни. Боль и жжение в пояснице у меня прошли ещё на Ключе. На кровати начал переворачиваться без проблем, боли в суставах рук и ног почти не стало. Значит, в колене проблемы были более серьезные.

О впечатлениях, воспоминаниях, о днях проведённых на Ключе и говорить не приходится...

«Разгони, Бедуй, ветер с сильных струй...»

(немного о погоде и природе)

...Как мы уже говорили, что Тёплый ключ расположен на левом берегу реки Бедуй, на кругом горном склоне. С правой стороны реки Бедуй, вдали величественно возвышается двухтысячник – гора «Итель» (2264 метра над уровнем моря); по левому берегу, почти напротив лагеря Ключа, гордо возвышается другой двухтысячник – гора «Минор» (высота которой 2180 метров над уровнем моря).

Погода в горах переменчивая. В иные дни нашего пребывания на Ключе с утра светило яркое солнце, к полудню небо сплошным затягивалось тучами, начинался сильный дождь, который продолжался и ночью, а мог закончиться к вечеру. После дождя вновь начинало светить яркое солнце, и через горы перебрашивались многоярусные радуги. Потом,

га, уходящая концами крыльев куда-то за горы. Часа через два нашего любования радугой, с реки поднялся густой туман и занял всё пространство вокруг лагеря.

– Последующие два дня (28 и 29-го августа) были солнечными и тёплыми.

– Накануне 30-го августа – ночью шёл сильный дождь, с сильной грозой. Такая же погода продолжалась и днём.

– Последний день лета – 31-е августа, и, следующие за ним, два первых дня сентября, были солнечными и тёплыми.

– Третьего сентября ночью пошёл сильный дождь, резко похолодало. Утром мы увидели, что вершины двухтысячников покрылись снегом и стали белыми.

– Последующие три дня (4, 5 и 6-го сентября) также были дождливыми и холодными. Уровень залегания снега на склонах высоких гор опустился значительно

Получив это приятное известие с «Большой земли», мы начали паковать вещи в рюкзаки, мешки и сумки, не спеша, перенесли всё в район вертолётной посадочной площадки.

Вертолёт прилетел за нами своевременно, своевременно мы и улетели с Тёплого ключа домой.

...В память о посещении Абаканского Тёплого ключа, организаторы коммерческого комплекса наладили чеканку памятных медных и латунных жетонов (размером чуть больше десятирублёвой монеты). На жетонах с одной стороны изображён герб Хакасии, вокруг которого имеется надпись: «Хакасия. На Здоровье! Тёплый ключ».

На другой стороне – вид Куналыни с гербом Хакасии и надпись: «Хакасия. Тёплый ключ». Жетоны можно приобрести у смотрителя коммерческого сектора комплекса, по двадцать рублей за штуку. Это его «мелкий бизнес», как говорил он сам.

...Гнуса и комаров, во время моего пребывания на Ключе, уже не было. Но, по заверениям моих новых знакомых, летом кровососов там достаточно. Они об этом знают точно, потому что бывали на Ключе в разные времена года.

Несмотря на мои болячки, «выскакившие» в процессе лечения, всё же отдохнул я на Тёплом ключе хорошо и комфортно (по сибирским меркам).

Для меня это «лечение» было первым курортно-оздоровительным лечением на «диком» берегу горной и холодной сибирской речушки Бедуй. Не просто первым сибирским лечением, а вообще – первым лечением в жизни! Твёрдо сказать пока не могу – решусь ли я в последующие годы летать «дешиться» на Тёплый ключ? Наверное, всё же – решусь!

PS: Стоимость перелёта на вертолёт Ми-8 на Тёплый ключ и обратно (в оба конца) обошлась мне, как и другим моим компаньонам, в 19 тысяч рублей. Плюс оплата за недельное проживание в коммерческом домике...

Во время моего пребывания на Ключе, отдыхали там одновременно с нами ещё две/три такие же небольшие группы по два-три человека, которые квартировались в других ветхихдомиках, одиноко и угрюмо стоящих недалеко от купальни.

В одном из домиков жил уже около месяца некто Сергей Романович Орешков. Приехал он лечиться на Ключ на моторной лодке из хакасского села Зелёное, Усть-Абаканского района.

Некоторые посетители Ключа приезжают и на более короткие сроки, на два/три/четыре дня.

Встречал я и земляков из Прокопьевска, приезжавших туда на пару/тройку дней на моторной лодке (как я понял, приезжали они на своей моторной лодке из посёлка Абаза. В Абазу добирались из Прокопьевска на личной машине).

Современные богатые люди прилетают на Тёплый ключ на маленьких вертолётах, чтобы всего один раз искупаться в целительной воде.

Приходят пешком на Тёплый ключ и рыбаки, занимающиеся промыслом на реке Абакан. Покупавшись в тёплой воде

Сергей, шахтёр из Междуреченска в ожидании своей очереди в купальню

вдруг, с реки начинал подниматься густой туман и застилал собой всю округу.

Если говорить точнее, то...

– Первые три дня нашего пребывания на Ключе (то есть 24, 25 и 26-го августа) дни были солнечными и тёплыми, воздух днём прогревался до 20-ти градусов и выше.

– 27-го (в понедельник) погода начала портиться, с утра пошёл дождь, к полудню небо прояснилось, и начало светить яркое солнце. Русло Бедуя захватила в объятия яркая и многоярусная раду-

ниже, но на территории Ключа снега пока ещё не было. Тем не менее, мы понимали, что снег может появиться на нашем склоне в любую из грядущих ночей.

– В день отлёта, седьмого сентября, с утра погода в лагере была ясной.

Алексей Михайлович позвонил по спутниковому телефону (от смотрителя коммерческого сектора лагеря) в Таштагол, начальнику аэропорта. Получили информацию, что и в Таштаголе погода стоит хорошая, вертолёт за нами вылетает по плану – в десять часов утра.

На Таштагольской земле

Рассказы и лирические посвящения Тёплому ключу другими его посетителями

два/три дня, пешком же уходят на большую реку обратно.

Прилетевший вместе с нами на вертолёте из Таштагола (на рыбалку), между-реченский шахтёр Серёга на реке заболел. Бросив рыбалку, пришёл к нам пешком с реки Абакан, дня через три после нашего прибытия на Ключ. И всё оставшееся время безотлучно пробыл с нами. Принимал вместе с нами целительные процедуры, лечился и изгонял из своего организма привязавшуюся хворь.

Несколько раз заглядывал к нам на алардинскую базу и подолгу просиживал с нами пилот парашютист Дубровский Андрей Юрьевич, житель города Абакан.

Рассказ Алексея Михайловича Петренко — зрителя, заодно и сторожа коммерческого терминала Ключа:

«Живу я, как и Петрович, хозяин всего этого хозяйства, в городе Черногорске,

пешком, или приезжают на лошадях. По семь/восемь дней пешком идут через перевал, да ещё и больных на лошадях везут с собой.

В прошлом году привезли сюда на лодке человека, который постоянно ходил на процедуры на двух костылях. Отсюда ушёл, слегка опираясь на один костыль.

Регулярно приезжает лечиться сюда кремлёвский врач Вячеслав Мясников, который ведёт медицинскую программу на одном из каналов Центрального телевидения. То ли он родом из этих мест, то ли сознательно выделяет наш Ключ из других, не знаю. Но приезжает почти каждый год.

В этом году на Рождество чехи прислали: двадцать восемь человек — экстремалы. Отрабатывали методы и способы выживания группы людей в глухой Сибирской тайге в зимних условиях. Напи сопровождающие с ними были, тренер и врач.

Коммерческий сектор Тёплого ключа

расположенном в 12-ти километрах от города Абакан. Семья там же: жена, дети. Здесь работаем вахтовым методом по два-три месяца — по перемене, круглогодично, в основном — втроём: Петрович, его сын и я. Есть ещё несколько человек, активно сотрудничающих с нами и посильно помогающих нам, из числа любителей и постоянно отдыхающих на Ключе.

...Как-то одна бабушка приехала сюда весной на лодке. В одиночку на костылях поднялась кое-как к нам наверх. Мы в это время распускали (распиливали вдоль ствола) лесину. Так она легла на распил и заплакала. Позднее рассказывала, что в молодости работала на лесоповале (наверное «сидела»), вот её и обуяли воспоминания и чувства... После лечения ушла домой без костылей, потому как ей стало лучше.

Тувинцы регулярно приходят сюда

Потолок купальни источника

Анатолий Банных, погибший в прошлом году на Телецком озере, постоянно привозил сюда из Москвы всевозможных знаменитостей.

...Во время моего посещения Ключа, перед входом в купальню на фанерной доске объявлений красовалось выжженное и покрытое лаком, стихотворное обращение к посетителям источника, посвящённое Ключу. Тут же были прикреплены и несколько бумажных листов со стихами.

Предлагаю их вашему вниманию.

«Запомни, друг:
Среди тайги и горных круч —
Шумит, течёт Горячий ключ!
Веками в камнях он журчит,
Целебной влагой нас поит.
А сколько в нём легенд былых...
Но не о них сегодня речь,
А чтоб остались мы в живых
Нам надо этот Ключ сберечь!..»
Старожилы Ключа говорят, что автором этого стихотворного обращения является новокузнецанин Сергей Суворов, раньше регулярно посещавший Ключ.

Поэт Николай Миронов, 1962 года рождения, житель города Осинники, Кемеровской области (п. Сарбала), лечившийся на Ключе немногим ранее меня,

Две радуги Тёплого ключа

тоже оставил свои посвящения ему:

На Горячий, на ключ...

Пад зелёной тайгой нависает туман,
И кедровой волною вдаль бежит океан.
Он стремится в природу из земных,
Здесь круч,
Наш горячий источник исцеления Ключ!

Здесь порою тревожно, здесь глухая тайга,
И добраться возможно не во все времена.
Но уж если добрался —
станешь бодр и могуч.
Потому мы стремимся —
на Горячий, на Ключ!

В буреломах таёжных повелитель —
медведь!
Даже если не тронет, можно так умереть
От банальной простуды,
что подхватишь в пути.
Но, никто здесь не скажет:
«Хочешь жить — заплати!»
15.08.2018 год.
Аларда, Кемеровская область.

Абакан

Абакан, Абакан, я сегодня не пьян,
Я сегодня к тебе на пути.
Пью настоев дурман и таёжный туман,
Помогает надежда дойти.

Утренний туман на Тёплом ключе

Взяв смиренную тишь,
водной гладью глядишь,
Валуны, как печали глаза.
Кротость вод не хранишь,
в перекатах шумишь,
И в потоках струится слеза.

Ты, как мудрый шаман,
мой родной Абакан,
Не берут нас с тобою года.
От воды твоей пьян, поднимая стакан,
Пью за дружбу с тобой навсегда.
11.08.2018 год.
Аларда, Кемеровская область.

БЕДУЙ

(песня)
Ах, Бедуй, Бедуй, жизнью не балуй,
Не пугай седую волной.
Вновь спускаясь с круч, станешь ты могуч,
Разливаясь ранней весной.
Почью ты не спишь, по камням шумишь,
В темноте находишь пути.
У подножья гор, затеваешь спор,
К Абакану хочешь дойти.

Разгони, Бедуй, ветер с сильных струй,
Вертолёт прими напор.
Дома есть друзья, но забыть нельзя,
Про Бедуй средь Саянских гор.
22.08.2018 год.
Аларда, Кемеровская область.

Книга о великом подвиге

Анатолий Гуляев

Как рождалась корабельная авиация России

В 2018 году увидела свет вторая книга члена Союза журналистов России Анатолия Гуляева - «Как рождалась корабельная авиация России».

Книга была представлена читателям Прокопьевска и Новокузнецка.

Первыми читателями книги стали однополчане автора, служащие или служившие ранее в Феодосийском лётно-испытательном центре. Они высоко оценили значение мемуаров полковника ВВС в отставке Анатолия Гуляева, прослужившего в ГЛИЦ города Феодосия четверть века.

Зная не понаслышке о работе Центра, о тяжелом ратном труде лётчиков-испытателей, штурманов, техников, Анатолий Николаевич рассказал об истории зарождения, развития корабельной авиации, сосредоточив своё внимание на испытаниях самолётов, необходимых для выполнения боевых задач в условиях их базирования на тяжёлых авианесущих крейсерах типа «Адмирал флота Советского Союза Кузнецов».

В книге собраны сведения о военных и гражданских лётчиках-испытателях самолётов, в хронологическом порядке размещены рассказы о различных этапах в жизни Феодосийского лётно-испытательного центра. Не забыты и трагические годы распада Советского Союза и уничтожения самой могучей армии в мире.

Лётчики-испытатели определили статус новой книги Анатолия Гуляева, как книги-энциклопедии.

Немного позже книга была представлена читателям города Прокопьевска — малой Родины автора. В Первой городской библиотеке собрались почитатели творчества Анатолия Николаевича. Открыта презентация была небольшим фильмом о лётно-испытательной работе в СССР. Уникальные кадры советской кинохроники позволили собравшимся чуть-чуть заглянуть в некогда закрытую для публикаций тему. Зазвучала песня «Огромное небо» в исполнении дуэта «Созвучие» Игоря и Татьяны Жейнрок.

Перед читателями выступил бывший начальник штаба Центра, в котором служил Анатолий Николаевич, полковник в отставке Кошеченко Валентин Кузьмич, ныне проживающий в городе Барнаул. Он немного рассказал о том, что весь коллектив Центра был нацелен на получение лучших результатов испытаний. Также дал оценку вышедшей в свет книги своего сослуживца.

Вячеслав Иванович Елатов подробно остановился на каждой части книги, дав оценку как профессиональный литературовед. Особо Вячеслав Иванович отметил пятый раздел, в котором помещены рассказы автора. В этом номере ЛХГА «Усятская россыпь» помещена объёмная статья Вячеслава Ивановича «Вертикаль», в которой автор ведёт разговор о положительных и отрицательных явлениях в современной литерату-

ре. Елатов В.И. в своей статье высоко оценивает новую книгу Гуляева А.Н. «Как рождалась корабельная авиация России».

Присутствующие внимательно выслушали рассказ самого автора о том, как создавалась книга, о его службе, литературном творчестве.

Лилия Клапатун, прокопьевская поэтесса прочитала стихи, посвященные всем творческим людям.

В завершение вечера Анатолий Николаевич подписал свои книги читателям.

В марте состоялась презентация книги Анатолия Гуляева «Как рождалась корабельная авиация России» в Доме творческих союзов Новокузнецка. Встречу с читателями организовал Новокузнецкое отделение Союза журналистов России. Встречу открыла секретарь Союза журналистов Надежда Бельман. Она немного рассказала о биографии Анатолия Николаевича.

Собравшиеся с большой теплотой отнеслись к рассказу автора о творческом пути, о причинах побудивших его написать столь серьёзный труд. Читателей интересовали творческие планы Анатолия Гуляева, предлагалась реальная помощь в подготовке следующей книги. И, конечно, все желающие с удовольствием получили в подарок столь замечательную книгу.

О чем эта книга?

О подвиге! О подвиге людей, которые создавали военную мощь Советского Союза, нашего Отечества. Говорят: «Кто властвует в небе, в море и на земле, тот в состоянии защитить своё Отечество, свой народ». Именно об этом книга члена Союза журналистов, полковника ВВС в отставке, главного редактора газеты Альманах «Усятская россыпь» Анатолия Гуляева.

Книга по праву является уникальной по тем материалам, которые рассказывают о сложной и крайне опасной работе лётчиков-испытателей. Анатолию Николаевичу посчастливилось служить в Феодосийском лётно-испытательном центре, в котором и проходили испытания военных самолетов и вертолетов, отрабатывались навыки управления воздушными судами.

Молодым лейтенантом он прибыл с женой в Феодосийский лётно-испытательный полк и прослужил в нём 22 года. Его путь от лейтенанта до полковника не изобилует спокойствием. Было всё: радость благополучного завершения испытаний, и гибель товарищей, удачи, аварии и авиакатастрофы.

Вот об этом книга.

Автор рассказывает о небесных войнах, которые укрощают стальных птиц, доводят их до совершенства, зачастую

рискуя собственными жизнями.

Во время испытаний 8.09.1980 года погиб в Южно-Китайском море Заслуженный лётчик-испытатель СССР, космонавт-исследователь Кононенко Олег Григорьевич. В том же 1980 году погибли Кулешов и Стрельников, в 1981 году — Белокопытов Н.П.

Посадить самолет на взлетную полосу аэродрома требует больших навыков от пилотов, а сделать то же самое, но на палубу авианосца в открытом море, или

океане — это ювелирная работа.

Громадный авианосец «Адмирал флота Советского Союза Кузнецов» нам кажется исполином, но в океане — просто крохотное зёрнышко. Взлететь с его палубы и, после выполнения задания, посадить самолет на короткую по земным меркам палубу — для этого требуются мастерство и абсолютный профессионализм. Лётчики-испытатели проводят серию взлётов и посадок, чтобы военные лётчики могли в любых условиях совершать боевые вылеты.

Люди и судьбы — вот основа книги.

Третья часть книги возвращает нас в жестокие девяностые годы, когда горстка чинуш разваливала могучее государство СССР и ввергла его в пучину беспредела и передела.

Брошенные на произвол судьбы, как выживали и как выжили воины — и об этом речь ведёт автор в третьей части книги. Читая эту главу, понимаешь, что наши беды в девяностые ни в коей мере не равны, тому, что пережили преданные властью люди, оказавшиеся в одночасье на территории чужого государства.

Книга — энциклопедия, книга — открытие. Книга о великом подвиге коллектива Центра во имя спокойствия целой страны.

Людмила Танкова,
член Союза журналистов России.

Отзывы на книгу

Гуляева А.Н.

«Как рождалась корабельная авиация России»

Уважаемый Анатолий Николаевич!

С интересом прочитали замечательную книгу «Как рождалась корабельная авиация России (Исторические мемуары, рассказы, стихотворения).

Честь первопроходцев в испытаниях корабельной авиационной техники, безусловно, принадлежит 3-ему Управлению ГК НИИ ВВС им. В.П. Чкалова, ныне Испытательному Центру (морскому) 929 ГЛИЦ МО РФ им. В.П. Чкалова, которому Вы посвящаете эту книгу. А потому огромное спасибо за этот кропотливый, творческий, писательский труд.

Проделана огромная работа. Сколько дней и ночей нужно было посвятить работе, чтобы собрать, переработать, посвоему осмыслить всё собранное и, с высоты своего опыта, написать такую книгу. Почти 600 страниц, а ведь это малая толика истории нашего Центра, истории становления корабельной авиации страны. Это не должно быть предано забвению, и именно этому способствует Ваша книга. Вы профессионально и увлекательно пишете о работе и судьбах своих товарищей, о том, что значила эта работа для Вас лично, какое место заняла в Вашей жизни и судьбе.

Особенно такие книги нужны молодым авиаторам, поскольку именно им предстоит беречь и развивать корабельную авиацию будущего. Им продолжать дело, начатое старшим поколением, штурмовать небо над обширными просторами морей и океанов.

Командование и личный состав Центра благодарит Вас за неравнодушие, неуспокоенность, за Память. Желаем дальнейших творческих успехов, рождения под Вашим пером новых страниц о нашей истории, хорошей прозы и стихов.

С уважением, от имени личного состава Центра

Начальник

Испытательного Центра (морского)
войсковой части 15650,
Заслуженный военный лётчик
России,
полковник Соколенко В.

«Земля всегда считала цветом нации тех: кто был, кто есть, кто будет в авиации...»

Феликс Чуев (поэт)

В предлагаемой читателям книге Гуляева А.Н. «Как зарождалась корабельная авиация России» раскрывается процесс создания и проведения испытаний в течение нескольких десятилетий авиационно-морского вооружения в бывшем Советском Союзе. Автор сам участник этих событий, в 3-ем Управлении ГК НИИ ВВС им. В.П. Чкалова (ГЛИЦ ВС Украины) он прошёл путь от рядового техника до заместителя начальника этой организации по инженерно-авиационной службе.

Книга Гуляева А.Н. «Как зарождалась корабельная авиация России» — четвёртая работа, которая отражает специфику работы одной из старейших испытательных организаций страны (НИИ ВВС, НИИ-15 ВМФ, ЛИИ им. М.М. Громова, НИИ-30 и других), 3-его Управления ГК НИИ ВВС им. В.П. Чкалова.

Первая книга: «Взлётная полоса длиною в жизнь» Героя Советского Союза Заслуженного лётчика-испытателя СССР полковника В.Н. Кондаурова вышла в 2000 году. Это не только хроника жизни человека летающего, лётчика-испытателя, но ещё

и страница развития отечественной реактивной авиации второй половины 20-го века в первом и втором Управлениях ГК НИИ ВВС им. В.П. Чкалова.

Вторая книга: «Испытатели — «Альбатросы» в объятиях двух стихий» Заслуженного штурмана-испытателя СССР Нархина В.Н. увидела свет в 2002 году. Выпущена к 70-ти летнему юбилею 3-его Управления ГК НИИ ВВС им. В.П. Чкалова (НИИ-15 ВМФ, ГАНИЦ ВС Украины), в ней в хронологическом порядке приведён обзор испытаний, исследований отечественной опытной, модифицированной, серийной авиационной техники и вооружения морского назначения, больших авианесущих кораблей и судов с авиационным базированием, проведённых в 3-ем Управлении. Эти исследования опираются на документы отражавшие результаты создания техники и вооружения на различных этапах работы (государственные акты, лётно-штурманские оценки и заключения и другие). В книге повествуется об основных этапах истории 3-его Управления, о тяжёлом повседневном труде военных испытателей организации, людях в шинелях, давшим путёвку в небо многим авиационным и морским комплексам.

Третья книга: «Феодосия — авиация и космонавтика» (время, события, люди), вышла в 2011 году. Книга написана под редакцией заместителя начальника 3-его Управления ГК НИИ ВВС им. В.П. Чкалова по научно-испытательной работе кандидата технических наук Кирихина А.К. В книге лётчики, штурманы, инженеры-испытатели, конструкторы, научные работники, руководители предприятий рассказывают о наиболее ярких событиях в период создания авиационной и космической техники, её творцах, космонавтах, живших и работавших в городе Феодосии и его регионах.

Книга Анатолия Николаевича «Как рождалась корабельная авиация России», как он сам сказал, носит характер мемуаров. Автор уделит много внимания лётно-испытательному составу 3-его Управления ГК НИИ ВВС им. В.П. Чкалова и Министерства авиационной промышленности, проводивших конкретные испытания техники по морской тематике на нашей базе. Как специалист инженерно-авиационной службы 3-его Управления, проводившего лётные испытания и исследования, он больше уделит внимание испытателям. Но, как и у меня, мало уделено внимания работе нашего труженика — инженерно-техническому составу испытательного авиационного полка аэродрома Кировское. Ко мне было много претензий от инженеров, техников и механиков полка, что я не указал их фамилии. А причина в том, что при написании книги я работал с актами испытаний, в которых указаны фамилии только ведущих и ответственных специалистов (лётчиков, штурманов, инженеров), а выдумывать от себя я не мог и не имел права.

С большой теплотой, инженер-испытатель кандидат технических наук Загордан А.М. (4-е Управление ГК НИИ ВВС им. В.П. Чкалова) в своей книге «Военные испытатели вертолётчиков» отзывается о лётно-испытательном составе, об инженерах и техниках, проводивших конкретные испытания, написанная на основе своих дневниковых записей.

Хорошо написана Анатолием Николаевичем пятая часть книги — «Литературно-художественная россыпь». Чувствуется рука уже мастера слова и рассказа.

Книга А.Н. Гуляева «Как зарождалась корабельная авиация России» принесёт большую пользу как испытателям, так и всем, кто интересуется авиацией и её будущим, вызовет интерес к профессии испытателя, окажет благотворное влияние на патристическое воспитание молодёжи

и привлечёт её к Авиации.

Хочется пожелать Анатолию Николаевичу дальнейших творческих успехов, побольше сил, здоровья и новых книг!

Суважением Заслуженный штурман-испытатель СССР полковник в отставке Парахин В.Н.

Город Феодосия. 26 ноября 2018 г.

Уважаемые издатели книги!

Выражаем искреннюю признательность за Ваше содействие выходу в свет книги Гуляева Анатолия Николаевича «Как рождалась корабельная авиация России». (Исторические мемуары, рассказы, стихотворения).

С давних пор мечта о небе, мечта о крыльях не давала покоя человеку, будоражила его воображение. И самые невероятные, сказочные идеи рождались в его голове. Мечты становились явью, делом, потом историй.

Какую замечательную, интересную по стилю и содержанию книгу написал Гуляев Анатолий Николаевич. И как это важно, чтобы книгу прочитали как можно больше людей, особенно молодёжь. Ведь по сути, очень мало известно об этой интересной, тяжёлой, опасной и такой романтической работе испытателей, часто засекреченной, а потому со временем зачастую забытой. А это судьбы людей, творящих историю страны.

Анатолий Николаевич пишет именно о них, о каждом, с кем пришлось служить, заниматься испытательной работой. Автору посчастливилось самому стать частичкой истории, её «делателем», создателем истории авиации. Он много лет служил и работал с интересными людьми в уникальной организации — Испытательном Центре. Он — один из них!

Очень украшает книгу пятая её часть: «Литературно-художественная россыпь». Это дополнение к содержанию книги. Получаешь много интересной информации, донесённой автором через призму прожитых лет и своего жизненного опыта, своего отношения к той или иной ситуации, что делает автора ближе читателю, его собеседником.

Хочется пожелать Анатолию Николаевичу оставить творческой личностью с горячим сердцем и интересной душой. И пусть всё это помогает ему в жизни творить, мечтать, гореть, радовать людей своим творчеством.

Желаем новых открытий, новых произведений, новых книг.

С уважением и благодарностью вам и автору книги Дмитриев Олег Петрович, полковник в отставке, кандидат технических наук,

Дмитриева Галина Николаевна. (в описанные автором времена — заместитель начальника Испытательного Центра по научной работе и заведующая научно-технической библиотекой).

05.06.2018 год.

Тюльпанова Валерия Михайловича уроженца г. Осинники Кемеровской области (одноклассника Гуляева А.Н. в Ачинском АВАТУ, 11-й роте — 1972 года выпуска, заочно окончившего в 1980-х годах Исторический факультет Кемеровского государственного университета).

«Толя, с удовольствием окунулся в мир твоей авиационной жизни.

Мне понравилось! Решил создать пробную рецензию на твою книгу, в рамках своего кругозора в литературном жанре.

Есть поговорка «не суди о книге по обложке». Я с этим не согласен, потому что физические данные книги напрямую влияют на удобство чтения и первое впечатление.

В целом книга вышла любопытная.

Достойная работа, показавшая нам много забытых страниц истории советских ВВС от 30-х до 90-х годов прошлого века.

Предлагаем вниманию читателя воспоминания полковника авиации в отставке Гуляева Анатолия Николаевича шаг за шагом раскрывают историю жизни простого парня из Кузбасской глубинки, поднявшегося до управленческих высот Феодосийского лётно-испытательного Центра (ЛИЦ) и исполнившего свой долг перед Отечеством до конца. История жизни Гуляева А.Н. одновременно стала и историей его военной службы, и разделить эти два понятия невозможно.

Первые страницы посвящены его постепенному росту в армии — от курсанта авиационно-технического училища, до специалиста — военного авиационного техника. Вторая часть: о службе в Феодосийском лётно-испытательном Центре (ЛИЦ). На мой взгляд, вторая часть (о службе), гораздо интереснее, чем первая. Она написана более естественно, можно узнать о жизни и условиях службы советских офицеров в отдалённых гарнизонах, включает интересные подробности. Автору, как и многим людям его поколения, «повезло» пройти через целую кучу разных реорганизаций и реформ Вооружённых Сил, которые зачастую очень больно обходились нашим военным.

Книга носит больше дневниковый характер, хотя уровень видения проблем гораздо глубже, так как самостоятельной тематикой даны интересные портреты авиационных военноподполковников (лётчиков, инженеров), под чьим руководством работал автор.

...Издание снабжено подробными (составленными самим автором) примечаниями, стихами, фотографиями из семейного и служебного архивов.

Книга написана живым образным языком и представляет несомненный интерес, как для массового читателя, так и для специалистов. Можно рекомендовать её всем читателям, интересующимся историей нашей армии, авиации и всей страны в целом.

Друг курсантской юности Тюльпанов В.М. г. Чита.

«Уважаемый Анатолий Николаевич!

С огромным удовольствием и интересом прочёл Вашу книгу «Как рождалась корабельная авиация России»!

С потрясающей точностью и вниманием к деталям описаны многие факты истории корабельной авиации и биографии людей, находившихся в эпицентре интереснейших событий развития этой самой романтической ветви великой отечественной авиации!

Многие случаи, описанные в книге, были мне известны и ранее, но даже они поданы с очень важными подробностями, иногда принципиально меняющими моё прежнее их восприятие.

Большинство персонажей книги знакомы мне, и, читая книгу, я испытывал тёплые чувства, вспоминая своих друзей. Не хочется быть банальным, но действительно создается ощущение возвращения в молодость, в круг этих прекрасных, трудолюбивых и по-настоящему героических людей.

Из книги так же узнал много нового и интересного. Некоторые факты я не мог знать, так как непосредственно в тех событиях не участвовал, или не служил ещё в то время.

Подробная картина зарождения и развития корабельной авиации страны, воссозданная в книге, даёт возможность читателю получить чёткое представление об истории и людях, сделавших сказку былью.

Книга абсолютно точно претендует на энциклопедическое описание становления корабельной авиации страны. Тем интереснее воспринимается пятая глава,

погружающая читателя в атмосферу тех лет и содержащая истории о людях, служивших и живших в то время. Живость и добротный юмор автора в сочетании с добрым и внимательным отношением к описываемым персонажам и их личным историям характеризует все рассказы пятой главы.

Подборка фотографий так же заслуживает отдельной благодарности. Тогда мы не очень часто фотографировались, поэтому у меня, например, нет вообще фотографий времён службы в Кировском. Родные лица людей, с кем мне повезло служить в Крыму, я долго рассматриваю, открыв эту замечательную книгу. Кстати, я носил морскую форму со времён своей службы в авиации ВМФ. Фотографий в форме ВВС у меня нет. В конце службы меня — так заставили «переселиться». И вот я с удивлением увидел здесь свою единственную в жизни фотографию в форме ВВС.

Подводя итог, хочется сказать, что, читая книгу, я погрузился в интереснейшее, захватывающее и информационно насыщенное повествование. Подобного удовольствия от чтения я не испытывал давно. Спасибо большое Вам, Анатолий Николаевич, за Ваш труд и за любовь, какую вы вложили в эту книгу!

С уважением и признательностью, в том числе и за подаренный мне экземпляр книги с дарственной подписью автора (для меня это большая честь!)

Бывший старший лётчик-испытатель 1 АЭ гвардии подполковник, Заслуженный лётчик-испытатель России Рябов Геннадий Анатольевич. 22 ноября 2018 г. г. Воронеж.

Сообщение из города Вологда, от бывшего военнотруженика Феодосийского ЛИЦ: ведущего-инженера одного из испытательных отделов, позднее начальника Планового отдела штаба Феодосийского ЛИЦ — подполковника (в отставке) Мартыненко Александра Дмитриевича.

21.11.2018 г. «Добрый вечер, Анатолий! Получил твою книгу и газеты, огромное спасибо! Даже не могу себе представить тот огромный объём работы, который ты проделал. Я сегодня только успел внимательно её пролистать и кое-что прочитать. Анатолий, могу сразу сказать одно: Книга уникальная по своему содержанию, не боюсь этого слова.

Написана с душой, это чувствуется. Удивительно, как ты сумел объединить в ней и историю, и политику, и испытательную работу, и биографии, и житейские моменты, и так далее. Причём, всё это так гармонично взаимодействует между собой, что книга захватывает с первых страниц. Я обязательно всю её прочитаю, так как она этого стоит. По мере чтения, если позволишь, буду делиться с тобой своими мыслями. Ещё раз огромное спасибо автору с большой буквы!

04.12.2018 г.

Мне очень понравились рассказы из блока «Литературно-художественная россыпь» — пятая часть.

Честное слово, я буквально зачитываюсь ими. Рассказы ты сам придумал, или они связаны каким-то образом с реальными событиями?

...Я думаю, что рассказы украсили содержание книги и очень органично вписались в её содержание. Ты, наверное, первый автор, который объединил в своей книге историю, героев, бытовую жизнь, художественную прозу, стихи, свою биографию, биографию своего края и многое другое. Очень интересный материал о судьбе всех нас во время развала СССР (многого я узнал из книги впервые). Читаю дальше.

Мартыненко Александр.

Николай МИРОНОВ

Литературное творчество Николая Миронова многогранно. Серьезные стихи на военную тему перекликаются с лирическими произведениями о природе и родном крае. Любовная лирика соседствует с шуточными стихами. Литературный язык его прост и доступен. Всё творчество Николая Миронова пронизано верой в торжество справедливости. Баллада «Солдатские судьбы» является совместным трудом с поэтом Александром Крёмнёвым. В балладе динамичные эпизоды боёв тонко переплетаются с любовной лирикой, что доказывает вечность человеческой сущности и торжество добра над зверствами фашистов. Автор является членом поэтического клуба «Кедр», много времени отдаёт сочинению музыки. Он пишет песни на свои стихи и на стихи своих одноклубников «Кедровцев». Участвует в поэтических и песенных фестивалях Кемеровской области и Алтайского края.

Евгения ШКАЕВА, член Союза Кузбасских писателей.

С мухой не пью!

Блики огня зловеще отсвечивали в крошечной темноте, хотя пламя разгоралось вяло, не желая лизать своими длинными языками срубленный из осины сарай, пропитанный каким-то противопожарным составом. Однако внутри сарая аппетит у огня был неплохой: сухие берёзовые веники пошли «в охотку» и с превеликим удовольствием.

Находившейся в сарае утвари изрядно досталось - деревянный мелкий бочонок-лагушок обгорел и выглядел неприглядно и сиротливо. Про содержимое лагушка и говорить нечего — обгорелые головёшки плавали в жидкости, напоминающей свежизготовленный дёготь.

Такая картина предстала перед хозяином строения и прибежавшими ему на помощь соседями. Пожар в ночи — это явление, потому народ был возбуждён.

Чувство удовлетворения, по мере ликвидации пожара, проявлялось на лицах спящих людей. Пожар был ликвидирован, можно сказать, в зачатке. Строение осталось абсолютно целёхонким, а что до внутреннего содержимого, то, на фоне грозившей всем беды, ущерб вызывал даже иронию. Народ расхохотался с чувством удовлетворения досматривать сны...

Утром хозяин сарая, Пантелей Пименов, человек в возрасте семидесяти с небольшим лет, с седой окладистой бородой, произвёл осмотр строения. Осмотр если и расстроил духовно закоренелого кержака, то лишь отчасти.

Житейский путь его не изобилдовал радостями в бытовом плане, ещё были свежи воспоминания о гонениях кержаков за веру, потому он воспринимал всё с определённой философской уравновешенностью, что не преминуло отразиться на его спокойном и доброжелательном характере. Попросту он был добр и по-человечески порядочен. Всё это вкупе снижало ему славу хорошего и надёжного соседа.

В результате осмотра сарая внимание его привлекла любопытная вещичка: на полу валялась чуть обгоревшая зажигалка. В те времена это была модная штука, и стоила приличных денег, вдобавок во всей округе зажигалки не продавались. Было время тотального дефицита, и подобный товар не доходил до рядовых покупателей, оседа в промтоваровских закусках. Основная масса мужиков пользовалась спичками, благо этого добра было навалом, ведь лесная промышленность работала только на внутренний рынок.

Участковый, прибывший на следующий день к деду Пантелею, следов поджога не обнаружил, а хозяин, по какому-то соображению не стал показывать обнаруженную зажигалку. На это у него имелись свои соображения, которыми дед не пожелал делиться с представителем власти. Дело было замято и, ввиду своей незначительности, не получило официаль-

ной огласки. В дальнейшем оно благополучно растворилось в потоке других, более серьёзных дел...

Сашка Сафонов жил через два дома от деда Пантелея. Симпатичный, стройный парень, чуть больше среднего роста, жил обычной для деревенского молодого человека жизнью. Работал на шахте в соседнем посёлке, поэтому каждое утро шёл на станцию, чтобы сесть на поезд и добраться до шахтовой остановки. После небольшой пешей прогулки, Сашка прибывал на своё родное предприятие.

Дед Пантелей с графиком Александра был знаком, и в один из солнечных дней он застыл в ожидании у калитки. Увидав Александра, дед приоткрыл калитку и, интригуяюще подмигивая, стал жестом приглашать его к себе. Обычно такая манера общения была свойственна собутыльникам. Сашка интуитивно догадался, в чем дело, но правила этикета предполагали создавать непонимающий вид.

Парень смело шагнул во двор. Двор и постройки усадьбы с виду были обыкновенными. Но это только с виду. На всех постройках имелся своеобразный отпечаток. Так как дед Пантелей был кержацкой веры, а у них в почёте было затворничество, то это затворничество и отпечаталось на облике строения: окон в доме не было. В верхних частях сруба были проделаны пропилы в брёвнах, через которые в дом поступал дневной свет.

Сам хозяин, пусть с таким духовным и житейским своеобразием, воевал в Великую Отечественную войну. Воевал он видать толково и храбро — в праздники на его слегка помятом костюме сверкали три медали и орден Красной звезды. Про войну он, как и большинство фронтовиков, не рассказывал, да и красноречием не отличался. Дед был немногословен, прост и скромен.

На войну ушёл и его сын, да так и не вернулся. Было получено извещение, что он пропал без вести. Сын был единственным ребёнком у Пантелея, хотя в кержацких семьях это было, скорее всего, исключением. Так уж распорядилась судьба.

Может быть, эта утрата как то воздвигала на духовное состояние деда Пантелея: он видел в Сашке некоторые черты и повадки, схожие с пропавшим сыном, поэтому он любил постоить с ним, поговорить. После этого что-то уравновешивалось в кержацкой душе, приходило в норму. Вот и сейчас выпал удачный случай: пиво в лагушке «дошло» и играло пузырьками даже от легкого прикосновения.

В этом деле, деду не было равных. Технология приготовления передавалась в семье из поколения в поколение, знания подкреплялись своеобразной энергетикой изготовителя, что не изучишь и не приобретишь ни в каком учебном заведении.

Повод пригласить существовал. Широким жестом дед Пантелей распахнул ка-

литку, и Сашке только и оставалось войти во двор. Дед повёл его за собой в сарай.

Сарай представлял довольно опрятное строение: здесь был установлен верстак, на котором дед Пантелей при необходимости строгал доски. Ко всему прочему в последнее время сарай служил пристанищем для лагушка с ядрёным пивом. Угощение, по деревенским меркам, было из рядовых, но носило отпечаток обязательности. Кержаки, как уже говорилось, народ своеобразный. Людям другой веры не позволяли пить из своей посуды — для этого случая припасали посуду общего пользования, которая была отнюдь не из китайского фарфора, а иногда имела вид подобранного утиля.

Конечно, дед Пантелей не имел против Сашкиной калитчатой чего-либо затаенного, но выработанный жизненный уклад и состояние «под мухой» не способствовало пониманию мелочей: таких как употребление пива в неприглядной посуде — он думал о последующей за употреблением эйфорией, о душевном разговоре. Поэтому Пантелей достал общедоступную кружку, найденную, по определению Александра, на помойке, и черпнул ею из лагушка.

Сашка с рождения был чистюлей, поэтому его охватило чувство брезгливости, и он не знал, как отвернуться от этой кружки. На свою удачу, парень увидел, что в кружке, на бронзовой поверхности пива плавают крупная муха. Решительно поставил кружку и твердо произнёс: «С мухой пить не буду». Дед Пантелей был обескуражен, а Сашка бодрой походкой пошёл к калитке. Визит закончился для обеих сторон неожиданно быстро...

На следующий день Сашка шёл с работы в весёлом расположении духа. Подходя к дому деда Пантелея, он заметил, что сосед снова стоит у калитки. Когда Сашка приблизился, калитка распахнулась, и на лице деда, частично скрытом окладистой бородой, заиграла лучезарная улыбка.

Пантелей немного сбивчиво, но настойчиво, вкратце пояснил, что он всю бражку процедил, так что пить можно, чистоту он гарантировал.

«Ты бы лучше кружку заменил», — подумал про себя Александр, глядя, как дед Пантелей брался именно за неё. Открыв лагушок, хотел зачерпнуть самодельного пива. Всё внутреннее естество Сашки протестовало, а мозг лихорадочно искал спасительный выход. На глаза неожиданно попала подходящая в процессе жизнедеятельности муха. Мозг Сашкин ещё не осознал удачного момента, а рука уже протяла «спасительницу».

Злополучная кружка, наполненная золотистым пивом, предстала перед физиономией Сашки. Дед Пантелей с долей торжественности ждал последующих действий. «Спасительница» была зажата у

Сашки между пальцев и, когда он поднял кружку свободными пальцами, «дебют» мухи состоялся.

Она плыла, на взгляд Александра, красиво и торжественно.

«Что, опять пить с мухой?» — вопрос повис в воздухе...

Дед Пантелей, онемев и не находил, что сказать. Сашка подsunул кружку ближе к лицу деда — факт был налицо. Дед Пантелей что-то прошамкал в оправдание. Сашка, поставив кружку, с видимым сожалением пошёл к выходу. «Баталья выиграна», — подумал Сашка, но что-то подсказывало ему, что это торжествовать рано.

«Надо бы принасти муху в кармане, а то дед Пантелей может возобновить попытки с угощением», — думал про себя Александр, бодро шагая к своему дому. Зайдя на подворье, он прихлопнул зазевавшуюся муху и положил её в карман куртки. Интуиция его не подвела.

На следующий день дед Пантелей опять ждал Сашку у своей калитки. Его пронительный взгляд как луч прожектора пронизывал окрестности. Не иронизируя, можно было сказать, что от его взгляда не пролетит и муха.

Сашка приближался к дому деда Пантелея, уже предвидя его приглашение.

Муха была зажата между пальцев и ждала своего звёздного часа. Дух авантюризма веселил Александра. Однако и «соперник» не дремал.

Когда кружка, наполненная доверху домашним пивом, предстала перед Сашкиным носом, дед Пантелей с видимым удовольствием произнёс: «Всё чистенько — мух нет». Такой расклад никак не устраивал Александра, однако цепкий взгляд деда Пантелея лучом скользил по Сашкиным пальцам.

Александр максимально сконцентрировался и беззаботно произнёс: «Лесосток что-ли плавают от хмеля». Быстрым движением указательного пальца он якобы удалил его. Муха удачно спикировала в кружку и победно поплыла по поверхности. Для Александра её заплыв на номинал бравого прохождение крейсера. «Что это? Муха?» — с этим возгласом кружка мгновенно предстала перед лицом деда Пантелея. Увиденное так поразило деда, что он на некоторое время лишился дара речи. Сашка по уже пройденному сценарию поставил злополучную кружку на стол и удалился восвояси — его сопровождали лишь удивленные глаза деда Пантелея.

За калиткой, на некотором удалении от дедовского дома, его прорвал неудержимый хохот — рядовое соседское приглашение переросло в противостояние двух упёртых мужиков. Александр чувствовал продолжение истории...

Ночь выдалась тёмная, безлунная. К сараю деда Пантелея медленно кралась фигура человека. Немного задержавшись у удверного замка, фигура бесшумно скры-

лась в дверном проёме. Щёлкнула зажигалка, и в темноте нарисовалась физиономия Александра (это, безусловно, был он). Он искал кружку, но её ещё днём забрал домой дед Пантелей и оставил в сених. Новые обстоятельства вынудили Сашку искать какое-то решение. На ум пришёл прочитанный в книге один случай. Сашка с удовольствием стал мастерить приспособление к заранее припасённым мухам...

Наутро дед Пантелей с удивлением обнаружил, что замок сарая открыт. Обследовал сарай и с удовлетворением отметил наличие всего, что там было, им овладели смутные подозрения относительно своей памяти, на которую он до сей поры не жаловался. Однако годы, должно быть, брали над ним верх.

Дед подошёл к лагушке с пивом, снял крышку. Взору предстала бронзовая, чистая поверхность деревенского напитка. Колыхнув лагушок (на всякий случай), ещё раз глянул на безмятежно чистую поверхность и, задумавшись, плотно закрыл содержимое. Вечером дед стоял у ворот как на посту в карауле. Сашка шёл широкой, по-флотски раскачивающейся, походкой. Ему не надо было видеть деда Пантелея — он знал, где тот находится. Всё последую-

щее проходило по уже отработанному сценарию до тех пор, когда наполненная кружка не оказалась в руках Александра. «Не обессудь, пригуби Санёк», — в глазах деда запылали искорки предстоящего торжества. Про отсутствие мух делу говорить не хотелось. Обстоятельства подтвердили его сомнения.

Дед Пантелей внимательно следил за руками Сашки и отработанный парнем финт ему точно бы не удался. Неожиданно для деда Пантелея Сашка начал медленно выливать содержимое в лагушок. На дне кружки явственно обозначилась муха.

Сашка вытащил её из кружки и, предъявив делу в качестве доказательства, бросил в угол сарая. «Дай-ка ещё почерпну», — с этими словами он черпнул поглубже и стал опять медленно выливать пиво в лагушок. На дне кружки обозначились уже две мухи. Медленно удалил их из кружки, тоже бросив их в угол сарая.

«С мухами не пью», — слова прозвучали своеобразным приговором. Когда Сашка ушёл, дед Пантелей, по неизвестной ему причине, обследовал угол, куда были выброшены злополучные мухи. Долго рассматривал нитку с маленьким грузиком, к которой была привязана муха.

Пантелей кинул муху с ниткой в бак с дождевой водой. Та, слегка притопленная, заколыхалась, как морская глубинная бомба...

Весь последующий день дед Пантелей в огороде, рядом с сараем, установил большую оцинкованную ванну. Над ней, на верёвке, болталась пудовая гири. В таких необычных хлопотах его застал наступивший летний вечер...

В одну из темных ночей Сашка решил установить несколько мин из мух, чтобы окончательно отказаться от приглашений со стороны деда Пантелея. Уже три дня он избегал с соседом встреч, обходя его дом окольными путями.

Конечно, пиво у деда было отменным, его нахваливали менее прихотливые товарищи. Отказываться по-соседски тоже было не принято (иные соседи были как близкие родственники), но эта замызганная посуда перечеркивала все хорошие побуждения. Высказать делу претензии Сашка не решался.

«Надо закончить эту эпопею», — размышлял Сашка, перемахивая через забор Пименовской усадьбы. После недолгой возни с замком сарая, наскоро рванул ручку двери и шагнул в темноту сарая. Зажел зажигалку, и тут неожиданно началось:

сначала раздался грохот от падающей железки, затем, стало ослепительно светло. Это дед Пантелей включил прожектор.

От неожиданности Сашка выронил зажигалку, а ноги его понесли к калитке. Времени на раздумья не было и, подобно лесной рыси, горю конспиратор перемахнул через забор. Сзади уже был слышен скрип открываемой двери дома. Хозяин спешил выяснить причину сработавшей сигнализации...

Когда после ночного пожара дед Пантелей выспался, ближе к обеду он решил сходить в деревенский промторг. Народ узрел деда Пантелея выходящим из магазина с новым эмалированным баком и двумя кружками разного цвета. В сетке, в бумажных кульках, лежал сахар...

Через некоторое время его фигура порывисто замелькала среди деревьев огорода, собирая шишечки выюшного по стволам черёмухи хмеля. Затем он долго гремел посудой в сарае и, наконец, под вечер утомился. Всё затихло...

Пиво медленно набирало силу в новеньком сорокалитровом баке. Рядом стояли две новые кружки — белая и синяя. Пыльщики истеричливо выскакивали на поверхность, приглашая своих неискушенных почитателей...

Вынужденный жить-2

Филимон бежал легко и непринуждённо. Просторы улиц манили широтой и безлюдностью. Свежий ночной воздух пьянил ароматом, и в этот момент Филимон стал ясно осознавать свою необходимость жить для чего-то более значимого, что сделало бы жизнь лучше и чище.

Он это так ясно ощутил, что бег его стал каким-то воздушным и лёгким. Иногда ему казалось, что он парит на крыльях над дорогой. Миг счастья захватил и питал энергией в этом ночном полёте. Уверенность в завтрашнем дне всё больше вдохновляла и толкала в неведомое. Он всецело отдался зову новой жизни...

Когда его забрала от участкового та «комиссия», Филимон интуитивно осознал фальшь всей акции. Чутьё его никогда не подводило, ему не надо было даже глядеть на насквозь пропитанные ложью и коррупцией рожи, а хватило по голосам определить, какими гнилыми душонками обладают эти типы. Решение пришло, как всегда, неожиданно и вовремя.

Когда эти деятели заехали в деревню к родственникам, то совместное распятие спиртных напитков оказало затормаживающее действие на всех участников попойки. В конце концов, находясь под воздействием алкоголя, любители зелёного змия стали хаотично двигаться по ограде, наткнувшись на внезапно «выросшие» препятствия. Одним из таких препятствий оказался Филимон, после чего он был помещён в пустующую стайку.

Дождавшись, когда гулянка подошла к логическому концу, и только сопение выдавало присутствие людей, тренированное тело Филимона с лёгкостью взяло невысокую перегородку. Сбить полугнилой забор было делом нескольких минут. Восторг от вновь обрётённой свободы опьянил Филимона, и он кинулся со всех ног навстречу уходящему закату — бежал с упоением, наслаждаясь стремительностью бега... Понимая, что его будут искать, он несколько дней шёл, стараясь не попадаться на глаза — дорога была просёлочной, движение было по-деревенски вялым. Однако дальний путь хоть и был интуитивно обозначен, тайл в себе туманность и неопределённость.

Филимон остановился и стал слушать пробуждающийся в нём голос. Этот «навигатор» подсказал нужный маршрут —

путь Филимона стал обретать логическую направленность.

Вскоре, на развилке дорог, он принял направо и, по прошествии часа, уткнулся в ограду, опоясывающую бо́льшой и богатый дом. В простонародье такие дома называли «сиротскими дачами», за их обособленность и отчуждённость. В широком дворе сиротливо стоял вертолёт. Бетонная полоса уходила, скучая, вдаль, имяя явно не автомобильное предназначение. Всё это не смутило Филимона, одиноко стоявшего у калитки. Глазок камеры видеонаблюдения подозрительно установился на него и от удивления будто расширился.

Филимон ткнул носом в калитку — та глухо содрогнулась и затихла в ожидании.

Теленатическое спокойствие Филимона проникло за ограду и хозяйски прошло по просторам усадьбы. Церемония ожидания явно затягивалась. Потом глухо загремел засов и калитка открылась. «Проходи», — буркнул хозяин и отступил, освобождая проход.

Подобно ситуации в фильме «Белое солнце пустыни», когда Верещагин запускать в дом товарища Сухова, так и сейчас хозяин, Павел Владимирович Роцин, запускать Филимона в дом. Роцин, сразу оценил обстановку, и те незначительные сомнения развеялись, когда в памяти всплыла телевизионная передача об этом уникальном поросёнке. Напрягая память он вспомнил как зовут этого вундеркинда. «Проходи, Филимон, располагайся», — с удовлетворением произнёс Роцин.

Павел Владимирович был человеком незаурядным, а заложенная в нём доброта удивительно уживалась с его практичностью и прозорливостью. Он в жизни много раз опирался на интуицию, принимая порой такие решения, которые шокировали его деловых партнёров. Однако жизнь подтверждала их правильность. В бизнесе становилось сложнее и сложнее, правильные решения давались значительным усилием воли. Нервы у Павла Владимировича порой были натянуты как струны, поэтому он стал частенько прикладываться к спиртному — помогало...

Частое принятие горячительного провоцировало запой — что негативно сказывалось на состоянии дел. Он искал выход из создавшейся обстановки, но, увы, не находил. Друзей в бизнесе не могло быть,

поэтому неразделённые метания оказывали негативное давление на местного олигарха. Встреча с Филимоном неслучайно обрадовала Роцина. Он чувствовал, что это подарок свыше, остальное не имело значения. Охрана, ввиду того что Филимона будут искать, была проинструктирована. За неё Павел Владимирович не беспокоился — люди были подобраны с особой тщательностью и неоднократно проверены. Роцин раньше работал в следственном комитете, поэтому считал, что проколов не допустит... Однако...

Ночью случился конфуз. Павел Владимирович из-за бессонницы зашёл в свой рабочий кабинет и оторосел: на рабочем столе стоял Филимон и преспокойно уничтожал лист за листом договор о сотрудничестве с одной из зарубежных фирм. Присутствие хозяина несколько его не смутило. Продолжая уничтожать бумаги, он впери в хозяина свой теленатический взгляд, отчего у того пропало всякое желание гневаться. Лишь спустя три месяца он оценил порыв Филимона — фирма оказалась подставной. Перечислив деньги, он оказался бы на финансовой мели...

Филимон жил у нового хозяина уже более трёх месяцев, жизнь протекала, за редким исключением, довольно спокойно и однообразно. Только присутствие одного из охранников беспокоило Филимона. Когда тот подходил к хозяину, Филимон проявлял нервозность и пятачком отпихивал его. Подобное поведение не укладывалось в логические рамки...

В одну из ненастных ночей Павел Владимирович был опарашен приходом к нему Филимона. Тот начал стаскивать с него одеяло и толчками пытался скинуть хозяина на пол. Его попытки увенчались успехом, и Роцин брякнулся на пол, Филимон потащил его за пижаму к выходу. Уже проснувшись, Павел Владимирович вынужден был повиноваться. Филимон увёл хозяина в отдалённый кабинет и буквально преградил ему ход обратно.

Через несколько минут прогремел взрыв. Когда охранники рванули к месту происшествия, им представилась неприглядная картина — спальня Павла Владимировича была разворочена до неузнаваемости, от кровати куски были разбросаны в разные стороны. Но больше всего охранников удивило появление самого хо-

зяина живым и невредимым. Дальнейшие действия Филимона усилили обстановку непонимания — он висел на брючине одного из охранников, с которым имел неприязненные отношения, и не отпускал его. Подозрения оказались не беспочвенными...

Так Филимон стал для Павла Владимировича не только индикатором в его бизнес-делах, но и настоящим другом.

Все документы, касающиеся важных сделок, проходили через Филимона, и только его спокойный вид, при их прохождении рядом с ним, могли дать им соответствующий ход.

Дела у Роцина пошли в гору и счета в банке уже имели более шести цифр. Сам хозяин меньше прикладывался к спиртному и больше стал помогать детским домам, причём его вложения носили довольно серьёзный характер — он принимал участие в строительстве новых корпусов детских домов, покупал им мебель.

Со своими партнёрами он был жесток. Зато дети отогревали ему душу. Когда же он приводил к ним Филимона, детский восторг не имел границ... Однако, в жизни белая полоса не может продолжаться до бесконечности. Информация о чудотворном поросёнке шагнула за пределы области, а его предпринимательская особенность заинтересовала настоящих акул бизнеса.

Сначала Павлу Владимировичу предлагали за Филимона астрономические суммы, потом, ввиду того, что он отказывал, стали поступать реальные угрозы.

В конце концов, Роцин сдался, учитывая, что противостоять хорошо обученной машине он не сможет, да и за жизнь Филимона стоило опасаться. Расставание было трогательным. Весь вечер они провели вместе, в молчаливом согласии. Утром прилетел вертолёт, и Филимон сам направился к нему. Он понимал, что уже принадлежит себе, а какой-то аппаратной машине, где правила будут жёсткие и не всегда отвечающие человеческим законам, но эта новизна не пугала его, он уже привык смотреть в глаза холодным обстоятельствам, и только тоска по этим родным ему людям вгрызалась болью в его большое и доброе сердце. Он шёл в неизвестность уверенной поступью...

(Продолжение следует...)

Вячеслав ЕЛАТОВ

Елатов Вячеслав Иванович родился 6 мая 1939 года в городе Баку. После окончания средней школы обучался в техническом училище, работал электромонтёром, рабочим. Окончил Ленинградский государственный университет и Иркутский институт иностранных языков. С 1966 по 1991 года работал учителем русского и английского языков и литературы в средних общеобразовательных школах Прокопьевска. Литературным творчеством — прозой, поэзией и публицистикой начал заниматься после выхода на пенсию, с 1993 года. Свои литературные наработки и материалы публиковал в Кемеровском областном литературном журнале «Огни Кузбасса», Кемеровской областной газете «Земляки», прокопьевских городских газетах «Шахтёрская правда», «Народовластие» и Литературно-художественной газете альманах «Усятская россыпь».

Вертикаль

К вопросу о документальной прозе

Статьи, вошедшие в предлагаемую читателю альманаха «Усятская россыпь» подборку, были написаны в разное время и по разному поводу. Основанием для представления её в качестве трилогии послужил общий для них литературоведческий каркас, суть которого отражена в подзаголовке. Не связанные между собой положенным в их основу материалом, эти работы следуют одна за другой в хронологическом порядке их появления в 2016-ом, 2017-ом и 2018-ом годах, — но при этом третья из них была написана уже как заключительная.

Был ли выбор литературной новинки о рождении корабельной авиации случайностью? И да, и нет. Счастливым случаем было моё личное знакомство с её автором, что поставило меня в ряд самых первых её читателей. Не знаю, как бы я откликнулся на книгу Анатолия Гуляева, если бы меня уже не подпирали две готовые статьи о документальной литературе. Отсюда совершенно не случайный ракурс: именно такого рода произведения мне, можно сказать, и не доставало.

В таком подходе есть свои плюсы и минусы. Хорошо, что разговор о новой книге вписывается в актуальную для сегодняшнего читателя проблему выбора литературы для чтения на фоне повального увлечения документалистикой в унифицированной (где всё без разбору в одну кучу) упаковке "non fiction". Жаль, с другой стороны, что при таком ракурсе утрачивается возможность всестороннего анализа художественных удач и промахов. Вся надежда на то, что дело это не ограничится предложенным в настоящей статье разговором и своё слово скажут и заинтересованный читатель, и литературная критика, тем более, что на тему, к разработке которой подключился сегодня Гуляев, уже существует заслуживающая внимания библиотека.

Читать нельзя выбрасывать

Нами
лирика
в штыки
неоднократно атакована,
ищем речи
точной
и нагой...

Маяковский. Юбилейное. 1924.

Печего говорить о том, каких
общечеловеческих побед (а не просто
успехов!) добилась великая советская
литература < >

и мы в дальнейшем движении вперёд смело
можем опираться на них.

Ольга Берггольц. Дневные звёзды. 1959.

Напоминать о лирике, лирическом отступлении или лиро-эпическом жанре, когда на книжном рынке свирепствует эпидемия жесточайшего прагматизма? — По-моему, так самое для этого время. Ибо за пиком любой инфекционной вспышки при своевременно принятых мерах неизбежно следует спад эпидемической активности. А мы сегодня имеем дело именно с такого рода ситуацией. Литературовед из Рязани Елена Сафронова в статье «Без вымысла, но с фантазией» ссылается на обозревателя Константина Мильчина, который ещё в 2010-ом году заметил, что литературный жанр "non fiction" уже тогда находился на волне популярности¹. Но вот прошло уже добрых шесть лет, и пыль, поднятая до небес этой очередной шумихой, стала понемногу укладываться.

Один из трёх факультативных курсов, которые я в бытность школьным учителем предлагал старшеклассникам, был посвящён современной русской советской литературе. Есть вещи, которые мы принимаем для себя за точку отсчёта. Говоря, например, о литературе, посвящённой Великой Отечественной войне, я брал за отправную точку «Молодую гвардию» Фадеева, «Звезду» Казакевича и «Русский лес» Леонова. Рассказ о «деревенской литературе» начинался с «Районных будней» Овечкина и «Повести о директоре МТС и главном агрономе» Николаевой. В разговоре о лирической прозе, естественно, звучали имена таких известных советских писателей, как Владимир Солоухин и Ольга Берггольц... К тому времени, когда я сам в

1965/1966-ом учебном году писал дипломную работу о пейзаже как средстве композиции в романе Леонида Леонова «Русский лес», вся эта современная литература укладывалась в неполные полтора десятка лет.

Во вступительной статье к собранию сочинений «Я шёл по родной земле, я шёл по своей тропе» Солоухин вспоминал: «По объёму написанные, вещи больше всего подходили под повести, но всё же они не были повестями в привычном понимании этого слова. По сути, их проще всего было бы назвать очерками, но к тем (пятидесятым) годам сложился у нас жанр очерка как газетно-журнального злободневного (вернее было бы сказать, сиюдневного) произведения. В конце концов критикой был рождён термин: лирические повести, вообще — лирическая проза. [Выделено мной. — В.Е.] Так и утвердилось это название и за «Владимирскими просёлками», и за «Капли росы», перейдя в последующие годы на «Дневные звёзды» Ольги Берггольц, «Ледовую книгу» Ю. Смуула, «Вишнёвый омут» и «Хлеб — имя существительное» Михаила Алексеева, на «Пиявки» Сергея Крутилина...».

Попробую, по совету Огурцова из кинофильма «Карнавальная ночь», «усилить» список Солоухина именами ещё двух известных советских писателей, превратив его в «большой квартал». Год за три до того, как новоиспечённый журналист **Гарий Пемченко** приехал после окончания Московского государственного университета на строившийся Запсиб, а **Ольга Берггольц** опубликовала свои «Дневные звёзды», то есть через два года после того, как то же отделение журналистики закончил и начал работать в «Комсомольской правде» **Владимир Чивилихин**, то есть в 1956-ом году, **Владимир Солоухин** — вот и весь наш лирический квартал в сборе! — совершил путешествие по Земле Владимирской. Путевые заметки и легли в основу его лирической повести «Владимирские просёлки». Писателю открылась красота, на которую мы обычно не обращаем внимания. «Не всё то красиво, что броско и ярко», — поделился он с читателем своим открытием и пересказал поучительную историю о мальчике и старом учителе, которую поведал ему старый друг: «Что рассказывал мальцу старик — неизвестно,

только, правда, открылись у парня глаза: научился он красоту видеть. Вот ведь какая наука может быть!»

Радостно стало Захарке. «Сейчас пойду, — думает он, — на все любимые места, посмотрю на них новыми глазами». Выскочил он из калитки, да тут и замёр. Осинка перед домом стояла, которую он, может, тысячу раз видел и не замечал. Небо теперь было серое-серое, как бы свинец, когда его ножом разрежешь, а осинка стоит и теплится на фоне свинца тихим, розовым теплом, потому что другой-то край неба, за Захаркиной спиной, и правда розовый был. Вот он и освещал осинку.

Так никуда Захарка в этот раз дальше осинки и не ушёл. Стоит и любуется. И дух захватило от осинкиной красоты, то есть от той красоты, мимо которой тысячи раз бегал и не то что на красоту, а и за дело-то не считал».

Научиться видеть красоту и передавать её в выразительных художественных образах... Именно об этом говорил читателю эпиграф из Аксакова, предпосланный повести Солоухина «Капли росы»: «Передавать другим свои впечатления с точностью и ясностью очевидности, так, чтобы слушатели получили такое же понятие об описываемых предметах, какое я сам имел о них». Такова одна из составляющих лирической прозы. И тот же Солоухин обратил наше внимание и на другой, не менее определяющий её признак: «Одни писатели оставляют после себя героев, персонажей, действующих лиц: Дубровского и Анну Каренину, Печорина и Обломова, Чичикова и Базарова, Наташу Ростову и Пьера Безухова (подставьте сюда десятки и сотни имён), от других писателей остаётся в конце концов [NB — «хорошо заметить», читатель! — В.Е.] самотипизированный, обобщённый образ самих писателей, так, скажем, от Радищева и Бунина, Пришвина и Аксакова...». Речь, по сути, идёт об образе «лирического героя» в прозаическом произведении.

О том же говорит в «Дневных звёздах» и Ольга Берггольц. Утверждая место под солнцем для лирической прозы, она ссылается не только на стихотворны произведения в лиро-эпическом жанре Маяковского, но и на известный роман Николая Островского, и на автобио-

графическую трилогию Горького: «Горький остался здесь таким же публицистом, трибуном, пропагандистом, как и в «Песне о Соколе», в «Матери» и во всех других своих произведениях: у настоящего писателя, кровно связанного с жизнью и борьбой народа, не может [NB, читатель!] существовать никакой опасности в писании о себе и своей жизни. Нет, и здесь он не погрузится в созерцание собственного нутра, не займётся ничтожными откровённостями, но, рассказывая о своём сердце, даже о тайных движениях, обязательно расскажет о сердце народа».

Прислушаемся к тому, как ведёт свою партию следующий исполнитель в нашем «лирическом квартете». Начать с того, что произведений, в которых отсутствовала бы документальная основа, в реалистическом искусстве по определению не существует. Например, повесть «Про Клаву Иванову» (1964), для которой местом действия Чивилихин избрал железнодорожное депо: отец будущего писателя работал на железной дороге, сам он слесарил в одном из таких депо, то есть хорошо знал, о чём писал. Вся традиционная реалистическая литература пишется по такому же алгоритму: вначале тема исследуется, накапливаются рабочие материалы, и только потом писатель приступает к собственно сочинению. Так работали Тургенев и Жюль Верн. Так работает и американская писательница, лауреат Нобелевской премии Тони Моррисон: действие её романа «Жалость» происходит в конце 17-го века в той самой Вирджинии, о которой писал Стайрон. На её примере мы убеждаемся, что работа писателя-реалиста в корне отличается от метода, которой пользуется американский писатель Маркус. «Мне пришлось, — вспоминала Моррисон, — читать и готовиться несколько больше, чем обычно — потому что роман этот об очень далёких временах. Мне очень помогли работы историков, антропологов и биологов <...>»².

Далее у Чивилихина следуют произведения, за которыми закрепился термин «документальная проза». К ним относятся, например, повести «Здравствуй, мама!» и «Серебряные рельсы». В их основу положены дневники времён Великой Отечественной войны. Первый из них вёл подросток Толя Листопадов из города Бахмач, а второй принадлежал перу Александра Кошурникова, участника экспедиции геологов, которые намечали трассу для железной дороги Абакан — Тайшет.

И, наконец, у того же Владимира Чивилихина есть роман, в котором документальная проза подкреплена [NB] образом автора в качестве одного из персонажей: «Предвоенное детство моё и военное отрочество прошли в небольшом сибирском городке Тайга, окружённом со всех сторон кедровыми, пихтовыми и словыми лесами. У каждого из нас в детстве были милые сердцу речки и леса, горы и тропки, дворы и улицы, которые спустя много лет греют нас золотыми снами. К родному моему городку тайга подступала почти вплотную, кустарником и мелколесьем начиналась сразу же за последними огородами, и сердчишко моё

с детства поселилось в ней. Мы, мальчишки-полусироты, суразята и безотцовщина, пропадали в тайге, она подкармливала нас, незаметно, кажется, воспитывала, — и меня, где бы ни был, почему-то тянет туда, тянет с каждым годом всё сильнее — к родным деревьям, бутрам, родникам, и я посещаю их время от времени". («Память»)

С вводом «лирического героя» до к у м е н т а л ь н а я п р о з а обретает признак л и р и ч е с к о й. То есть в этом случае мы уже имеем дело с л и р о-э п и ч е с к и м ж а н р о м. Речь, разумеется, не идёт ни о какой бы то ни было иерархии или толсто-журнальных р у б р и к а х: для них редакции вольны выбирать или придумывать самые разные названия, сообразуясь с направлением и традицией конкретного издания, например, ту же «документальную прозу», «лирическую прозу» или «публицистику», в которую, например, редакция журнала сочла целесообразным поместить л и р и ч е с к у ю п о в е с т ь Немченко «Невольное продолжение «Вольного горца». (Размышление о кавказских дорогах А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и Л.Н. Толстого)», «мемуары», «дневник писателя» или «лики земляков» и т. д., и т. п. Но мало-мальски подготовленный читатель сразу поймёт, с чем он имеет дело даже в тех случаях, когда произведение л и р о-э п и ч е с к о г о ж а н р а будет помещено в одну из самых традиционных журнальных р у б р и к: «поэзию» или «прозу». Разве л и р о-э п и ч е с к и е п о э м ы не прописались в «поэзии», где согласно классическим представлениям о чистоте родов и жанров должна безраздельно господствовать л и р и к а? И разве не вошли в литературоведческий оборот термины «эпическая поэзия» и «лирическая проза»?

Кем-то из советских критиков было подмечено, что одной из самых удачных попыток Немченко выйти на рассматриваемый ж а н р была «маленькая трилогия» из трёх рассказов «Под вечными звёздами». Освежив сегодня в памяти этот миниатюрный триптих, могу, после невольной задержки дыхания, выдохнуть: да... конечно... это п р о з а, исполненная глубочайшего л и р и з м а... и, как и стихотворная л и р и к а, не поддающаяся адекватному пересказу. Можно, конечно, напомнить читателю, кто, куда и зачем сжал в «Озябшем мальчике»; можно сообщить, о чём говорили отец с сыном во втором рассказе... Но это будет совсем не то сокровенное, чем отважился поделиться с читателем автор. Есть в этом диалоге та невидимая граница, которую никакие посредники не преступают: эта граница и определяется терминами л и р и к а, л и р и з м, л и р и ч е с к а я п р о з а, л и р о-э п и ч е с к и й ж а н р.

Сегодняшний ажиотаж вокруг «н е х у д о ж е с т в е н н о й л и т е р а т у р ы» (англ. non fiction) явился прямым результатом дефицита художественной правды, который сложился у нас в течение последней четверти века. Сначала, мы помним, была предана анафеме советская литература; за ней отправили в утиль реалистическое искусство «золотого века» отечественной классики, предварительно до неузнаваемости «отрефлектировав» её, то есть выхолостив и исказив её содержание (тут мы можем позавидовать англичанам: они сегодня зачитываются романом Льва Толстого «Война и мир», не вписавшимся в наш «евроремонт»); после чего нам предложили взамен постмодернистскую чепуху и столь же бессодержательный ширпотреб. Эта далеко не изящная словесность подкарауливает нас сегодня за поворотом к вульгарно истолкованной новомыслящими литературоведами антропологии, подтверждением чему может служить комиссия новинка Светланы Алексиевич, упакованная в одну из самых престижных литературных премий. Эврика! Оказавшись

у разбитого корыта, мы, как утопающий за соломинку, цепляемся за подсовываемые нам подделки — подделки под правду-матку», которые на поверку оказываются всё той же пресловутой низкопробной «чернухой».

Итак, именно дефицит художественной правды спровоцировал сегодняшний pop fiction boom в западной литературе. Доказательство эхо non fiction литературы идо нас. До какой степени деградации тут можно скатиться, свидетельствует, например, печальный опыт современной американской литературы, о котором мне совсем недавно уже доводилось писать. Поскольку статья «Литературный калейдоскоп» (2014) по причине мизерного тиража⁴ не попала до широкого читателя, а затронутая в ней тема иллюстрирует упомянутый тренд, предлагаю читателю небольшой из неё отрывок:

«Не менее калейдоскопична и современная американская проза. Как и в поэзии, замысловатое разнообразие создаётся главным образом «экспериментаторами». В ход идут любые формальные приёмы, создающие впечатление новейшего вавилонского столпотворения, где участники процесса не просто не понимают, но они и не о б я з а н ы понимать друг друга. «Дорогой Чарли, — вразумлял недоумевавшего своего коллегу Уоллес Стивенс, — это не столь важно, что вы не можете понять моих или чьих-то ещё стихов. Важно только, чтобы сам поэт понимал их. Я понимаю свои; остальное не обязательно». Как прямое следствие такого «дискурса», отношения автора с читателем перестают быть не только доверительными, но и уважительными. «Читатель! — восклицает в рассказе «История жизни» известный постмодернист Джон Барт. — Ты упрямый, ни на что не годный, шалелющий от печатного слова убогодок, ты, ты, я к тебе обращаюсь, к кому же ещё, — из самого нутра этой чудовищной прозы. [Так он отзывается о сборнике своих произведений, изданном в 2001-ом году в Санкт-Петербурге. — В.Е.] Так, значит, ты дочитал меня досюда? Даже досюда? Ради какой такой неведомой мне радости? Какого чёрта, спрашивается, ты не пошёл в кино, не врубил телевизор, не принялся глядеть в стену, не отправился перекинуться с приятелем в теннис <...>?» Что ж, не будем давать лишнего повода профессору Барту для столь неслюбезного к нам обращения. Пусть он страпает себе между подготовкой к университетским лекциям и их чтением свои «химеры» (по названию одного из его произведений), а мы займёмся тем временем чем-нибудь из того, о чём он так оригинально напомнил нам, либо почитаем что-нибудь из добротной американской литературы, благо, что она не сводится к бартовского покроя выкрутасам с их душевными вывихами и отталкивающим, на манер гинзбургских воплей [в начале 1950-ых американский поэт Аллен Гинзберг написал поэму под названием «Вопль»], цинизмом.

Воспитанный на добротной реалистической литературе, российский читатель сегодня сплошь и рядом недоумевает: как можно так извращать десятилетиями, веками и тысячелетиями устоявшиеся представления, будь то мифология, история или классическая литература? Оказывается, можно — если мы имеем дело с так называемым э к с п е р и м е н т о м. Тут подолжно бы определение, которое Воннегут адресовал своим «коллажам»: «Все истины, которые я хочу изложить вам, — гнусная ложь». Речь идёт о реконструкциях, о р е м е й к а х, которые так или примерно так современное искусство осваивает — и не только в литературных студиях, и не только в Америке.

Взять, к примеру, Дэвида Седариса, чьи рассказы на русский язык перевела Светлана Силакова («Иностранная литература», 2011, № 1). По её мнению, этот американский писатель предвосхитил целое соци-

альное явление: интернет-дневники. «Трудно ли писать о глубоко личных вещах? Мне — ничуть. Я охотно пишу о своих мерзких, постыдных поступках, — признавался Седарис в одном из интервью. — Думаю: а ведь отличный материал! Понимаете, когда описываешь мерзкие, постыдные поступки посторонних людей, получается не столь эффективно. А вот когда рассказываешь, какая ты сволочь, читателю относятся к тебе милосерднее. О себе писать проще. И, наверное, во всех моих произведениях самый мерзкий персонаж — это я». Не верь, читатель! Это р е м е й к а на автобиографическом материале, ж а н р сатирической автобиографии, при чтении которой родственникам автора, названным в этих «творениях» своими именами, не раз и не два приходилось краснеть за нелюбимые непристойности, якобы происходившие с ними (например, в истории с наной у соседского колодца).

В других случаях вопрос о доверии к автору даже не ставится. Читателю, который знаком с исходным материалом, остаётся только разводиться руками, дивясь буйной фантазией и бесцеремонному ёрничеству, с каким писатель реконструирует действительность. Так, тот же Джон Барт в своей «Химере» (сборник рассказов и повестей «Заблудившись в комнате смеха» издали в Санкт-Петербурге в 2001-ом году) пародирует всемирно известную «Тысячу и одну ночь» и реконструирует древнегреческий миф о Персее. А Дональд Бартельм травестийно переосмыслил в романе «Белоснежка» (1967) не менее известную сказку и окарикатурил героев легенды о короле Артуре в романе «Король» (2004). То же самое, по сути, мы обнаруживаем в романе Сьюзен Сонга «Страсть к вулканам» (1992), где реконструкции подвергается история: читатель в этой версии будет ослеплён метаморфозой, какая произошла с адмиралом Нельсоном и леди Памилтоном. Алексей Зверев, откликнувшийся на этот роман известного американского культуролога и философа, отмечал, что писательница и не пыталась скрыть от читателя, что всё рассказанное ею не претендует на историческую истину. Как тут не вспомнить о нелицеприятном отзыве Воннегута о своих опытах?

«Казус Маркуса» по праву венчает «экспериментальный дискурс» в современной американской прозе. Этот писатель принципиально ничего не желает знать о той реальности, которая обозначена — просто названа — в его произведениях. Седарис и Барт, Бартельм и Сонга; по крайней мере, знали то, что они подвергали решительной реконструкции. Бен Маркус отказывается знакомиться с тем, что, где, когда и с кем происходило на самом деле: «Мне легче сосредоточиться на том, о чём я ничего не знаю, — так лучше выдумывается». Чем бы, как говорится, дитя ни тешилось... Например, в своём романе «Выдающиеся женщины Америки» местом действия он выбрал штат Огайо именно потому, что ничего о нём не знал. Что ж, если таким же белым пятном для Маркуса является Россия — одной из своих очередных выдумок он может осчастливить и нас».

Это порочное направление прорезалось в западной литературе не сегодня. Передо мной на столе свежий номер еженедельника «Наша земля». Кузбасс» (2016, № 8). В статье «Пять жизненных заповедей Достоевского» координатор проекта «Ф.М. Достоевский в Сибири» — навестку любви! Эдуард Вестерман рассказал о том, какое ужасающее невежество и безответственность проявляли и продолжают представлять на всеобщее обозрение авторы западных романов об этом классике русской литературы:

«Некий Поль Гримм выпустил в 1868 году на французском языке в Вюрцбурге «Тайны царского двора при Николае I». В романе события развиваются в 1855 году.

По версии автора, Достоевский, вернувшись с каторги, вновь принимает участие в заговоре, арестован и приговорён к ссылке в Сибирь. По дороге в Шлиссельбургскую крепость он умирает. Жена Достоевского, добившаяся у царя помилования мужа, узнав о его смерти, уходит в монастырь. Сам Николай I кончает жизнь самоубийством. Достоевского возмутила эта ахиня, он хотел отправить статьи с опровержением во французские газеты, но после остыл. Но вот в 1994-ом году выходит ещё один роман лауреата Нобелевской премии 2003-го года, южноафриканского писателя Джона Кутзэса — «Осень в Петербурге», в котором даётся явно вымышленный, эпатажный образ гениального писателя».

Жив курилка! Вот такие «художества» и качнули маятник читательского интереса в другую крайность: к пресловутой н о н ф и к ш н л и т е р а т у р е; обжёгшись на молоке, западный читатель дует теперь на холодную воду. Да ещё и нам советует. Но у нас этот ввезённый из-за бугра шок со временем пройдёт: доверие к художественной литературе, когда сойдёт на нет сегодняшний fiction boom⁵, будет восстановлено. В России, с её неисчерпаемыми запасами духовно здоровой литературы — как дореволюционной, так и советской классики, — этот номер не пройдёт. А на Западе...

Не берусь предугадывать, способна ли будет non fiction literature оздоровить задыхающуюся в миазмах упадочничества западную беллетристику. Может быть, «н е х у д о ж е с т в е н н а я л и т е р а т у р а» и в самом деле, если не образумит закусивших удила сочинителей, то хоть сколько-нибудь перекроет им кислород, составив здоровую конкуренцию?.. Не знаю. Но вот в чём я не сомневаюсь, так это в том, что нам такое снабдобе совершенно ни к чему. Это смешно: забугорные благодетели и отцы родные пытаются нас лечить от болячек, которыми именно они нас и нагрели! Да ещё с помощью сомнительного свойства медикаментов! Нет, господа хорошие, у нас уже пошёл процесс отторжения ввезённого из-за бугра декадентского чтива, и тут нам в порядке импортозамещения — смотри эниграф, читатель! — понадобится укрепляющее средство отечественного производства. Не сегодня-завтра грядёт такой же всплеск живого читательского интереса к реалистической советской литературе, какой мы только что наблюдали на выставке картин реалиста Серова.

Что ж, гора, как говорится, с плеч у тех, кто вместе с главным редактором журнала «Знамя» Сергеем Чуриным в поте лица старался приспособить Non fiction к отечественной литературе. Не получилось. Да и не могло получиться, потому что дело тут не в адекватной передаче — в Сети даже конкурс прошёл на лучшее толкование этого термина — сути этого заимствования, а в несовместимости литературных процессов у нас и на «Диком Западе». Мы развиваемся, не порывая с традициями реалистического искусства; у них же сплошь и рядом берёт верх исключительно нетрадиционное, противостественное — не только в искусстве и гуманитарных науках, но и в самом общественном устройстве... Так что рубрику «Non fiction» в журнале «Знамя» придётся, очевидно, ещё на какое-то время сохранить именно для импортного происхождения произведений, пока она не проинируется на вполне законном основании в журнале «Иностранная литература».

А мы и сегодня продолжаем ориентироваться на традиции реалистического искусства. Оттого-то с таким вниманием и заинтересованностью перечитываем «Владимирские просёлки» (1958) и «Каплю росы» (1960) Солоухина, «Дневные звёзды» (1959) Берггольц, «Память» (1982, 1984) Чивилихина и лирическую прозу Немченко, где опытной рукой мастера выписаны

и картины промышленной стройки в Сибири, и восхитительная природа предгорий Северного Кавказа. "Громадная, — в отличие от "экспериментатора" Маркуса, наш автор всё это видел собственными глазами, — выше десятиэтажного дома насыпь < ... >. Из-за крутизны откосов тут хорошо ощущалась высота, и с неё открывался отличный вид, и слева как на ладони были и вереницей идущие по дороге машины, и кусты за дорогой, среди которых то здесь, то там стояли теперь вагончики, да деревянные тепляки, да несколько брезентовых палаток, где временно работали ремонтники... За кустами далеко шли поросшие камышом болота, ютились на кочках берёзовые колки, а за ними поднимались скрытые сейчас непогодой горы с гребешками леса на пологих вершинах...

Справа тоже сначала тянулись болота да перелески из хлипкого березнячка, там и здесь бугрился зелёный кочкарник, а за ним вставал завод, между крошечными отсюда баками тянулось переплетение труб, виднелись коробки коксохимического цеха, а дальше узкие и высокие башни угольных складов; подёрнутые жёлтым дымком лежали громадные туши двух батарей, над которыми в тяжёлом свинцовом воздухе поднимались сейчас очень лёгкие облака белого, как молоко, пара, там тушили кокс, а сбоку от батарей виднелись очень чёткие даже в непогоду контуры домны с четырьмя чёрными кауперами, похожими издали на тяжёлые авиабомбы, с двумя ажурными башенными кранами по бокам, длинными и потому особенно тонкими, с маленьким, словно аист, краном-укосиной на самом вершине.

Кому эта картина не скажет ничего, а другому увидится за нею ой сколько! Особенно тому, у кого в паспорте новыше теперешней прописки до сих пор стоит старый штамп: "Палатный городок. Палатка номер..." < ... >.

Секли её [стройку] затяжные дожди, засыпал снег, и темнела от непогоды опалубка, заливало котлованы, тёк обратно аллювий, оплывали траншеи, и временами казалось невозможным доделать эту бескрайнюю, словно какими гигантами начатую работу. Оттого на первый задрожавший над заводом дымок будешь ты смотреть почти не дыша: где-нибудь в другом месте не знают, куда от него деваться, а тут пока валил бы поуще!" («Тихая музыка победил»)

Восхищаться картинами героического труда и сопереживать ратным подвигам можно, разумеется, и на расстоянии. Толстой не был участником Бородинского сражения, как и наш земляк и современник Виктор Чурилов не восвал в составе 413-ой стрелковой дивизии в Великую Отечественную...⁶ Но и тот, и другой досконально изучили то, о чём собирались писать. Свою позицию по этому поводу Горький определил таким выразительным сравнением: чтобы сварить суп, повару не обязательно самому залезать в кастрюлю... Мы помним, каким прекрасным стихотворением откликнулся в своё время Маяковский на рассказ о Кузнецкстрое, до которого сам он, к сожалению, так и не доехал... Но при всём при том такие живые свидетельства, как у Гария Немченко, занимают в этом ряду особое место, становясь документами эпохи. Думаю, что автор именно это имел в виду, когда определил жанр романа «Бригадир» в качестве документа в т а л ь н о г о... Может быть, он хотел таким образом дистанцироваться от н о н ф и к ш н литературы, как это делает сегодня главный редактор журнала «Знамя» Сергей Чупринин?

Известный сегодня критик и начинающий писатель Алиса Ганиева обратилась как-то к доктору филологических наук Чупринину за консультацией. Речь шла об одной из реалий советской эпо-

хи. Профессор загорелся: "И я вдруг понял, что нынешним 20 — 30-летним абсолютно непонятно, потому что неизвестно, всё, что самоочевидно людям с советским опытом. И что, наверное, кто-то должен им < ... > об этом рассказать..."⁷ И у него возникла мысль о переориентации своего новеллистического проекта в э п и с т о л я р н ы й, как в «Бедных людях» у Достоевского, ж а н р под названием «Письма Алисе из (советского) Зазеркалья». Показательно, что в третьем варианте проекта этот ведущий специалист по отечественной н о н ф и к ш н литературе пытается дистанцироваться от second hand п р о д у к ц и и: чтобы выделить свой теперью уже ф е й с б у ч н ы й роман «Вот жизнь моя» из полководца "воспоминательных чередований", он стилизует его — с о г о в о р к о й, что делает это отчасти пародийно — под респектабельное академическое издание типа «Литературных памятников».⁸ Но после вынесенного в название второго варианта суждения о советском прошлом как о некоем "Зазеркалье" оно, это сомнительное суждение, просвечивает и в окончательном варианте. Так что дистанция между к о м и с с и о н н ы м и "воспоминательными чередованиями" Светланы Алексиевич и ф е й с б у ч н ы м романом Сергея Чупринина рискует быть сведённой на нет, несмотря на длинную-предлинную череду остепенённых рецензентов, у которых наш автор уже заручился моральной поддержкой... А жаль: при надлежащем исполнении замысла роман Чупринина вошёл бы в ту разнородность л и р о э п и ч е с к о г о ж а н р а, о которой идёт речь в настоящих заметках.

...А между тем четвёртый участник нашего "лирического квартета" кубанский сибиряк Немченко (себя, обитающего в течение полувек а на Земле Кузнецкой, я числю по разряду "бакинских сибиряков"; как тут не вспомнить, с какой гордостью и любовью записал Маяковский в одном из стихотворений, что он "по рождению — грузин"!)" снова у себя на малой родине (мне в Баку в последний раз довелось побывать ещё при Советской там и у нас власти; отправляясь из Прокопьевска на поезде Новокузнецк — Кисловодск, о котором Немченко упоминает в рассказе «Мамины передачи», мы делали пересадку — широка была моя страна родная! — в Минводах): "Было это ранним утром, когда я приехал в родную свою станицу на Кубани. Станица наша лежит в предгорьях, и потому июнь здесь — пора неутраченных гроз. В июне над зрелыми полями, над холмами, покрытыми ковылой, уже зреет, уже струится горячая марь, а над вековыми снегами Приэльбрусья в это время ещё остро синееют холода... Может, густеющие там гордые тучки вслед за давно отступившей зимой хотят прорваться на север?.. Но над зелёными долинами, где лежат передовые казачьи станицы, уже вступившее в права жаркое лето даёт им бой, и тут они проливаются обильным дождём или падают на землю карающим градом... Странная это в самом деле пора!" («Отец»)

Немченко вернулся на малую родину, но Сибирь не отпускала, как не отпускает она его и сегодня... "Странно, совсем недавно я ездил чаще и ездил куда как дальше, хотя бы потому, что ко всем маршрутам каждый раз мне надо было прибавить ещё и путь от Сталегорска до Москвы, откуда у нашего брата начинаются почти все дороги, но вот поди ты: никогда раньше я не уезжал из дома с таким бьющимся сердцем, как теперь. Может быть, уже давал себя знать возраст? Или это было что-то другое, связанное всё с тем же — с переездом из Сибири, где я прожил больше десятка лет, с возвращением сюда, на Северный Кавказ. На мою родину.

Тут творилось со мной что-то непонятное. < ... >

Казалось, всё было хорошо, но вот в умиротворение зимних сумерек врывался грохот прокатного стана. Городок, замерший у синих предгорий, словно молнии, озаряли красноватые сполохи плавки, и мне вдруг нечем становилось дышать... Или убаюкивающее тюрюканье сверчков в осеннем саду родной моей станицы неожиданно взрывал тысячеголосый крик, и вслед за ним слышался хрусткий удар шайбы о промёрзший борт хоккейной коробки, и я крепко зажмурился, как от внезапной боли". («Озябший мальчик»)

...Ну что ж, гора с плеч у читателя, которого пытались было посадить на иглу "антроповоротного" second hand чтива! Не было бы, как говорится, счастья — да несчастье помогло. Сногсшибательный по напору и головокружительный по содержанию импорт не мог не натолкнуть нас на мысль о перезагрузке. Дело ведь не просто в том, чтобы художник дал своим героям вымышленные имена, а место действия зашифровал бы в придуманных им топографических названиях: речь идёт о т и п и з а ц и и х а р а к т е р о в и о б с т о я т е л ь с т в (от которой, как чёрт от ладана, бегут декаденты, увлекая за собой тронутую плесенью упадочничества группу риска)... Кстати, к такой постановке вопроса подталкивал начинающего тогда, а позже известного советского писателя Гария Немченко секретарь парткома строившегося Запсиба Иван Григорьевич Белый (и он, и его супруга Роза Каримовна — никакие не высосанные из пальца (Лу, Маркус!) образы, и даже не прототипы, а самые что ни на есть реальные личности: самого парторга я, правда, не знал; а вот Белую, председателя Новокузнецкого горкома профсоюза работников народного просвещения, высшей школы и научных учреждений, не раз лицезрел и слушал на пленумах и конференциях Кемеровского обкома профсоюза):

— ...Придумал Авдеевскую площадку вместо Антоновской. Сталегорск вместо Новокузнецка. < ... > Обязательно, слушай, надо придумывать? А что, если бы ты взял, предположим, и написал бы такую книжку: «Комсорми»? («Бригадир»)

Похоже, что писатель внял-таки совету своего старшего товарища. По крайней мере, я именно так воспринял, что только его романы «До!...» и «Бригадир», но и всю л и р о э п и ч е с к у ю составляющую его прозы. Похоже, что Немченко повезло и с учителями — и не только в школе... и не только в университете... — коль скоро он стал видеть и ценить настоящую красоту в окружающих его людях: "Сколько вас, девчата с новостроем, счастливых и несчастных, красивых и только добрых, нежных и уже погубивших от работы, крепких, как тугой узелок, и хрупких, как первая льдинка, сколько вас, весёлых и добрых, грустных и озорных, ничего ещё в жизни не видевших и узнавших уже так много, с косога на косога — мимо сосёнок — пришедших на стройку пешочком и через такую длину — Россию — приехавших бог знает откуда за специальностью, за синим небом, за строчками от любимых, за хорошими заработками, за песнями у костра, за твёрдым характером, за женихами, за уважением, за своим хлебом, за счастьем...

Обласканные непогодой и вьюгой, морозом в щёки целованные, четырьмя ветрами расчёсанные, так же, как все, мёрзли вы в продувных теплячках, так же, как все, в кирзовых сапогах тянулись по грязи, и в кровь сбивали ноги, и ели не очень вкусно, и дули на озябшие пальцы, и пересчитывали получку, и на корточках в кузовах лепились к прыгающим бортам, и радовались, как все, и поднимали тяжё-

лое, да ещё тяжелей, и слышали не предназначенное девичьему слуху, и тяжело разгибались, и шёпотом крыли прорабов, и плакали тайком, и тосковали по дому, и ненавидели остро, и тревожно вздрагивали, и любили взахлёб. Молчаливые ваши палатки видели вас усталыми до смерти и счастливыми < ... >

Сколько раз в промёрзших заликах недостроенных клубов вспыхивала зависть в ваших глазах, когда на заштопанном экране — Митька напился и порезал ножом — видели вы золотые пески горячих пляжей, и тенистые аллеи, и холодный паркет, и модных ваших сверстниц, в полутёмных кафе танцующих с элегантными парнями — почтительными и сильными, и как потом, пригибаясь под ветром, или вы к дому спиной, и вьюга швыряла в вас колючим снегом, и смеялась над вами, монашками в чёрных платьях, и вы ложились на хрустящий соломой матрац, на стелые простыни, вспоминая кино про красивое счастье < ... >.

Идёт ваша жизнь, летит время, оттаивает земля, согрета вашим дыханием, дымитесь на ней чёрный асфальт и оттаивает под частыми дождиками, и вот уже падают на него жёлтые листья с клёнов, посаженных вашими руками < ... >.

< ... > и грустно думается о своей молодости: а где она?..

А вашей молодостью остались цвести на сибирской земле города!..» («Пашка, моя милиция»)

Примерно в то же самое время, когда Солоухин путешествовал по Владимирской области летом, Владимир Чивилихин отправился зимой на Север, чтобы ознакомиться на месте с работой заповедных железнодорожников и лесоводов, занимающихся посадкой запитных полос вдоль железнодорожного полотна. Со студентами Лесотехнической академии он свёл знакомство в Ленинграде тогда же, в 1957-ом году. Тогда же он впервые встретился и с автором романа «Русский лес» (1953) Леонидом Леоновым... Так что жизненного материала для написания первой повести «Живая сила» (1957) у него хватало...

Мы подошли вплотную к той черте, где публицистика граничит с фундаментальной наукой о литературе. Я не стану вторгаться в святая святых теоретического осмысления того, что нам предлагают писатели, практикующие в области л и р о э п и ч е с к о й п р о з ы. Отнюдь! Я просто констатирую, что жанр д о к у м е н т а л ь н о й п р о з ы соотносится с родовым понятием эпоса, а л и р и ч е с к а я п р о з а — это уже смешанный вид э п о с а и л и р и к и. Так что различие между, например, «Серебряными рельсами» Чивилихина и «Под вечными звёздами» Немченко (а это лишь один из многочисленных примеров) носит не жанровый, а родовый характер. Почему приходится останавливаться на этом? Да потому, что это сплошь и рядом игнорируется и может обернуться той неразберихой, которая царит сегодня в теоретическом осмыслении границ n o n f i c t i o n л и т е р а т у р ы — причём в полном соответствии с той неразберихой, которую с помощью превратно истолкованной "междисциплинарности" сторонники "антропологического поворота" устроили сегодня в фундаментальной науке.⁹

...Как только пройдёт сей n o n f i c t i o n boom — вот тогда и придёт настоящий день. (Да, да, читатель, тебя не подвели ни слух, ни память: с юбилеем Немченко совпал с промежутком в сто лет юбилей нашего выдающегося критика Николая Александровича Добролюбова, который по количеству отпущенных ему лет был бы ровесником наших молодых критиков Понуганов: Погорелой, Нустовой и упомянутой выше Ганиевой.) Ещё будут на нашей улице и дни, и декады, и месяч-

ники советской многонациональной литературы, в которой достойное место займёт и русская советская литература. Ну, а пока — для затравки — я даю цитату из романа Немченко «Бригадир»: «< ... > речь пойдёт о биографиях известных, о тех, которые < ... > дети наших ровесников пересказывают нынче [Это было сказано, разумеется, ещё в советское время. — В.Е.] на своих пионерских сборах».

Николай Шевченко, Николай Тертышников, Пётр Микасенко, Станислав Поздеев, Сергей Шклянюк...

До последнего времени [Шевченко] был начальником крупнейшего на стройке Западно-Сибирского монтажного управления треста «Сибметаллургмонтаж». Тертышников — начальник смежного управления в том же тресте. Микасенко — директор объединения ремонтно-механических заводов управления «Сибметаллургстрой». Поздеев теперь — начальник цеха водоснабжения Запсиба. Шклянюк — заместитель главного инженера управления «ТЭЦстрой».

По развее недавно Шевченко и Тертышников не крутили гайки в одной и той же монтажной бригаде? Разве не слесарил Микасенко? Не стоял за токарным станком Поздеев? Не клал кирпичи Шклянюк?

А за уши их никто не тянул, и родной дядя, если у кого он имелся, никакого решительно влияния на судьбу племянника не мог оказать < ... >.

Эти ребята, — пишет Немченко, а мы вспоминаем романы Александра Володина и Геннадия Молодцова о возвращавшихся с войны к мирному шахтёрскому труду героях их произведений, — на стройку приехали после армии, < ... > у каждого за плечами была десятилетка, но тут они не только «валялись», но упорно продолжали учиться. Все они старые мои друзья или близкие товарищи, и я хорошо знаю, как им всё доставалось и чего стоило, потому-то, живя рядом, нет-нет да и задумывался: а я — смог бы? < ... >

В биографиях у всех этих парней есть одна общая строка: все они были комсомольцами.

Да аукнется не только просвещённым нашим Попоганам, но и всему постсоветскому поколению читателей отразившаяся здесь, как в капле росы, незамутнённая суть типичного характера советского человека в типичных обстоятельствах, которую нам решили подменить антроповоротным¹⁰ суррогатом «под правду-матку»!

Гарий Немченко определил жанр своего романа как документальный. Чивилихин характеризовал «Память» как роман-эссе. Как я отношусь к этому? Как к подзаголовку, в котором автор даёт читателю подсказку: вот, мол, на что обратите внимание, вот в каком, по-моему, ракурсе вам следует воспринимать написанное мной... Это не всегда совпадает с литературоведческой классификацией, как, впрочем, и с журнальными рубриками. Не будем без нужды лезть «с перержавленным»: мешает ли нам жанровое определение, которое дал своему бессмертному «Вишнёвому саду» Чехов?..

Чтение лиро-эпических произведений юбиляра самым естественным образом вызвало желание перечитать заново и лирическую прозу Ольги Берггольц. Надеюсь, читатель с пониманием отнесётся к тому, что в настоящих заметках так обильно цитируются советские писатели: этот плодородный пласт нашей литературы продолжает оставаться для 20 — 30-летних неподнятой целиной. А ведь лирическая проза — это, можно сказать, надёжный переходный мостик от пресловутой нон-фикшн к той традиционной литературе, на чистоте жанров которой настаивали в своё время теоретики классицизма. Но мы ведь вырвались из классицисти-

ческого прокрустова ложа вовсе не для того, чтобы вляпаться после этого в другую крайность, а именно: объявить право на дальнейшее существование только для смешанного вида произведений. Между прочим, такая тенденция косвенным образом даёт себя знать в том, что игнорирование традиционных сюжетных романов, повестей и рассказов породило увлечённость читателя мелодрамами, женскими романами, детективами и триллерами, то есть всем тем, что сохраняет традиционные представления о сюжете и композиции, героях и конфликтах и в силу этого не может не быть привлекательным. Обогатившись лиро-эпическим жанром, художественная литература должна в полной мере сохранить и традиционную лирику, и традиционный эпос. Иначе — в скором времени может оказаться, что нам нечего будет смешивать для полюбопытшего нас лиро-эпического жанра.

Право на существование прозаического смешанного вида произведений, получившего развитие в творчестве Гария Немченко, отстаивала в своё время в «Дневных звёздах» известная советская поэтесса Ольга Берггольц: «Главная книга рисуется мне книгой, которая насыщена предельной правдой [На это моменте я хочу остановить внимание тех, чьи читательские вкусы уже успели исказить сегодняшний pop-fiction boom. — В.Е.] нашего общества...». Если не предупредить, кого цитируешь, то Берггольц не так-то просто будет отличить от названных выше авторов лирической прозы, разве что по интонации. Поэтому, для удобства читателя, курсивом выделены цитаты только из произведений юбиляра Немченко. «...Главная книга, — ведёт свою партию Берггольц, — должна, мне кажется, начинаться с самого детства, с истоков, с первых чистейших и фундаментальнейших впечатлений, которые, в частности для моего поколения, так счастливо совпадают с первыми годами — тоже детством! — нашего нового общества». А у Немченко и его сверстников детство и отрочество пришлось уже на период взросления советского общества, формирования исторически новой общности «советский народ». Так что в лирической прозе, по сути, идёт о той самой «биографии века», которая стала содержанием всей в целом советской литературы.

Ольга Берггольц, конечно же, не считала ни себя, ни своих младших современников зачинателями жанра лирической прозы. С величайшим почтением она пишет о великом предшественнике: ««Былое и думы» — вот книга, с которой я, как, наверное, множество литераторов, могу беседовать почти ежедневно, каждый раз с новым волнением и новым изумлением. Какое бесстрашие и естественное слияние интимнейшего повествования о «кружении сердца» с картинами европейских социальных переворотов; какой умной и требовательной любовью пронизано создание обликов тогдашних передовых людей».

В главе «Дневные звёзды», давшей название всей книге, которая была опубликована всего-то за какие-нибудь пять лет перед романом Немченко «Здравствуй, Галочкин!», Берггольц пишет об исповедальном характере лирической прозы, что ещё раз говорит в пользу того, чтобы отнести такого рода произведения к лиро-эпическому жанру. Они принадлежали к разным поколениям советского народа. Поначалу, надо полагать, Немченко был просто одним из читателей стихов и прозы известной поэтессы. Потом — одним из её

коллег по литературному цеху. Ещё добрых полтора десятка лет они ходили по одной земле, читали и смотрели одни и те же книги и фильмы. Знала ли она, что он будет одним из тех, кто подхватит и разовьёт в своём творчестве то, что она определила для себя как ГЛАВНУЮ КНИГУ? Я не знаю... Но она предчувствовала, она была уверена, что со временем лиро-эпический жанр обогатится за счёт прозы.

«Повторяю и подчёркиваю, — читаем мы в «Дневных звёздах», — я вовсе не хочу сказать, что Главная книга может быть только дневником, мемуарами, только автобиографией, и совсем не каждый писатель может и должен выступить с такой книгой, в такой форме. Но если говорить об облике Главной книги, появления которой я вместе со множеством писателей и читателей особенно горячо жду, о создании которой, как о деле всей жизни, мечтаю сама, то в представлении моём она более всего подходит именно к «Былому и думам», гениальному роману о человеческом духе, роману, не имеющему себе подобный в мировой литературе. Но советская литература должна создать его. Мне кажется иногда, что уже всё подготовлено для его появления. Мне кажется иногда, что уже рядом с собой я чувствую локоть, прикосновение «нашего Гётеца», необходимого нам не менее, чем Гоголь и Шеллин. И готова отдать ему всё, что ему потребуется, пусть и жизнь, и имя моё бесследно растворится в его имени, я буду счастлива, если ему пригодится хоть одна написанная мной строка, хоть одна дневниковая запись, хоть одна мысль и чувство!..».

Вот так: как Гётец не шёл на смену Гоголю и Шеллину, а лишь становился — о своеобразии его таланта говорил ещё Белинский — в один ряд с этими великими прозаиками, так и современная лирическая проза отнюдь не теснит, не загораживает собой сюжетную прозу, в которой документальная основа уходит в глубокий подтекст, а занимает в одном ряду с ней приличествующее ей место.

«Я застаю себя, — читаем у Берггольц в главе о детстве, — очень рано, примерно лет с трёх». Они жили тогда в одной из квартир большого деревянного дома за Невской заставой. Много лет спустя, встретившись с Кржижановским в начале 1952-го года, она по его просьбе рассказала ему, как выглядит теперь Александровская улица, куда он и Ленин приходили в конце девятнадцатого века на собрания первых рабочих кружков. В «Дневных звёздах» этим замечательным людям посвящены отдельные главы. «Несвысокого роста, сухонький, подвижный < ... >, — вспоминает Берггольц, — таким предстал передо мной человек, начавший работу с Владимиром Ильичом Ульяновым в «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». Вместе с ним отбывал он сибирскую ссылку, написал неувядаемую «Варшавянку»¹¹, был одним из руководителей по созданию плана ГОЭЛРО — один из тех подвижников электрификации, которых Ленин назвал «рыцарями света».

И тут я не могла, хоть бегом, не рассказать Кржижановскому, что была на Волховстрое — всего три недели назад, когда первенец электрификации отмечал своё двадцатипятилетие.

А в главе «Ленин» автор свидетельствует: «< ... > как великая, порой грозная сила, как великий добрый свет — так с самого раннего детства¹² входил Ленин в сердца моего поколения». В комсомол она решила вступить в январе 1924 года, когда «заиндевевшая рабочая окраина, Невская застава, рыдала над Ильичом

всеми гудками всех своих чугунолитейных заводов, всех своих прядильно-ткацких фабрик».

За пять лет до публикации «Дневных звёзд», в 1954-ом году, в журнале «Новый мир» была напечатана глава будущей книги под названием «Поездка прошлого года»: «Я рассказывала < ... > о путешествии в город детства, в древний русский город Углич, вспоминала трудные годы, пережитые там во время гражданской войны в келье ленинского монастыря, куда поселила нас горкоммуна». Об одной из новых достопримечательностей города она узнала от молодой жительницы Углича: «Я на улице Зины Золотовой живу. < ... > Это наша замечательная угличанка. Первая здесьняя трактористка, комсомолка. Её кулаки зверски убили, молодую совсем».

Гражданская война, комсомол, коллективизация, индустриализация... Так складывалась «биография века», замечательная в лирической прозе Ольги Берггольц. «Поэзия, — читаем в главе, посвящённой Лермонтову, — стала частью моей жизни тоже с самого раннего детства. < ... > Удивительно ли, что, не разлюбив Лермонтова, я, мы, наше поколение всем сердцем приняли Маяковского и говорили — от себя — его стихами в реняющие минуты жизни?»

А гражданская война напрямую связана с рассказом об участии в ней её отца. Он был врачом и участником двух войн: сначала воевал на фронте первой мировой, потом против белых на юге страны, а позже, уже после того, как привёз семью из Углича в Петроград, вместе с красными частями шёл по кронштадтскому льду на подавление контрреволюционного мятежа и оказывал раненым помощь. С этим рассказом об отце связана и глава о княжне Варваре, столбовой дворянке, Варваре Николаевне Бовой. В первую мировую войну она поступила сестрой милосердия во фронтной санитарный поезд. И в таком же санитарном поезде княжна работала старшей хирургической медсестрой в Красной Армии: «Санпоезд «Красные орлы» воевал на юге против Врангеля, Каледина и других беляков, дважды поезд чудом вырывался из белогвардейского окружения, многократно был под огнём, принимал короткие, но ожесточённые бои < ... >». Берггольц рассказала о реальном человеке: спустя много лет, уже через три года после Великой Отечественной войны, она встретила княжну Варвару в больнице, где лежал отец: он умер на руках у красной сестры милосердия своего боевого санитарного поезда. Чистая (без кавычек) правда-матка о тех представителях русского дворянства, кто самоотверженно встал на сторону трудового народа.

Если Берггольц и Солоухин шли к лиро-эпическому жанру от лирики, то для Чивилихина и Немченко таким трамплином послужила журналистика. Вначале наш юбиляр так было сильно оттолкнулся от неё, что написанные им тогда романы «Здравствуй, Галочкин!», «Панка, моя милиция» и «Тихая музыка победы» мы и теперь перечитываем со всё нарастающим интересом. Впрочем, как и в целом советскую литературу. Было время, когда читатель, спасаясь от обрушившегося на него кошмара псевдохудожественной литературы, коротал время за чтением классической детской... Было, было и такое. Теперь, выбираясь из-под навороченных завалов трэш-макулатуры, мы обращаемся к чтению добротной реалистической литературы. Я, например, предпочитаю при этом издания советских лет. Прижизненные издания растут сегодня в цене. Проверь полки своей домашней библиотеки, читатель: может, и у тебя что-нибудь

уцелело после "евроремонта" из книг **Гария Немченко**, вышедших, например, в Кемеровском издательстве в 1964-ом, 1971-ом и 1980-ом годах? А может, сохранилось и московское издание романа «Папка, моя милиция» 1967-го года? Недалёк тот час, когда библиофилы будут охотиться за такими книгами так, как это делают, например, нумизматы и филателисты в поисках раритета. Книжный рынок, кстати, уже сегодня довольно изобретательно отреагировал на этот прорезавшийся спрос: появился товар, стилизованный под "старую книгу": с пожелтевшими якобы от времени страницами и пятнами, будто бы оставленными при одновременном восприятии духовной и материальной ниши.

Выдав на-гора свои первые романы, Немченко помог нам составить представление о диапазоне своего творчества. Но это было ещё не всё. Застолбив участок крупноформатных произведений, прозаик решил не ставить на поток освосенные образцы. Как было нам не перечитать в глухое постсоветское безвременье такие, например, его рассказы и повести, как «Красный петух плимутрок» и «Мамины передачи», «Скрытая работа» и запомнившиеся по оригинальному названию «До!..», «Брат, найди брата!» и ту же "маленькую трилогию", под названием третьей части которой «Возвращайся!..» в советское время вышел сборник его **литературных** **о** **в** **е** **с** **т** **е** **й**!.. А в самое последнее время мне посчастливилось воспользоваться новыми поступлениями в прокопьевскую библиотеку «Семейный круг», среди которых были и изданная во Владикавказе в 2008-ом году «Счастливая черкесска», и тремя годами позже в Воронеже роман «Бригадир»... Дело, конечно же, не столько в формате, сколько в том, в чём вкладе, который сделал **Немченко** в развитие **литературных** **о** **в** **е** **с** **т** **е** **й** **ж** **а** **н** **р** **а**. И тут я возвращаю читателя к вопросу **о** **т** **и** **п** **и** **з** **а** **ц** **и**.

В романе «Бригадир» есть глава «Разбирательный образ», написанная в лучших традициях занимательного литера-

туроведения. Здесь автор, по сути, отстаивает право писателя на поиск и отбор **типических** **характеров** и **типических** **обстоятельств** в реальной действительности. Да, всё познаётся в сравнении. Для наглядности ещё раз обратимся к примерам из живописи: вспомнили выставку Серова, а теперь освежим в памяти эпизоды из творческих биографий ещё двух замечательных русских реалистов, Федотова и Иванова. В зале Третьяковской галереи, где выставлена картина Иванова «Явление Христа народу» (1857), кругом на стенах (пишу по памяти: так было в первой половине 60-ых прошлого века) зарисовки для отдельных персонажей, которые художник делал **с** **н** **а** **т** **у** **р** **ы**. Он в течение двадцати лет работал над этим полотном, и очень много времени уходило как раз на поиск и отбор этой самой **н** **а** **т** **у** **р** **ы**. А у Федотова в картине «Сватовство майора» (1848) в самом центре под низким потолком висит вызывающая своей неуместностью и аляповатостью люстра, которую художник тоже очень долго искал во всех доступных ему домах и заведениях. В обоих случаях художникам нужны были определённые **т** **и** **п** **ы**, которые они упорно искали и находили в окружающей их действительности.

Сходным образом поступает и художник слова, отбирая нужные ему характеры и обстоятельства для создания впечатляющего полотна. Порой ему вполне хватает найденной **н** **а** **т** **у** **р** **ы**; в других случаях ему приходится (так называемые "собираемые образы") прибегать к синтезу. Если говорить в целом о творчестве Немченко, то он с завидным упорством искал и находил свою **н** **а** **т** **у** **р** **у** и на производстве, и в быту, и в окружающей нас природе. Вот что метко отметил по этому поводу В.Матрёнин, редактировавший роман «Бригадир»: "Критики нередко называют романы Г.Немченко о великих стройках страны производственными. Мы бы уточнили: на самом деле это — исследование тайн производ-

ства подлинных человеческих отношений, духа единения, братства, товарищества, долга, преданности Отечеству как основ бытия личности и общества. Тех ценностей, что [NB] в нашу эпоху нарождающегося индивидуализма стали явным дефицитом". Да, именно в таком ракурсе прогрессивное человечество продолжает воспринимать советскую литературу: "*Припоминая прошлое, я часто мысленно благодарю судьбу за то, что в ранней молодости она послала мне таких друзей <...>. Жили мы тогда, конечно, коммуной, жили славно, и память об этом житье до сих пор светит мне в самые непогожие дни*". («Бригадир») [Выделено мной. — В.Е.]

«Обо всем не напишешь», — доносится до меня из советского далёка. Это **Владимир Солоухин**. Согласен. Понимаю, что даже уже написанное головной болью отзовётся у редакции, которую я ошастливлю своим предложением. И тот же Солоухин успокаивает: "Да и нет нужды. Важно пробудить в людях вообще интерес к этому предмету. Национальное самосознание, пробудившись, само подскажет, что делать дальше".

Согласен. Но вот ещё две сцены из «Озябшего мальчика» "на посошок". В первой из них писатель рассказал о работе журналистов на производстве: "*Я тогда работал редактором многотиражки с названием, которое не выговоришь на тощак, и в редакции у нас считалось неписаным правилом: ни с аварий, ни с авралов, ни с незадавшихся пусков не уходить до тех пор, пока "коробочка" не увезёт последнего, самого злого до работы прораба. С парой брезентовых рукавиц в кармане — на всякий случай — мы толкались под ногами у слесарей, и там, где ума не надо, помогали, и коротали потом остаток ночи где-нибудь в углу выставшего тепляка, умудрившись пристроить голову на перевёрнутой монтажной каске, и были счастливы и ссадиной на руке, и незамысловатой шуткой в адрес крошечной нашей галереи, и приглашением к алюминиевому бач-*

ку с горячими сосисками, в мороз и ветер краном поднятому куда-нибудь на отметку "семьдесят пять", и были счастливы затычкой от последней, в четыре часа утра по кругу пушенной сигареты «Памир».

То были славные времена <...>. [Выделено мной. — В.Е.]

Вторая зарисовка из того же рассказа дополняет и продолжает первую: здесь рассказывается о времени, когда журналист ушёл "на вольные писательские хлеба": "*Другие начинали тут со значком отличника боевой и политической подготовки на порывеющей от пота гимнастёрке, эти чертоломили за пятерых, и вечером шли на занятия в учебно-курсовой комбинат, и шли в техникум, и чудом как-то успевали отхватить себе в жёны такую, что кровь с молоком, сибирячку и нарожать с ней кучу детишек... Теперь это были известные на всю страну бригадиры. <...> кто-либо из них звонил мне и голосом, не допускающим возражений, сообщал: "Сейчас за тобой "корбочка" придёт. Я послал. Хоть на стройку посмотришь. А то сидишь там, пишешь, бог знает что, — приезжай, тут ребята хоть паутину с тебя снимут, вон, слышишь? Пыль, говорят, с ушей ему стряхнём..."*». [Выделено мной. — В.Е.]

Л и р и ч е с к а я п р о з а — пол какими бы **р у б р и к а м и** мы её ни находили! — это альтернатива "воспоминательным чередованиям", выходящим под эгидой **п о п л и с т о п л и т е р а т у р ы**. Возвращение к здоровой реалистической литературе и будет для нас настоящим духовным возрождением. Впрочем, не только для нас. "Советский человек, — записала в середине минувшего героического века **Ольга Берггольц**, — с его титанической биографией не только хочет поделиться своим духовным опытом с современниками-соотечественниками, но и людьми всего мира, но и с потомками".

Non-fiction?.. Лирическая проза!

«/о!..» («Вороной с похожим выюком»)

13 марта 2016 г.

Прообразы положительного героя

Персонажи... взятые, конечно, из жизни, но они не портретны...
Константин Тренёв.

Образ положительного героя в отечественной литературе связан с темой нашего героического прошлого и настоящего. О попытках обнаружить его в реальной действительности и воссоздать на страницах литературных произведений мы задумываемся, знакомясь, например, с обзорной статьёй «Вертикаль движения» новосибирского критика Яранцева: "*Время самодостаточных одиночек-диссидентов, описанных сугубо постмодернистски или антиутопически, подходит к концу. Герой писателя нашего времени покидает обжитые уюты своей личности в надежде обрести иную жизнь, где обязательно присутствовал бы смысл, подчас самого высокого порядка*". («Сибирские огни», 2016, № 10)

Однако не прекращаются и попытки «отрефлектировать», то есть до неузнаваемости — когда чёрное преподносится как белое и наоборот — переиначить, поставить с ног на голову наши представления о героических предшественниках и современниках, а также о классическом литературном наследии. Достается не только советским писателям, не только прототипам и персонажам литературных произведений, но даже тем актёрам театра и кино, кто воплощал в недавнем прошлом образы положительных героев

на экране и подмостках сцены. "*Эти журналисты и подобные деятели, — делится с читателем своим возмущением вдова одного из популярнейших советских киноактёров, — бросают вызов двадцатому столетию и личности Николая Алфандьева. Тут дело даже не в советских конкретных людей. Совершенно очевидно, что такие статьи полностью заказные. Их цель — очернить и обогатить*". («Советская Россия», 2017, № 11) Николай Крючков — лишь один из ряда таких примеров...

Если бы только журналисты! К подобным, уже научного уровня деятелям, по свидетельству автора рецензии из подмосковной Коломны Александра Руднева, можно, оказывается, отнести и большинство авторов фундаментального академического издания Института мировой литературы и искусства «Русская литература 1920 — 1930-х годов», которые следуют "*по пути решительного отказа от прежних замешлых, можно сказать, представлений, заскорузлых формулировок и концепций <...>, отдающих нафталином*". («Литературная Россия», 2017, № 4) Публицистический стиль рецензента, надо полагать, соответствует стремлению этих учёных "*фундаментально переформулировать*" указанный период в истории русской советской литературы.

На примере Руднева мы видим, как публицисты и критики встраиваются в заданный известного толка литературоведом "*дискурс*". В фокусе внимания и предпочтений этих литераторов оказыва-

ются, к сожалению, именно те сомнительные "*тренды*" и ущербные герои, чьи прообразы — согласимся с Владимиром Яранцевым — уже схолят с исторической сцены. Если, например, Алла Латынина озвучивает неприятие фундаментальной для реалистического искусства художественной типизации, то Валерия Пустовая репродуцирует на всю Ивановскую увлечение "экспериментальным трендом" в новейшей литературе.

Отечественную классику "*переформулируют*" сегодня те, кто сошёл с дистанции на пресловутом "*антропологическом повороте*".¹³ Александр Солженицын, например, "*отрефлектировал*" грибоедовскую пьесу «Горе от ума» («Исва», 2012, № 4); Сергей Магнитов повторил попытку Ирины Панерно и Михаила Золотонова вывернуть наизнанку роман Чернышевского «Что делать?» («Литературная Россия», 2015, № 44); Ольга Богданова решила избавить нас от традиционных представлений о горьковской пьесе «На дне» («Звезда», 2016, № 10)... Дались нам эти горе-профессора, которым ещё Маяковский советовал в своё время снять с глаз долой эту никудышную оптику!

Стоит ли после всего этого удивляться тому, что кто-то из сегодняшних старшеклассников в положительные литературные герои записывает гоголевского Чичикова? Если бы меня, например, в их возрасте с тем же усердием убеждали в "*замешлости*" традиционных тракто-

вок художественных образов, то не было бы никакой гарантии, что в качестве эпитафии к своему школьному сочинению я не взял бы что-нибудь из *антропологических* суждений того же Ужа из горьковской «Песни о Соколе»... А что? Пусть говорит:

"Мне здесь прекрасно... тепло и сыро!"

Или: "*Летай или ползай, конец известен: все в землю лягут, всё прахом будет...*".

Или: "*Зачем же гордость? Зачем укору? Затем, чтоб его прикрыть безумство своих желаний и скрыть за ними свою негодность для дела жизни?*"

Или: "*Пусть те, что землю любить не могут, живут обманом. Я знаю правду. И их призываю я не верить*."

А господа *антроверты* полагают, что это они открыли нам сегодняшнюю Америку!¹⁴

...Если бы только дети, хоть и старшего школьного возраста! Не менее очевидной становится порочность предложенного нам "*дискурса*", когда за перо берутся "дети" вполне изрядного возраста. Масса произведений пишется сегодня ими, например, на историческую тему. Так что же представляют собой их далеко уже не школьные сочинения? Каким предстаёт в них наше недавнее прошлое? Как оправдывают себя выносятся на титульный лист жагровые определения их творений как "*документальные*" или даже для пущей важности "*архивные*"? "*Об истории двадцатого века, —* отмечает по этому поводу литературовед Евгений Веж-

лян, — писатели-лауреаты (за редкими исключениями) пишут так, будто самого двадцатого века — не было < ... >. Тогда история становится просто удобным способом "упаковки", но её разорванная живая ткань не задействуется, не берётся в работу автором". («Знамя», 2017, № 1)

Разорванную такого рода сочинительством живую ткань истории пытаются связать писатели, чьи произведения сегодня на слуху. «Зимняя дорога» Лео니다 Юзефовича, например, уже замечена и отмечена на общероссийском уровне; да и «Кузбасская сага» Сергея Павлова, хотя ещё в работе, но уже привлекла своими первыми тремя романами внимание не только кузбасского читателя. Эти примеры, очевидно, можно отнести к тем редким исключениям, о которых в скобках упоминала Вежлян. Их значительность определяется тем эталонным «аршином», с каким мы подходим к реалистическому искусству: опорой на документальные свидетельства и талантом воспроизведения реальных событий и характеров с помощью творческого воображения.

... Документы, документальная проза и венчающая эту вертикаль станковая изящная словесность, в которой авторы максимально абстрагируются от конкретных прототипов и ситуаций. Возникающие при этом споры могут длиться до бесконечности. Хрестоматийный тому пример — «Гроза» Александра Островского. Такие же жаркие обсуждения до сих пор вызывает, по свидетельству режиссёра Светланы Быченко, «Территория» Олега Куваева, опубликованная более полувека тому назад. То же можно сказать, например, о романах Александра Володина, Геннадия Моисеевича и Гария Немченко, для которых документальной основой послужила живая натура. В этом и заключается волшебная сила художественной типизации: такие люди и такие обстоятельства действительно были, раз их так легко опознают и присваивают многочисленным предполагаемым прототипам.

Не все, однако, документально зафиксированные свидетельства, которые ложатся в основу литературных произведений, доступны здесь и сейчас массовому читателю. Этим, кстати, в значительной степени объясняется повышенный интерес к документальной и художественной прозе: писатель выступает одновременно в двух ипостасях — и как исследователь, и как художник. Тот же Юзефович, например, счёл принципиально важным рассказать нам в самом начале своего документального романа об удивительной истории знакомства со следственным делом генерала Пепеляева. О добротной документальной подкладке «Кузбасской саги» — как о высшей степени положительном факторе — сообщают читателям и сам автор, и те, кто исследует его творческую биографию. Таким эксклюзивным доступом к архивным материалам — ещё один из известных примеров — был и доставшийся Юрию Трифонову чемодан его отца, далеко не рядового участника Гражданской войны (повесть «Отблеск костра»).

Но есть и такие источники, с которыми любой из нас, читателей и потенциальных авторов литературных произведений, может ознакомиться, минуя за семью запорами архивы. В наследство от прошлого нам досталась отлаженная система публикаций документальных свидетельств. Кроме капитальных сборников АН СССР под говорящим названием «Литературное наследство», в которых печатались материалы по истории отечественной литературы и о содержании которых широкого читателя информировали на страницах толстых литературных журналов филологи-литературоведы¹⁵, заинтересованный читатель располагал

такими, например, надёжными источниками, как многотомные собрания сочинений, в последних томах которых обычно публиковались письма¹⁶, а также серии мемуаров, посвящённых отдельным писателям, например, изданный в 1957-ом году внушительный том «Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников» с содержательным предисловием и исчерпывающими комментариями.

Достойное место среди уникальных сборников документов занимает книга Владимира Кондратьева «Письма славы и бессмертия». Там представлены главным образом «репортажи с петлёй на шее» с 1905-го по 1922-ой годы, то есть в годы Революции и Гражданской войны в России. Эту книгу можно взять в библиотеке (тираж отдельных изданий доходил до 200 000 экземпляров), она выставлена на продажу в Интернете... Свой экземпляр автор настоящих строк приобрёл тридцать лет назад на книжном базаре в Кемерове; это было уже 4-ое, дополненное, издание.

24 августа 1905 года, в день расстрела: «У меня и Чёрного — настроение бодрое. В возможность замены расстрела каторгой не верю < ... >».

17 января 1906 года, в день казни: «Вероятно, сегодня или завтра приговор будет приведён в исполнение. Я совершенно спокойно ухожу из этого мира тьмы и насилия, уступая дорогу более молодым силам. Если нам удалось мало сделать, они кончат начатое нами».

5 марта 1906 года, утро перед казнью: «Я и другие товарищи с «Очакова» приговорены к смертной казни. Сегодня или завтра нас расстреляют. < ... > Грядущей смерти не страшусь: умереть за правое дело легко».

Что даёт нам знакомство с таким своеобразным видом эпистолярного жанра? Прежде всего, понимание того, что дело отнюдь не сводится к конкретным прототипам, о чём мы, грешным делом, больше всего по-репенитовски шумим. Тут кстати будет продолжить цитату, взятую в качестве эпиграфа: «Персонажи... взятые, конечно, из жизни, но они не портретны. Только для некоторых из них прототипом служили живые люди. Таковы Дунька, Елисаветов и в очень маленькой степени Чир, Горностаевы, Швандя и Любовь Яровая». Главное здесь в степени художественной правды: были такие люди, как Рахматов, Павел Власов и Любовь Яровая; были героические личности, воспетые в тургеневском «Пороге» и «Песне о Соколе» Максима Горького; были прообразы и Левинсона, и Метелицы с Морозкой... Запечатлённые в «Письмах славы» реальные героические личности становились легендой и персонажами литературных произведений.

5 августа 1906 года, 3 часа 10 минут, перед расстрелом: «Здравствуй, моя дорогая мама! Пишу тебе последнее письмо. < ... > Родная! Я знаю, тебе будет тяжело. Твоё сердце — сердце матери — обольётся кровью. Но верю тебе: ты поймёшь, что твой сын поступит иначе не мог.

Дорогая мама, целую тебя в последний раз. Прощай!»

... Вспомнился фильм «Казнены на рассвете» о старшем брате Владимира Ильича Ленина Александре Ульянове. Во время его съёмок, в начале 1960-х, нас, свободных от занятий студентов, собрали в качестве статистов в актовом зале главного здания Ленинградского университета... Жутко — после недавних «Страстей по Чапаю» — представить, как «от-рефлектировали» бы сегодня на экране уже не двадцатый, а девятнадцатый век!.. Никого бы не пощадили — ни прототипов, ни персонажей киносценария, ни исполнителей главных ролей!.. Книга Кондратьева, первое издание которой совпало с выходом на экраны этого ана-

лога документальной прозы в 1964 году, может быть предложена сегодняшнему читателю и зрителю в качестве действенного противоядия попыткам исказить нашу отечественную историю и вызвать недоверие к советской литературе, театру и кино.

9 августа 1906 года, накануне казни: «Милая мама, прости меня, что причинил тебе столько горя и страдания. < ... > Будь мужественна, и пусть сознание, что твой сын не пошёл против своей совести и долга, что он сделал всё, что только считал нужным и необходимым, поддержит тебя. За меня не беспокойся. < ... >

Прощай, милая мама. Прости меня. Будь счастлива».

Будь счастлива, мама... Сравним с тем, что писали в своих предсмертных письмах участники краснодонского молодёжного подполья. Любовь Шевцова просила у матери прощения за то, что не всегда её слушалась... В. Петров беспокоился о том, как будут жить после его гибели близкие: «< ... > продай мои валенки и ещё что-нибудь из вещей. Если найдётся хороший купец [Очевидно, покупатель. — В.Е.] на мои часы, то и их продай, чтобы не приходилось голодать».

18 сентября 1906 года, за три дня до расстрела: «Скоро поведут нас на казнь. Доживаем последние дни. Но мы бодро пойдём на смерть. < ... > Всю Россию всё равно не расстреляют».

Подвигом уже была вся их недолгая жизнь. Как тут, перечитывая книгу Кондратьева, не вспомнить о проникновенных строчках Маяковского:

Мне бы жить и жить,
сквозь годы мчась.
Но в конце хочу —
других желаний нету —
встретить я хочу
мой смертный час
так,
как встретил смерть
товарищ Петте.

Им бы жить да жить... А восемнадцать из авторов предсмертных записок из книги Кондратьева либо не дожили, либо едва переступили порог двадцатилетия. Многие дотянули лишь до тридцати, и только трём довелось отслужить сорокалетие; глубоким старцем среди этих молодых людей как раз и был 45-летний Нестор Александрович Каландаишвили, о котором упоминает в самом начале своего романа Юзефович...

13 февраля 1907 года, в день гибели; убит в одиночной камере Таганской тюрьмы: «Чувствую, что минуты мои сочтены < ... >. Я убедился, что затевается надо мною расправа, и добивался перевода к товарищам».

6 ноября 1907 года, за два дня до казни: «Не подумайте, что я в чём-то раскаяюсь. Это моя жизнь — выступать за страдающий, угнетённый народ».

Позже Николай Тихонов запишет о таких наших героических предшественниках и современниках:

Гвозди б делать из этих людей:
Крепче б не было в мире гвоздей.
3 сентября 1909 года, 12 часов ночи, перед казнью: «Я пишу сейчас возле эшафота, и через минуту меня повесят < ... >. Нам сейчас возле эшафота восемь человек по одному делу, бодро все держатся».

Были среди этих героев участники революционного подполья и вооружённой борьбы в рядах Красной Армии. Кроме рабочих и крестьян, были среди них и выходцы из привилегированных сословий. Тот же Каландаишвили и Микеладзе происходили из аристократических семей. Фабрикант Шмит был внуком известного миллионера Морозова. Лисинова — дочь купца 2-й гильдии. Басенко — из кубанских казаков. Из дворянского рода — Дилевская... Были и интернационалисты — из Австрии, Венгрии, Герма-

нии, Франции... Дети священнослужителей и кадровые военные... Мы до сих пор не перестаём удивляться молодости красного командира Аркадия Гайдара. А командующему Чеченской Красной Армией Асланбеку Шерипову было тоже немногим больше двадцати...

Июль 1918 года: «Дорогие родители! Судьба моя решена. Я приговорён к смерти. Теперь нахожусь в одиночке и с минуты на минуту жду расстрела». Не расстреляли. Живым закопали в землю.

12 сентября 1918 года, накануне казни: «Дорогие папа и мама! Сегодня был суд, который приговорил меня к смертной казни. Я умираю в борьбе за идею, за бедных, страдающих братьев. Умираю спокойно и прошу вас особенно обо мне не горевать < ... >».

15 октября 1918 года, за два часа до казни: «Умираю за социальную справедливость. Шлю привет живым товарищам».

Широко представлена и география происходившего: Москва и Санкт-Петербург / Петроград, Урал и Кавказ, Украина, Сибирь и Дальний Восток... На их родине или месте гибели установлены памятники: в Москве — Мантулину и Шмиту, в Уфе — Якутову, в Челябинске — Цвиллингу, в Баку — 26-ти Бакинским комиссарам, в Ирозном — Шерипову... В Анадыре (были, были у генерала Пепеляева и другие там, кроме Каландаишвили и Строла, противники!) — Берзину, во Владивостоке — Лазо... В глухой тайге, на берегу речки Сунутинки, на месте мученической смерти — Виталию Бансвуру, «герою-комсомольцу, патриоту родины, борцу революции»...

5 октября 1918 года, в день казни: «Дорогой братец, ещё моя просьба к тебе: как придут мои дорогие товарищи в Оренбург < ... >, передай им мой прощальный привет < ... > и скажи, что помер со святой верой в душе в Коммунистическую идею и умер большевиком».

20 ноября 1918 года, за два дня до расстрела: «Я повторяю, Марусечка, < ... > что твою жизнь впереди < ... >. Если встретится на твоём пути человек [Или как тут не вспомнить о наказе, который передаёт жене через своего товарища замерзающий в стени ямщик! — В.Е.], < ... > если этот человек предложит разделить твой жизненный путь < ... >, то пойдёшь с ним; одиночество будет тебе в тягость.

Я желаю тебе искренне, находясь в полном сознании, счастья в дальнейшей твоей жизни, и за то счастье, которое ты внесла в мою жизнь, — огромное, несомненное счастье — я тебе шлю своё спасибо, обнимаю и крепко-крепко целую».

27 ноября 1918 года, накануне расстрела: «Приговор, вынесенный нам, интернациональным борцам за свободу, весьма жесток: смерть через расстрел. Сегодня вечером меня и ещё семнадцать товарищей расстреляют; многие уже ушли, но не испуганные, крепкие и мужественные. < ... > ты, мама, должна гордиться своим сыном».

Память авторов писем славы и бессмертия была в советское время увековечена в названиях улиц и площадей: имени Баумана в Москве, Присягина — в Барнауле, Чёрного в Харькове... Будет, будет и на их улицах праздник!..

10 марта 1919 года, за три дня до смерти: «... когда меня не будет, ласкайте Ироку [дочь], как это делала я, и утром и вечером, когда она будет ложиться спать».

26 марта 1919 года, в день казни: «Благодарю вас всей душой! Решительно отказываюсь от вторичного побега. Но заявление начальника тюрьмы, Зелинский будет за это казнён. Строить своё благополучие на костях товарищей никак не могу...».

Март 1919 года, автору предсмертных строк 18 лет: «Фея, дорогая, будьте мужественны, как всегда. Знайте — я и моя любовь всегда с вами».

Некоторые из писем исполнены в

жанре поэтической “лебединой песни”:
*“Далеко за тюрьмой, где клубится туман,
 Без обряда схоронят меня,
 И покроет могилу колющий бурьян
 С первым зноем горячего дня.
 А зимой, когда вьюга заплачет над ней
 И ковром снеговым опажнёт,
 Зазвонят мои песни по шире степен,
 И, быть может, хоть звук
 до любимых людей
 Буйный ветер тогда донесёт”.*

*“Поэт — не жрец, курящий фимиам
 И шепчущий в ночной тиши молитву.
 Поэт — трубач, зовущий войска в битву
 И прежде всех идущий в битву сам!”*

*“Разрушен мир... Поруганы святыни.
 Погасла мысль под лезвием меча:
 Где был прекрасный мир,
 там мёртвые пустыни.*

*Будь проклят меч — оружие палача.
 Тобой разрушена великая культура.
 Тобою пролита страдальческая кровь...
 Тобою попорана вся красота Амура,
 Поругана безжалостно любовь.
 Не ты ль принёс нам ужасы и стоны,
 И вопль людей, и скрежеты зубов,
 И жертв, калек и сирот миллионы?
 Всё перечест нет сил и нету слов.
 Не спорю я — помог ты пробудиться
 Рабу от летаргического сна.
 Но всё ж я не могу с тобою примириться —
 Будь проклят меч! Будь проклята война!”*

*“Пусть я умру, пусть не увижу вас;
 Вперёд стремитесь, красные мадьяры,
 Покамест в душах молодых и ярых
 Неукротимый пламень не погас.
 Свободы не купить за грошик медный,
 В крови, в слезах — цена её тяжка.
 Благословен, кто в битве пал победной,
 А трусов смоев времени река.
 Вас ждут объятия в красном Будапеште,
 Вас ждут улыбки, песни и цветы.
 Прославит вас Восток, где шли вы прежде,
 Весь мир людской вселенной теплоты.
 Останусь я в могиле безымянной,*

*Но пламя сердца вам, друзья, атдам,
 Чтоб, словно факел яростно-багряный,
 Могучее, оно светило вам”.*

О них написаны статьи и книги в жанре документальной прозы: «Сердце Бланшера» Нагишкина, «Грач — птица весенняя» Мстиславского, «Жизнь — подвиг» Немирова о Лазо, «Хозяин Чёрного гнезда» Андриканиса о Шмите... О 26-ти Бакинских комиссарах писали Маяковский и Есенин. О Кривошлыкове упоминается у Шолохова в «Тихом Доне»... Фейгин послужил прообразом для известной песни об Орлёнке на слова Шведова...

25 апреля 1919 года, прощальная записка товарищам по борьбе: *“На моей и на крови других товарищей-борцов будет создано коммунистическое общество”.*

Апрель 1919 года, записка товарищам по подполью: *“Меня казнят. Знайте, товарищи, что я была и умираю революционеркой-коммунисткой...”.*

Не случайно, что вслед за советской литературой сегодня вкривь и вкось интерпретируется и “золотой век” нашей литературы. В “замшелых” оказывается такая, например, трактовка положительного героя тургеневского романа: *“Не имея возможности показать нам, как живёт и действует Базаров, Тургенев показал нам, как он умирает. Этого на первый раз довольно, чтобы составить представление о силах Базарова, о тех силах, которых полное развитие могло обозначиться только жизнью, борьбой, действиями и результатами... Умереть так, как умер Базаров, — всё равно, что сделать великий подвиг...”*¹⁷

6 мая 1919 года, письмо родным в день казни: *“Смертный приговор я выслушал спокойно и иду на казнь с открытой душой. Трудно прожить это время. И многие положат здесь свои головы. Прощайте!”* У этого, далеко не последнего письма есть постскриптум: *“Моя могила в лесу под Челябинском”.* Из лаконичной биографической справки, какими сопровождаются все представленные в книге Конд-

ратьева документы, мы узнаём, что молодой деревенский парень был мобилизован в армию Колчака после того, как в Тюмени была свергнута Советская власть. Но вскоре он со своими единомышленниками был арестован за агитационную работу. Шестерых солдат заставили рыть для себя могилы...

«Письма славы и бессмертия» снабжены именным указателем. О её содержании говорится в предисловии Александра Борщаговского, а в авторском послесловии Владимир Кондратьев рассказал читателю о замысле своего сборника и истории его создания.

Кондратьев — человек в документалистике не случайный. В своё время он окончил Московский государственный историко-архивный институт. За плечами у него была работа в Главном архивном управлении и журнале «Советские архивы». Но он не ограничился должностными обязанностями хранителя кладовых. На протяжении многих лет исследователь занимался розыском материалов для своей книги. Что подвигло его на этот труд? Он приводит в этой связи суждение Герцена: *“Письма — больше воспоминаний, на них запеклась кровь событий, это само прошедшее — как оно было, задержанное, нетленное”.*

На них запеклась кровь событий... Не случайно письма экспонируются в музеях среди других документальных свидетельств. Не случайной, при нашем сегодняшнем интересе к документалистике, представляется и информация о сборнике «Письма с фронта», выпущенном в издательстве «Донбасс» через десять лет после «Писем славы» Кондратьева. И не случайно об этих документах напомнила нам сегодня вдова инвалида Великой Отечественной войны Нина Инякина... («Наши земляки. Кузбасс», 2016, № 20)

Документы, документальная проза и венчающая эту вертикаль станковое искусство слова... Прообразы, среди которых заметное место занимают авторы пи-

сsem из книги Кондратьева, поддерживают в нас надежду (если ещё раз позаимствовать формулировку у того же Яранцева) обрести наконец литературного героя нашего времени *“самого высокого порядка”.*

В произведениях документальной прозы персонажи — сошлюсь ещё раз на автора «Любови Яровой» — будут портретно узнаваемыми, не то что в художественной литературе. Об этой разнице мы можем судить по взятым для примера романам Юзефовича и Павлова. У первого задача с положительным героем уже решена. Таков канон этого жанра. А вот автору «Кузбасской саги» ещё предстоит найти такого героя, который не балансировал бы в положении неустойчивого равновесия в событиях, на которых *“запеклась кровь”* второй половины двадцатого столетия.

Разница, о которой идёт речь, определяется принципиальным отличием художественной литературы от документальной прозы. Судя по трём опубликованным романам предполагаемой пенталогии, Павлову пока что удавалось удерживаться на венчающей вертикали высоте художественной типизации. Сможет ли он и дальше продолжать в том же духе? Вопрос не праздный... Поживём — увидим... Концы минувшего века, куда писатель планирует довести своих персонажей, хоть уже и “за холмом”, но всё ещё настолько присутствует в нашей сегодняшней жизни, что прототипы портретно исполненных персонажей будут читателем тотчас же установлены. А это, в свою очередь, будет означать отход автора на закреплённые за документальной прозой позиции...

Но не будем торопить события. Не будем подталкивать под локоть художника и предугадывать его решения. Не то не избежать нам, как в случае с Маяковским, решительного отпора: вот, мол, вам стило — и пишете сами...

27 марта 2017 г.

Вертикальный взлёт

Искусство есть непосредственное созерцание истины, или мышление в образах.

В.Г.Белинский. Идея искусства. 1841.

Формат «Рождения корабельной авиации»: внушительный, за полтысячи страниц, объём с избытком представленных на них материалов, продуманная, в шести частях, композиция, фотоприложение вкупе с пронизывающей книгу автобиографичностью — производит впечатление итогового проекта. Чувствуется, что у автора есть основания на подведение черты под уже сделанным и пережитым. Однако, как мне это представляется, разговор может идти только о предварительных итогах и продолжение непременно следует.

Продолжение следует... Речь в таком случае идёт вовсе не о рассматриваемой литературной новинке в целом.¹⁸ У такого рода уникальных для автора вещей ни продолжений, ни повторений обычно не бывает: хорош он или не очень, доволен ли им автор или что-то хотел бы уже теперь добавить или изменить — этот формат после публикации исчерпывает себя. Сходным образом, мы помним, не стал повторять, например, своего блестящего опыта с «Песней про купца Калашникова» Лермонтов. Продолжение в нашем случае может вызвать творческий потенциал, заложенный Анатолием Гуляевым в четвёртой и пятой частях книги. Именно на этом я и хочу остановить внимание читателя; именно этим определяется и выбор названия для статьи, и эпиграф к ней.

К “вертикальному взлёту” автор готовит читателя загодя, ставя средства художественного изображения “на прогонку”, как он делал это с “двигунами” в авиации. Начать с того, что с элементами беллетристики мы встречаемся уже в тех первых частях книги, где представлены документы. Во-первых, бросаются в глаза названия главок, не свойственные стилю деловой речи, например: «Защитные в Арктике», «Советские соколы», «Мои учителя»... Во-вторых, массу предлагаемых документов то и дело беллетризуют вкрапления в виде описаний и выразительных рассказов, рассуждений и эмоционально насыщенной публицистики.

В тон классическим образцам, например, описания впечатлений путешествующих по казённой надобности от увиденных за окном вагона картин: *“Так мы и отправились в своё первое совместное путешествие до Волгограда”.*

Всё было нам интересно. Ехали около трёх суток и во все глаза рассматривали пейзажи, которые проплывали за окном. Новосибирск, Омск, Курган, Челябинск, Уфа, Сызрань, Петров Вал... — всё знакомо только по названиям да понаслышке, а тут воочию они перед нами. Выходили на перрон, чтобы подышать воздухом и отдохнуть от колёсной тряски. Нас восхищали новые места и города. До глубины души потрясла красота пейзажей Уральских гор. Остроконечные пики елей протыкали лазурное небо. Под рельсами постанывали высооченные мосты, переброшенные через маленькие горные речки. Туннели на-

летали чёрными воронами, закрывая пространство вагона тьмой. Мы понимали, что это просто туннель, но жена от неожиданности пугалась и прижималась ко мне. После туннелей вдруг распахивался простор и стелился весёлой зелёной равниной.”

Такого рода описания читатель обычно соотносит с лирической прозой. *“Остались позади Уральские горы, и заблестела гладь матушки Волги. Мы не могли оторвать восхищённых взглядов от великой русской реки, воспетой многими поколениями русских и советских поэтов и прозаиков. Величественно катили свои воды река, и веяло от неё седой стариной. Когда-то вдоль этих берегов хаживали струги Стеньки Разина, бурлаки тянули баржи вверх по течению и пели свои заунывные песни... Сегодня по реке скользят вверх и вниз белые корабли, лихие яхты и яхточки, катера и просто лодки. Пад медленными струями несутся крикливые чайки. Время течёт вперёд, и его не остановить, так же, как и легенду Руси — Волгу”.*

Одна из главок второй части начинается с авторских размышлений о роли в нашей жизни случайных встреч и происшествий: *“Всё в жизни так переплетено, что спустя время диву даёшься превратностям судьбы. Исторические события того времени, испытания новых самолётов и наших отечественных авианосцев тесно переплетались с моей военной службой, и с личной жизнью. Лишь по прошествии многих лет я начал понимать значение в своей судьбе очень многого и, что самое интересное, — совершенно случайного”.*

Следующим в этой цепи стилизованных от-

личий художественной речи от деловых бумаг служит рассказ, к которому автор не раз обращается, предъявляя документальные свидетельства в первых трёх частях книги. Естественным образом в таком повествовании мы встречаем и диалог. Вот такой характерный пример из второй части. Потерпев аварию самолёт, пилотируемый командиром полка, с которым рассказчик считанные минуты назад визуально общался: *“Я подошёл поближе к центральной линии рулѣжной дорожки, чтобы увидеть, кто из лѣтчиков вырывается на самолѣте. Увидев в кабине Васенкова, понял, что он специально “про-руливает” мимо нас, чтобы узнать результаты наших работ. Притормозив самолѣт, жестами показывая на Як-38, он спросил меня: “Как дела на Яке?”*

Оттолкнув вверх большой палец руки, я кивнул ему головой в знак того, что у нас всё нормально — всё получилось! Командир удовлетворѣнно также ответил мне кивком и покатился по рулѣжке дальше, на взлѣтную полосу.

Зная, что разведывательный полѣт будет длиться не более двадцати минут, я кратко обговорил с подчинѣнными план дальнейших действий и поехал в штаб полка, потому что знал, что после своей до-разведки погоды Васенков вновь обязательно соберѣт всех на предполѣтные указания.

Только вошёл я в свой кабинет в штабе полка, как зазвонел телефон прямой связи с дежурным инженером полѣтов.

— На экране локатора у руководителя полѣтов исчезла “метка” командирского самолѣта, — прокричал он в трубку.

— Не понял, повтори, — ошалело ответил ему я.

— На экране локатора у руководителя полётов исчезла "метка" командирского самолёта, — слово в слово, но уже спокойным голосом доложил мне дежурный инженер.

По спине у меня поползли мурашки, и ментально пробил озноб... Оцепенение... Потом я как-то судорожно передёрнулся, потряс головой и, придя в себя, стремглав помчался из штаба обратно. Благо, служебная машина стояла на месте и солдат водитель был возле неё.

А глава под номером 14, которой открывается третья часть, представляет собой образец яркого публицистического выступления: "Августовские события 1991 года перевернули жизни многих людей. Думаю, что тяжелее всего пришлось тем, кто по различным жизненным обстоятельствам оказался за пределами Российской Федерации.

До 1991 года мы не задумывались, в какой союзной республике работать и проживать. Была единая страна.

И вот великое и сильное государство стали рвать на клочки, нисколько не думая о мнении народа. Уверенность в завтрашнем дне в одночасье сменилась растерянностью: "Что делать? В какую сторону двигаться? Как поступать правильно?"

Хаос охватил всё постсоветское пространство. Республики тянули "одеяло власти" на себя. Близстоящие у "кормушек" нагло обдирали до нитки своих и бывших своих. Шло дикое накопление капиталов. До людей ли было?"

Здесь же стоит сказать о тех случаях, когда автор переходит с прозаической речи на стихотворную. Стихи встречаются и в других частях книги. Думаю, что тут мы имеем дело не с тематической подборкой, а со стихотворными дневниковыми отступлениями. Полагаю, что автор именно по этой причине не стал ничего в этих своих давних записях "причёсывать" даже в тех случаях, когда, например, для благозвучия требовались минимальные изменения, вплоть до элементарной перестановки слов в строке. Я и сам, признаться, сторонник того, чтобы не вырубать топором позднейших усовершенствований написанного некогда в прошлом пером; и уж тем более не стоит этого делать с опубликованным текстом. Вот примеры из книги Гуляева (Без курсива: "причёсано" мной только в качестве иллюстрации технических возможностей, которыми автор не пожелал воспользоваться. На то авторская воля. — В. Е.):

Командир, пилот мой brave,
Стал "Заслуженным" у нас.
Я горжусь им: он по праву —
Испытатель высший класс! (стр. 138)

Почёт, но на сердце кручина.
Скажу я, душу не кривя,
Приятна морякам картина:
Вдали чуть видная земля. (стр. 178)

Экран в засветках, и всё шире,
Сильнее меркнет белый свет:
"Не может быть, что в этом мире
Уж неба ясного нам нет..." (стр. 240)

Всё было в жизни! По порядку:
Удачи, радости, был страх!
Несли мы СЕМЬДЕСЯТДЕВЯТКУ
С тобой, с «ТБИИСИ», на руках... (стр. 282)

Молвят: "Должность незавидна,
Можно "так себе" сказать;
Высших званий не заслужишь,
И наград вам не видать". (стр. 292)

Все руками лишь разводят:
"Где же быть? Иди свищи!"
Скажет кто-то: "В кабинете,
То есть в бане пощи!" (стр. 312)

В заключение разговора о начальном этапе беллетристики документального материала скажу, что рассказ о полёте на самолёте Ил-14 в конце первой части уже заслуживает того, чтобы отнести его к той документальной прозе, образцы которой автор поместил в четвёртой части своей книги.

Итак, следующей несущей ступенью подъёма становится документальная проза четвёртой части книги. Мы помним, какое значение придавали "физиологическим очеркам" отечественные литераторы "золотого века". Тут вполне уместна опора на факт, и Гуляев время от времени продолжает "документировать" рассказы, вводя биографические справки и фотоснимки. Более того, он предваряет четвёртую часть декларацией, суть которой с предельной чёткостью и однозначностью выразил в заголовке 18-ой главы («Жизнь, как она была») и названии вступительного слова («Правду и только правду!»). Кроме того, неопровержимость факта подкрепляется непосредственным участием автора-рассказчика в изображаемых событиях. Последнее, кстати, сказало на том, что повествование стало разворачиваться в сторону "лирической прозы":

"Есть ли место подвигу в профессиональной деятельности авиационного техника или другого специалиста инженерно-авиационной службы?" — задаю сам себе вопрос. "Есть!" — сам же себе и отвечаю. Поскольку точно знаю, что в годы Великой Отечественной войны, как отмечали очевидцы, героизм в деятельности ИАС (Инженерно-авиационная служба. — В. Е.) боевых лётных частей был массовым и повседневным. Чего только стоило подержание в боеготовности самолётного парка в невероятно сложных фронтовых условиях без достаточного количества запасных частей! Об эвакуации самолётов с мест вынужденных посадок, подбитых в воздушных боях, но пригодных для восстановления истребителей и бомбардировщиков уж и говорить нечего. Иначе, чем героизм, назвать невозможно деятельность специалистов ИАС во время войны. Все работы были на грани человеческих возможностей и большого риска." Как тут не вспомнить фильм Леонида Быкова «В бой идут одни старики» с яркими друзьями лётчиков и "технарей"!

Самый большой интерес книги Гуляева вызовет, конечно, у авиаторов: ветеранов, проходящих действительную службу и будущего пополнения их героических рядов. Не оставит, я уверен, равнодушным она и более широкого читателя. Этому способствует и притчевая нравоучительность, на которую автор порой выводит читателя в документальной прозе. Иногда он сам в ходе "разбирательства" приходит к бесполезным и для нас выводам. Вспоминаю, как он совершил попомку самолёта, а прапорщик предложил взять вину на себя, потому что истинного виновника могли не пустить учиться в академию, Гуляев в конце рассказа пишет: "Мои командиры поняли, что была допущена элементарная и нелепая ошибка, поверили в моё искреннее раскаяние и с миром отпустили в дальнейшую жизнь, без каких-либо ограничений допустили к дальнейшей работе. Беспрепятственно разрешили поступать учиться в академию на заочное отделение.

Вспоминая времена давнюю серьёзную свою поломку самолёта и пережитое в те дни, я всегда благодарил судьбу за то, что не поддавался соблазну: не начал выкручиваться, врать, переваливать вину на кого-то другого и прочее. И в то же время согревает душу то, что в трудную минуту рядом со мной были люди, готовые искренне помочь, подставить своё плечо, разделить неожиданно свалившуюся на меня тяжесть.

Прояви я тогда трусость и слабость — до сих пор бы мучил меня стыд за это. На-

верняка после этого я не смог бы дальше служить не только в военной авиации, но и вообще в армии. Сколько раз убеждался, что человек, не способный сознаться в своих ошибках и промахах — в авиации служить не должен, не имеет права!

Авиация и ложь — несовместимые величины!" Как тут не вспомнить пушкинское: "гений и злодейство — две вещи несовместные"!

Ещё пример. Командир полка объявляет своему заместителю серьёзное взыскание за промахи его подчинённых. "Специфика воинской службы, — делится с читателем автор, — любого заместителя командира полка по ИАС такова, что долго ходить без взысканий ни у кого не получается. Потому что взыскания зам. по ИАС получает, как правило, не за свои промахи и ошибки, а за ошибки и промахи своих подчинённых. А подчинённых у него не одно сотня человек, и каждый из них время от времени ошибается.

Тем не менее, служебные несоответствия замкам по ИАС объявляют нечасто.

У меня, как оказалось позднее, это несоответствие было единственным. Конечно, дела в полку у нас после этого моего строгого взыскания не поднялись до такого высокого уровня, что для взыскания места в жизни не осталось. Нет. Просто с каждой ошибкой и промахом в своей работе, да и в работе подчинённых, у каждого человека растут навыки и набирается опыт.

Именно с опытом приходит умение не совершать промахов. Если и случались какие-то промахи, то теперь я старался законными путями обойти крайности".

В других случаях наш герой набирался опыта, слушая наставления своих командиров. С чувством глубокой благодарности вспоминает он, например, командира бывшей своей эскадрильи Евгения Михайловича Никитина. Однажды, уже после выхода на пенсию, тот зашёл к нему в кабинет после того, как рассказчик провёл очередной технический разбор с офицерами ИАС полка. Поговорили, как водится, о делах служебных, поинтересовался бывший командир и обстоятельностью личной жизни своего бывшего подчинённого. А потом завёл речь о том, ради чего он и пришёл к нему. "Знаешь, — доверительно начал Никитин, — я ведь тоже очень требовательно относился к подчинённым. Никогда не оставлял без внимания проступки своих подчинённых. И провинившихся строго наказывал, но только провинившихся. Ты же ругаешь и обвиняешь всех... Не могут виноватыми быть все, или все плохо работать. В таком случае — ты плохой командир и начальник. Наказывать подчинённых за проступки надо. Возможно, что командиру приходится наказывать всех своих подчинённых, но не одновременно. Пойми, ты выходец из моей Первой эскадрильи. Я считал тебя своим учеником. Поэтому мне очень неприятно слышать, что ты плохой и не справляешься с должностными обязанностями".

Много лет спустя герой этого рассказа вспоминает о том последнем напутствии его первого командира: "Мне до сих пор стыдно, что я своими проступками и действиями дал повод для того разговора." И дальше следует соответствующее жанру лирической прозы проникновенное заключение: "Полковника Никитина Евгения Михайловича считаю одним из самых главных своих наставников и учителей, хорошим командиром и великим педагогом, на которого равнялся и равняюсь всю жизнь. И то, что он встретился на моём жизненном пути, считаю одной из самых больших удач в моей судьбе".

Другой пример, который заставляет задуматься читателя, далёкого от лётчиков и "технарей" и вообще от каких бы то ни было реалий армейской жизни. Как вообще часто мы с лёгкостью берёмся су-

дить о работе профессионалов, не имея ни малейшего представления о специфике их работы! А тут ещё и подброшенная нам из-за бугра пресловутая идея "междисциплинарности", о которой в своё время с уничтожающим сарказмом писали и Крылов (в басне «Шука и Кот»), и Пушкин (в стихотворной притче «Сапожник»). Нашему рассказчику, действительно, везло на встречи с замечательными людьми. Вот как напутствовал его при назначении на должность замкомполка по Инженерно-авиационной службе генерал-майор авиации Анатолий Алексеевич Седых: "Никогда не говори, что кто-то из лётчиков не умеет летать или неправильно летает. Оценивать лётное мастерство пилотов в наши с тобой обязанности не входит. Летает каждый из них по-своему и так, как научили его когда-то первые инструкторы в лётном училище и последующие командиры".

Пятая часть книги Анатолия Гуляева обозначена автором как "литературно-художественная россыпь". Будь я профессиональным критиком, именно на ней и сосредоточил бы своё внимание, оценивая литературную новинку в контексте наиболее заметных современных мастеров слова. Но, оставаясь (после 25-летней, как у Анатолия Николаевича, службы в качестве школьного учителя) просветителем, вижу свою задачу в популяризации стремительно выходящих из сознания массового читателя представлений о текущем литературном процессе. Этим объясняется та или иная композиция моих работ, которую я неизменно выстраиваю, повторяюсь, на литературоведческом каркасе. Не стала исключением и настоящая подборка из трёх статей.

Чураясь упомянутой выше "междисциплинарности", я не стану перебегать порогу и пытаться под ногами у профессиональных критиков; они и без меня разберутся и разложат по полочкам достоинства и изъяны гуляевской "россыпи" — в меру своих собственных литературно-критических возможностей: не боги горшки обжигают. Меня же в данном случае интересует диспозиция между документальной прозой и станковой изысканной словесностью, и литературный проект Гуляева — замечательный в данном случае материал к размышлению. Как происходит у писателя переход — туда и обратно — от документалистики, от мышления, опирающегося на предъявляемые факты, к художественному творчеству, в основе которого, по мысли Белинского, лежит мышление художественными образами? Речь идёт, разумеется, не о превосходстве одного над другим, а лишь о различии между ними.

В результате успешного "вертикального взлёта" Гуляев продемонстрировал способность работать как с документальной прозой (главным образом в её лирической ипостаси, так и — пока ещё с заметной робостью — с типизированными ситуациями и персонажами. В пятой части ему удалось — таки в определённой степени оторваться от мышления фактами и только фактами. Не берусь предсказывать, в какой области он предпочтёт совершенствовать своё мастерство в будущем. Но сделано такое крутое начало, про которое говорят — половину откачали. Автор вправе выбирать соответственно своим наклонностям и возможностям. А читатель должен иметь представление, какими возможностями располагает каждый из предлагаемых ему вариантов, чтобы не идти на поводу у "раскручиваемых" авторов и по-обывательски воспринимать "моды", когда мы, как, например, сегодня, отоглоло увлекаться "попфикиней", ворота нос от "немодного" нынче классического станкового искусства.

В предложенных в пятой части образцах — на моё читательское восприятие —

“россыпь” у Гуляева отличается от лирической прозы четвёртой части и прототипов из первых трёх частей заметным отсутствием жизнеутверждающего пафоса. Будто одному автору везло в жизни на хороших людей! Так не бывает. Так писали и продолжают писать сочинители “другой литературы”: сами наслаждаются чтением классики — то есть общаются с действительно лучшими из лучших — “соль соли” людьми, а своего, пафоса на скабрезное читателя, пичкают чёрт-те чем.

А это уже выводит нас в пятую часть книги на разговор о художественном методе, на который ориентируется — всегда и везде — любой сочинитель. Не будем кривить душой, утверждая, что сегодняшний читатель хорошо ориентируется в этом вопросе: даже в эпицентре нашего литературно-критического “бомонда” царит такая неразбериха, что святых, как говорится, выноси! Сошлюсь на яркий пример редактора журнала «Роман-газеты», который — чур-чур нас! — пытается ввести в литературоведческий оборот неизвестный доселе “уникальный” (пока без названия) художественный метод, с помощью которого якобы только и можно объяснить творческие успехи “русского писателя советского времени” Виктора Лихоносова (бедный автор «Нашего маленького Парижа»¹⁹ В Википедии по старинке его творческим методом назван социалистический реализм).

О каком пафосе идёт здесь речь? Вспомним горьковскую Изергиль с её убеждением, что в жизни всегда есть место подвигам. И мы сегодня вновь и вновь убеждаемся в справедливости её слов. Да и первые три части у самого Гуляева ломаются, что называется, от прототипов положительных героев, но в пятую они ещё не дошли. Пример Гуляева говорит о сложности перехода на уровень мышления художественными образами. У Белинского статья об этом так и осталась в черновике. Что ещё он унёс с собой, уходя от нас столь же безвременно, как Пушкин?..

Неопровержимость фактов, с одной стороны, и всеобъемлющая сила художественной типизации, с другой, когда имена, ещё вчера собственные, сегодня уже становятся нарицательными... В фильме Марка Захарова «Тот самый Мюнхгаузен» по сценарию Григория Горина есть эпизод на эту тему. Отвечая на вопрос сына барона, факт ли, что герцог разрешил развод его отцу, бургомистр отвечает: “Нет, это не факт. Это больше, чем факт. Так это было на самом деле.” БОЛЬШЕ, ЧЕМ ФАКТ — вот что такое художественная типизация, или мышление в образах. Писателю остаётся лишь “занимать, переписать” подсказанные его творческим воображением картины.

А критики, очевидно, начнут с операции “обогащения”, извлекая из пятой части “породу” (лирическую прозу) и перемещая её в четвёртую часть. Не будем им мешать, они своё дело знают. Но вот когда самые рьяные из них начнут тыкать пальцами в небо, уверяя нас, что Гуляев — не Пушкин и не Лев Толстой, тут самое время подать реплику с места: легче всего сказать о своём современнике, что он-де не гений... Гуляев, действительно, не пишется в число выдающихся поэтов и прозаиков. Это правда. Как правда и то, что и мы с вами, пишущие или вслух рассуждающие сегодня о литературе, тоже не Белинские... Но литературный процесс складывается, слава богу, не из одних только шедевров и раскрученных коммерческих поделок, как горные цепи не состоят из одних лишь вершин и провалов...

Документы, документальная проза и венчающая эту вертикаль станковое искусство слова, где типичные характеры проявляют себя в типичных для той или иной эпохи обстоятельствах. Книга Анатолия Гуляева о палубной авиации даёт

нам наглядное представление о том, на какой почве произрастает и набирает силу писатель, мыслящий художественными образами, в отличие от тех горе-писак, что мыслят высосанными из пальца бесплодными “экспериментами”, “конструкциями” и ходульными антисоветскими стереотипами.

У нас сегодня в избытке такого, чего человеку не надо. И умножительным дефицитом становится — если перефразировать героя пьесы «Золотая карета» — именно “чёрный хлеб правды” советской литературы, в духе и под благотворным влиянием которой писал свою книгу Гуляев. “Хорош врать!” — так можно было бы в двух словах передать идейное содержание этого проекта. Врут про прошлое и настоящее России, врут, “экспериментируя”, про её армию и культуру, камня на камне не оставляют от былого величия нашей Родины и замалчивают героизм её замечательных людей... А ведь всё было иначе. “Человеку, — говорит полковник Берёзкин в упомянутой леоновской пьесе, — не надо дворцов в сто комнат и апельсиновую рошу у моря. Ни славы, ни почтения от рабов ему не надо. Человеку надо, чтоб прийти домой... и дочка в окно ему навстречу смотрит, и жена режет чёрный хлеб счастья. Потом они сидят, сплетя руки, трое. И свет из них падает на деревянный некрашеный стол. И на небо...”

Биографическими справками и другими лаконичными сведениями о прототипах таких советских офицеров заполнены страницы первых трёх частей книги Гуляева. Это напрямую перекликается с той кропотливой работой, какой ещё вчера занимался Владимир Кондратьев для своих «Писем славы и бессмертия». А её “взлётную” художественную прозу можно рассматривать как выход на орбиту с первой космической скоростью. А дальше... продолжение, я надеюсь, следует. На второй уже космической скорости. В прямом и переносном смысле. Благо, что у Гуляева есть примеры того и другого: один из лёгчиков, о которых он поведал нам, стал космонавтом, а другой...

Приятным открытием лично для меня были страницы, посвящённые автору всемирно известной песни, которая навсегда останется одним из самых замечательных памятников советской эпохе: *Костры горят далёкие, Луна в реке купается, А парень с милой девушкой На лавочке прощаются...*

Воспитанный — спасибо советской школе! — на отечественной и мировой классике, я, тем не менее, с неподдельным интересом и удовольствием читал книгу своего земляка и коллеги-литератора и искренне благодарен ему и уже с ним, доносящим до нас в эпоху сниженных и мыльных опер “чёрный хлеб правды”. Таким, мы помним, был в своё время “вертикальный взлёт” многонациональной советской литературы. Таким, по выражению Юрия Трифонова, “временем и местом” определяется в конечном счёте и значение литературного проекта Анатолия Гуляева. Сошлюсь ещё раз на того же редактора «Роман-газеты» Юрия Козлова (есть, есть среди путаных суждений и явных противоречий и в его упомянутой статье свидетельство, заслуживающее внимания сегодняшнего читателя): “Где произведения, выражающие народную правду? В советское время любое, даже не самое талантливое, но претендующее на правду о жизни литературное произведение становилось бестселлером. Сегодня ощущение такое, что правда никому не нужна. Она тонет в белом и чёрном “информационном шуме”, взаимоисключающих толкованиях. Люди дезориентированы,

энергии отдельных личностей не складываются в общую волю < ... >”.

Ну, что ж!.. Репетилы (“Шумим, братцы, шумим...”), похоже, за минувшие два века не только не перевелись, но даже поднатерели в нагнетании “информационного шума”, будь то политика, культура или литературоведение. Тем весомей слово тех, кто в поисках истины роется в архивах или в своей собственной памяти, идёт за правдой “в народ” или сам пытается просветить его, кто в эпоху цифровых технологий не сбрасывает с корабля современности потенциал печатного слова и кто в меру своих творческих возможностей возрождает в нас ощущение, что праведно жить нам без правды нельзя...

Не Белинские?.. Не Толстые?.. Не Пушкины?..

Но вполне (не чета декалентам!) достойные читательского внимания литераторы.

25 ноября 2018 г.

Примечания:

¹ Рязанские ведомости, 2012, № 140, 3 авг.

² Подробно об этом в статье «Литературный калейдоскоп». — В.И.Елатов. Остаюсь учителем. Сборник статей. — Новокузнецк, издательство «Союз писателей», 2014. Стр. 206 — 222.

³ «Огни Кузбасса», 2015, № 4.

⁴ См. примеч. 2.

⁵ Англ. слово “fiction” употреблено здесь в значении “фикция, выдумка, обман”, тогда как в термине “non fiction” оно означает “художественная литература”.

⁶ Чурилов Виктор. Повесть «413-ю повернуть на юг». — «Огни Кузбасса», 2015, № 2.

⁷ Сергей Чупринин. Мой адресат — люди литературно озабоченные. — Литература, 2016, № 70.

⁸ Там же.

⁹ Поскольку моя статья «Реплика с места» (2015) до сих пор не опубликована, поясню, что о так называемом “антропологическом повороте” в литературоведении заговорили как раз в пик шумихи, связанной с Non fiction. Читатель найдёт необходимую информацию об этой импортной новинке в журнале «Новое литературное обозрение», начиная с 2009-го года.

¹⁰ См. примеч. 9.

¹¹ Эту песню написал Вацлав Свенцинский, Кржижановский — автор русского текста.

¹² Бергольд родился в 1910 году.

¹³ Ввиду того, что моя статья «Реплика с места» (2015), посвящённая этому “повороту” в литературоведении, до сих пор не опубликована, отсылаю читателя к материалам журнала «Новое литературное обозрение», начиная с 2009 года.

¹⁴ Разумеется, сегодняшняя литературная Америка отнюдь не сводится к деятельности американского глашатая “антропологического поворота” профессора Кевина Платта (см., нпр., «НЛО», 2012, № 113). О своём глубоком почтении к творчеству американских писателей, классиков и современников, я рассказывал читателю в статье «Литературный калейдоскоп» (сборник статей «Остаюсь учителем». — Новокузнецк, «Союз писателей», 2014).

¹⁵ Например, профессор ЛГУ им. А.А.Жданова Г.А.Бялый рассказал в «Новом мире» (1961, № 1) о Чеховском, а в «Вопросах литературы» (1965, № 4) — о Тургеневском томах «Литературного наследия».

¹⁶ Например, Собрание сочинений В.Г.Белинского в 9 томах, в последнем томе которого помещены письма 1829 — 1848 гг. (Москва, 1982).

¹⁷ Д.И.Писарев. Сочинения в 4-х томах, т. II. М., Гослитиздат, 1955, стр. 45 — 46.

¹⁸ Гуляев А.Н. Как рождалась корабельная авиация России. — Новокузнецк — Прокопьевск. 2018.

¹⁹ Журнал «Наш современник», 2018, № 7.

г. Прокопьевск

Руфина МАКСИМОВА

Максимова Руфина Сергеевна, журналист, член Союза русских, украинских и белорусских писателей Крыма, Союза писателей Республики Крым, Союза писателей России. Автор шести книг прозы, восьми поэтических сборников, Лауреат литературной премии им. А.И. Домбровского, Всероссийской литературной премии им. Николая Гумилёва, премии им. поэта Льва Болдова.

О прошлом

Бывает так невыносимо — представить прошлого пути. Ты столько вынесла, Россия, пока в наш день смогла дойти. Ты вымерена злом следами во всех веках гуляло зло. С тобой вместе мы страдали, с тобой в надеждах нам везло, с тобой делились каждой новью — замысловата ли, проста. С тобой мы связаны любовью той жизни, что писали кровью за нас распятого Христа.

Какие дни рождения бывали, застольная до ночи суета... Мои года шампанским обмывали, а водочку — за долгие лета.

По прошлому с поэтами гуляли: Рождественский — девчонок первый бой: «Зенитчицы кричали и стреляли», Москву прикрыли по-мужски собой...

Любили Ахмадулиной любовью, а светлоскоп Друниной солдат заставил мир своей девичьей болью кровить в календаре военных дат.

Какие песни мы когда-то пели, и стар, и млад... Их подпевали все. Вызывали майские капли в душе, как в среднерусской полосе.

Какие нам стихи тогда писали! Был Евтушенко праведный кумир, аплодисменты залы сотрясали, а барды сотрясали целый мир.

Высоцкий, Вознесенский, Окуджава, как будто наши души — до gola... Была тогда великая держава! Великая поэзия была!

По рельсам времени

По рельсам времени выстукивает грусть капелью поднебесной закопной. На радости весенние молюсь, чтоб долго жили, праведно, законно, не нарушая лета красоты, и осени, и зим напевы слыша... Пусть будут наши радости святы, в греховность не допущенные свыше.

Я уйду и вернусь

Я уйду и вернусь! Буду снова и любить, и страдать, и корить. И опять первозданное слово будет разуму строки дарить. Чтобы вновь из космической дали нам, как прежде, спешили воздать прадаители, что наблюдали, позволяя другим наблюдать за делами в истоках Надежды на искоженном нами пути... Я уйду, но вернусь, как и прежде, чтобы жить, чтоб любить, чтоб уйти.

«Дни Любви Никоновой»-2019

31 января 2019 года в Литературно-мемориальном музее Ф.М. Достоевского (ул. Достоевского, 29) прошли ежегодные «Дни Любви Никоновой». «С Любовью о Любви» — так называлась тема встречи поклонников творчества нашей талантливой современницы, поэта, педагога, члена СП России, руководителя детско-юношеских литературных студий Любви Алексеевны Никоновой (1951-2012). Проект, реализуемый с 2012 года Литературно-мемориальным музеем Ф.М. Достоевского при поддержке Кемеровского отделения Союза писателей России, был приурочен к 68-летию известной кузбасской поэтессы, прозаика, публициста, педагога и предстоящему 300-летию Кузбасса.

В программу встречи вошли: литературные чтения авторских произведений и комментарии к ним, открытие мини-выставки «Три любви Л.А. Никоновой» из фондов музея Ф.М. Достоевского, литературно-музыкальная композиция «С Любовью о Любви», подготовленная актерами музейного театра. «Дни Любви Никоновой» открылись выступлением учащихся и преподавателей МБУДО «Детская музыкальная школа № 40», исполнивших классические произведения на рояле, скрипках и флейте. Произведения К. Гюка, Л. Вивальди, Р. Гийо, К. Бомма, Ф. Шуберта произвели неизгладимое впечатление на присутствующих и создали особую атмосферу в литературной гостиной музея.

Участники «Дней...» узнали об особенностях воплощения вечной темы в её поэтическом и прозаическом творчестве, о главных объектах её любви. О разных ликах любви в творчестве Л.А. Никоновой, обратившись к трем авторским стихотворениям, рассказал кандидат педагогических наук, много лет отдавший воспитанию молодых кадров в КузГПА, постоянный участник городских культурно-образовательных и научно-просветительских проектов и «Дней Любви Никоновой» Анатолий Семенович Сазыкин. Некоторые параллели творчества Любви Никоновой и русской поэтической традиции показала в своем выступлении кандидат филологических наук В.Г. Ингольд.

Многим запомнилось обращение священника Дмитрия Вострикова, который в простой и доступной форме, но очень глубоко и прочувствованно, разъяснил, что такое Любовь в православном понимании, и как она связана с развитием творчества и личности в целом. Участники культурно-образовательного проекта получили возможность познакомиться с экспонатами выставки «Три любви Л.А. Никоновой». Они составляют лишь скромную часть личного архива писательницы, хранящегося в собрании музея Ф.М. Достоевского и переданного в музейный фонд её родной сестрой Валентиной Алексеевной Смотрительевой. Это фотографии, рукописи, личные вещи, поэтические сборники, представляющие три объекта большой Любви писательницы: Любовь к малой Родине — Владимировке Самарской области, к литературному творчеству и книге. Некоторые экспонаты, например, икона Казанской Божией Матери, принадлежавшая поэтессе и написанная новокузнецкой художницей Альбертиной Фомченко, демонстрировались впервые. Весь вечер звучали в литературной гостиной музея проникновенные строки Л.А. Никоновой о любви. Произведения читали и комментировали новокузнецкие поэты, в том числе участники литературного объединения «Творческая шкатулка» (руководитель — Наталья Палаткина), библиотечные и музейные сотрудники, друзья и коллеги писательницы, почитатели её таланта. А гитарист Геннадий Лузянин исполнил песни и романсы на стихи Любви Никоновой: «Не правьтесь мне, я вас люблю...», «В волосах твоих красные розы...».

Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского. г. Новокузнецк.

Цветные волны вдохновения Любовь Никонова

Свет неотступный

В глубине сознания отмечено,
Как блистает неотступный свет
Там, где утро мудренее вечера.
Это утро длится сотни лет.

Там загадка мира выясняется.
Солнцем порождается не зря,
Долго над землей распространяется
Алая духовная заря.

Вот в степи раскрылись колокольчики,
Жаворонок в небе зазвенел.
Солнечных лучей тугие кончики
Уподобились дождю летящих стрел.

Сердце в это время украшается
Цветом красным, синим, золотым Чудо.
Чудо Божье совершается
Мир земной становится святым.

Цветные волны вдохновения

Меня живо формы знания,
Листая лучших дней мгновения,
Прихлынут к берегу сознания
Цветные волны вдохновения.

Осмыслишь отраженья радуги,
Секреты красного, зеленого,
Явленья живоносной радости
И духа, всюду растворенного.

Постигнешь синее, лиловое...
И, красками буруевый,
Вдруг превратится в нечто новое
Знакомый мир неузнаваемый...

Родственник тигровых бабочек

Воображенью умного ребенка
Нарисовало славного тигренка.

Тигренок был из поколений новых,
Считался родственником
бабочек тигровых.

Резвясь в объятьях мамы или папы,
Тигренок в ход пускал охотно лапы,
По иногда таинственно грустил
И делался меланхолично мил,
Иль громко угрожающе рычал,
Иль слишком выразительно молчал...

Иней теплится бисерно,
Сахарно,
Мелко,
Умывается снегом
Красивая белка.
Оснеженная пихточка,
Девочка в шубке,
Свет январский приемлет
Душою голубки.
Ожиданья прозрачны.
Предчувствия сладки.
Любит пихточка думать
Про Божьи загадки,
Каждой клеточкой юною
Знает своею:
Кто-то видит ее
И любит ее.

Кто-то дал ей наряд
И в блистанье особом
Посетил этот лес
И прошел по сугробам,
И сказал: «Эта местность
Не будет унылой —
Я старался для маленькой
Девочки милой».

Мне бы Вас забавлять
жемчугами росинок,
Иль игрой золотых тростников,
Или тонким шитьем
ненаглядных травинок —

И не слышать ни дней, ни веков.

Мне бы с Вами сидеть над
наивным альбомом
Или просто молчать у огня —
И ничто никогда в этом мире огромном
Не могло бы расстроить меня.

Проходили б столетья или моменты,
Ну, а мы в неизменном раю
Не делили бы вечную жизнь
на фрагменты,
Не боялись признаться: «Люблю!»

В немерцающем свете,
в содружестве лилий,
Растворяясь, как сахар в воде,
Мы бы жили без горьких страстей
и усилий
И не знали о зле и вражде...

Вот приблизилась снова
минута свиданья...
Мы одни на родном берегу...
Но от счастья я плачу слезами страданья
И блаженства вместить не могу.

Будем молоды! Будем вдвоем!
Сердце сердцу ответить сумеет,
Мир пронизан прозрачным огнем,
В нем горячая жизнь пламенеет.

Что творится в садах и дворцах!
Вижу блеск чьих-то символов кровных.
Это лебеди в брачных венцах,
Это лилии в царских коронах.

Не боятся стихий существа.
Их одежды — из радуг и молний.
Голоса их полны торжества
В общем строе природных симфоний.

Огневидные кубки с вином

Переносятся в царстве всемирном
Персонажами в чем-то цветном,
В чем-то газовом, легком, эфирном.

Это нам отдают небеса
Землю жизни, одетую светом.
И творятся для нас чудеса
В измерении, любовью согретом.

К тебе летят сияющие птицы.
Их обгоняют сказочные ветры.
Меж небом и землею, на границе,
Цветут, как свечи, золотые вербы.

Вокруг тебя, пронизанные светом,
Сидят зверьки с янтарными глазами.
Они, подобно эльфам и поэтам,
От счастья плачут нежными слезами.

Не помня дней недобрых или мрачных,
Желая петь, ликуя, словно птица,
Войду я в круг существ светопрозрачных
И попрошу немного потесниться.

И, проникаясь светлым приобщеньем,
Твой образ буду созерцать я долго
И жить одним глубоким ощущеньем —
Смиреньем, доведенным до восторга.

«Если гора не идёт к Магомету...»

Открытое письмо к культурному сообществу Кузбасса

Причиной, побудившей меня взяться за написание этого письма, явилась публикация статьи «В чём сила, брат?» («МК в Кузбассе» от 18.04.2018 года), адресованная читателям газеты и новому руководству области.

Автор статьи Бурмистров Борис Васильевич, председатель Правления Союза писателей Кузбасса, секретарь Правления Союза писателей России, директор Дома литераторов Кузбасса, Заслуженный работник Культуры РФ, член Общественной Палаты Кемеровской области, автор 12-ти поэтических сборников (книг). В статье Бурмистров Б.В. поведал читателям о плачевном состоянии в писательской организации Кемеровской области. «В чём сила, брат?!» — спрашивает автор в самом начале статьи, повторяя знаменитую фразу из фильма о беспределах-уголовниках «Брат», и тут же отвечает словами из этого же фильма: «Не в деньгах, брат, а в правде. У кого больше правды, тот и сильнее...»

Печалюсь о том, что из писательской организации «чиновники от Культуры» делают «Писательскую шарашку», в которой не кормят, но требуют зарабатывать деньги, Бурмистров Б.В. взмолился: «Господи! Прости мя грешного. Прости, что не хватило сил отстоять Дом литераторов, наш духовный храм от разрушения, от торгашей. Не хватило сил показать всей общественности пагубность той системы, которую внедряют чиновники от Культуры в нашу реальную жизнь».

И что же внедряют чиновники от Культуры в реальную жизнь Бурмистрова Б.В., что же явилось поводом для обращения к Богу нашего главного писателя области?

Оказывается, чиновники от Культуры из областной администрации, не считаясь с мнением и желанием уважаемого Бориса Васильевича «в процессе оптимизации, свалили в кучу Дом художников и Дом литераторов, создали в Доме литераторов Кузбасса непонятное объединение «Кузбасский центр искусств», который должен зарабатывать деньги, не имея предмета продажи». К тому же, не очень великую финансовую помощь, ранее выделяемую Правлению Союза писателей Кузбасса, начали обрезать.

Ясное дело, что всё это не в радость. Но власть она и есть власть: хочет — даст, хочет — заберёт обратно, не на вечное же пользование она это всё давала. К тому же, власть любит спрашивать: «А что вы сделали за всё время своего «сидения» в выделенном вам помещении и куда потратили выделяемые вам деньги?»

Обидно? Конечно, обидно!

«С приходом в департамент культуры нового руководства начались унижительные, необоснованные обвинения в адрес писательского сообщества. Наиболее явно это выразилось на 2-м съезде литераторов Кузбасса, где руководство департамента облило всю нашу деятельность чёрной краской, даже серого цвета не нашлось. А во главу всех проблем поставлено было одно — платные услуги, которые писатели якобы должны были предоставлять кузбассовцам. В самом названии уже что-то есть от «древней профессии»: услужил — получи... Но, как можно всё продавать и покупать? Разве всему есть цена? Есть бесценные вещи».

Президент В. Путин и губернатор А. Тулеев всегда говорили о дотации в Культуру и суммы объявлялись приличными».

Вот тут-то и мне захотелось высказать свои соображения по поводу литератур-

ной жизни в нашей области.

Хотя, я и назвал Бурмистрова Б.В. «главным писателем Кузбасса», но он не является представителем всего кузбасского писательства. В области, как и в стране, есть, как минимум, ещё одна писательская организация «Союз кузбасских писателей» (в названии нового Союза... явное словоблудие: общественная организация другая, а название почти тоже, сокращённо: «СПК» и «СКП»). «СКП» является областным отделением Общероссийской общественной писательской организации — «Союз российских писателей».

Кроме того в нашей области есть и иные писательские объединения, писательские сообщества и клубы которые не входят ни в первый писательский Союз, ни во второй.

Есть в области и более мелкие писательские объединения. К примеру, наше — в котором четыре технических работника, занимающиеся выпуском газеты и

Мы «отбиваемся» от них: почти при каждом очередном отчёте езжу к ним с пояснительными письмами. Разъясняя, что такое положение дел ныне не только у меня в «Усятской россыпи», а и во всей стране — во всей российской литературной индустрии. Говорю и убеждаю инспекторов в том, что, несмотря на то, что мою литературно-художественную газету Альманах, почти не покупают, но бесполезной считать её нельзя. Поскольку в ней публикуют свои наработки (литературные произведения) многие наши начинающие литераторы, из которых, вполне возможно, в недалёком будущем вырастут и известные писатели, которыми будет гордиться не только наша область, но и вся наша страна. Сегодня же, для постоянного повышения их писательского уровня, их навыков, необходимо не только постоянно писать, но и где-то постоянно публиковаться. Иначе из них никогда не вырастут ни Пушкины, ни Достоевские...

Наглядным примером в этом плане могут служить наши спортивные школы (спортивные комплексы «Олимпийского резерва»): создали свои школы, появились и первые наши чемпионы страны, и чемпионы мира, будут и олимпийские чемпионы.

Спортивные школы есть, а литературно-писательских школ нет. Откуда же тогда взялись нашим великим писателям? Единственный в области литературный журнал «Огни Кузбасса» очень многим нашим начинающим писателям недоступен, поскольку там публикуют только тех, кто, образно выражаясь, стометровку пробегает за 11 секунд (и не более), а в высоту прыгает не менее чем на полтора метра. А чтобы добиться таких результатов, сколько времени и как нужно тренироваться? Много! А, где?

Во времена моей молодости все начинающие литераторы свои литературные школы проходили на Литературных страницах городских газет. Ныне и такой возможности нет, хотя городских газет стало больше.

К тому же ещё, в последнее время, областной литературный журнал «Огни Кузбасса» «перелицевали» в литературный журнал «Писателей России». Видимо нашим областным литературным вождям захотелось «переместиться» с областного уровня на более высокий — всероссийский. Но, вероятно, «наверху» их не заметили: много там и журналов таких, и литераторов. В итоге и ни там, и ни тут.

«...На губернаторском приёме в честь Года Литературы в России, нам пришлось услышать упреки от руководства области, что нас не знают не только в России, но даже и в Кузбассе, что кузбасские писатели не имеют ни одного лауреата Нобелевской или Букеровской премии...», — сообщает в своей статье Бурмистров Б.В.

Серьёзные упреки! Хотя, надо сказать, что и «критики» хватило так, что ого-го!

Общезвестно, что сегодня Нобелевскую или Букеровскую премию дают только тем авторам, которые оголтело лают на Россию, перевирают историю.

Вот пример из истории: Льва Николаевича Толстого за его книгу «Война и мир» пытались номинировать на нобелевскую премию. Он отказался: не захотел получать ни большой денежной премии, ни участвовать во всей этой процедуре.

А ведь книга-то его такая громадина, что мало кому удавалось поднять такой груз во всей стране, не говоря уже о Кузбассе. Как известно, все начальные произведения молодого Льва Николаевича: «Детство», «Севастопольские рассказы» и другие, впервые были опубликованы в литературном журнале «Современник» (издавал его поэт Н.А. Некрасов). Написав первый рассказ «Детство», Лев Николаевич долго не решался публиковать его, затем отправил рукопись в редакцию «Современника». В сопроводительном письме к рукописи просил Некрасова посмотреть рукопись и сообщить автору: возможна ли публикация рассказа в журнале?

В ответном письме Некрасов сообщил Льву Николаевичу, что публикация рассказа в журнале возможна, и первый рассказ нового автора редакция опубликует бесплатно. Стоимость же последующих публикаций будет равняться: 50 рублей серебром за каждый лист.

Позднее Лев Николаевич начал работать в редакции журнала «Современник», где в это же время работал Тургенев И.С.. Сотрудничали с журналом Тютчев Ф.И., Гончаров А.А., Майков А.Н. и другие российские литераторы. Многие из них поздние стали известными российскими писателями, затем признаны классиками русской литературы.

Л.Н. Толстой обрёл известность в читающей России после публикации рассказа «Детство», а после публикации «Севастопольских рассказов» популярность его настолько выросла, что издатели других журналов и газет умоляли автора: «Дай, хоть что-нибудь и нам!..»

Как мы смотримся в этом свете, ответить можно одним словом — бледно! Почему? Потому, что у нас другое мышление, мы боимся создавать кумиров. Мы говорим: «Не дай Бог создать кумира себе и людям».

Да кумиры могут уходить в сторону от своих создателей, но гении вырастают только из кумиров. Как бы этого нам ни хотелось. Возможно, что именно поэтому ЗЕМЛЯ КУЗНЕЦКАЯ до сего дня не создала ещё ни одного прозаика и поэта равновеликого Толстому Л.Н., Достоевскому Ф.М., Некрасову Н.А., Шолохову М.А., Шишкову В.Я., Евтушенко А.И., Валентину Распутину, Виктору Астафьеву, Андрею Дементьеву. Их уровня у нас пока ещё никто не достиг.

Возможно, такое положение дел ещё и от того, что у нас до сих пор этого никто и не захотел. Вообще-то, хорошие прозаики и поэты у нас были и есть: это и Борис Бурмистров, и Александр Катков, и Дмитрий Мурзин, и Анатолий Иленко, и Александр Расевский (новокузнецкий поэт), ранее публиковавшие свои произведения в возглавляемой мной «Усятской россыпи», и некоторые другие. Мне близко творчество кемеровского поэта Валерия Козлова. Возможно, потому, что он ещё и авиатор, мой коллега.

Четверостишие из одного его стихотворения:

«...Над аэродромом тишина
И печальный свет Кассиопеи.

Здравствуй, вертолётная страна,
Думал, что к тебе я не успею...»

я поставил эпиграфом к своему рассказу «Полетаем ещё».

Очень высоко я оцениваю литературное творчество нашего кемеровского прозаика Владимира Мазасва. Рассказы Вилия Рудина: «Три года дьявольщины» и о комдиве В.И. Полосухине (уроженце Новокузнецкого района, участвовавшего в Битве за Москву и погибшего там поздней осенью 1941 года), я читал с великим удовольствием и волнением.

А, повестью «Бикфордов шнур», автором которой является новокузнецкий прозаик Анатолий Ябров, просто зачитывался. В повести автор поведал своим читателям о событиях и ситуации складывавшейся в Западной Украине после её освобождения Красной Армией, о махровом украинском национализме и бандеровщине. Повесть написана автором лет двадцать тому назад, но читается она так, словно речь идёт о сегодняшнем дне в Украине.

Хорошим кузбасским прозаиком считаю я и кемеровчанина Сергея Павлова, в прошлом работавшего МВД. Который, видимо, имея доступ к архивам МВД, фактически является первооткрывателем публикаций в открытой печати области о репрессиях 1930-х годов, происходивших на территории нашей области. О репрессиях в отношении священнослужителей.

Наверняка есть у нас в области и другие не менее известные авторы — про-

заики и поэты. Но кто пропагандировал их творчество? Кто сделал их произведения достоянием общества? Разве не это главная задача действующего Союза писателей?

В материалах, который я использовал при написании этого письма, сообщается противоречивая информация по данному вопросу. В частности, есть интервью с Борисом Бурмистровым, о литературной жизни в городе Новокузнецке. В интервью Борис Васильевич говорит: «...Что касается Новокузнецка, то в какой-то степени с этим городом утеряны литературные связи, виной тому местечковый сепаратизм, завладевший сознанием некоторых индивидов. Мы живём в одной области, в Кузбассе, в России, и умные люди понимают, что цели у нас должны быть едины — нести слово доброе, незамутнённое мелкопузырчатых проблемами... Отношение администрации Новокузнецка к писателям оставляет желать лучшего...».

Именно о литературной жизни Новокузнецка и городов юга Кузбасса я и веду свой рассказ. Сразу нужно сказать, что в литературном Новокузнецке давно уже нет (к великому сожалению) литературного общества города) Любови Никоновой (умерла), нет Бориса Рахманова (уехал) и других. Писательство Новокузнецка и округа другое уже как минимум лет десять. Изредка лишь появляется где-нибудь Александр Расвский, да промель-

кает — Николай Ничик, члены Союза писателей России.

В Прокопьевске — Михаил Анохин, единственный в городе член «СПК» и «СПР» (Союза писателей Кузбасса и Союза писателей России), так же как и его новокузнецкие коллеги «на людях» почти не появляются.

Но, на мой взгляд, литературная жизнь в городе кипит: действуют литературные объединения, клубы, проходят встречи и фестивали. Правда большая часть работы проходит не в рамках новокузнецкого отделения Союза писателей России, который толи есть в городе, толи скромно себя не афиширует.

В это же время по всей стране ведущее писательство плачет и стонет, так же как плачет в своей статье наш главный писатель области Борис Бурмистров. Изменилось время, изменились люди, но долг большого писателя, а тем более руководителя писательского коллектива идти в массы, привлекать к себе новых, интересных и талантливых авторов. Приятно, что появился в области «...альманах «Говорит 21 век», в который вошли стихи, проза, публицистика молодых литераторов Кузбасса — победителей одноименного конкурса, который и дал название альманаху» (статья Иосифа Куралова «Кузбасскую литературу возвращают из андеграунда»). А это опять-таки Кемерово — областная столица. Что же делать авторам из провинции, из глубинки?

Нужно отметить и нашу провинциальную, окраинно-городскую литературную жизнь и деятельность, которую никто не

организует, почти никто не помогает и никто не обращает на неё никакого внимания (в том числе и Бурмистров Б.В.). У нас всё делается за счёт участников литературных сообществ: в складчину, со сбережений из своих не великих заработных плат (кто работает), со сбережений из своих пенсий (кто пенсионер).

В родном моём городе Прокопьевске действуют три литературных клуба: — «Вдохновение» (городской литературный клуб), руководителем и создателем которого, на протяжении четверти века является Руденко Любовь Геннадьевна, культпросвет работник по своему образованию;

— «Маяк» (городской литературный клуб, зародившийся более десяти лет тому назад при библиотеке ДК имени Владимира Маяковского, на Тыргане), руководителем и организатором которого являлась Бабушкина Галина Николаевна (заведующая библиотекой), несколько лет тому назад переехавшая на ПМЖ в черноморский город Анапу. «Эстафету» руководителя «Маяка» приняла от Галины Николаевны Дина Сабынина (Нагорнова);

— Союз любителей поэзии (СЛП) «Кузбасский родник», руководителем и создателем которого, является Лукьянова Людмила Павловна, школьный учитель русского языка и литературы по образованию.

Старейшим городским литературным

клубом «Вдохновение», за двадцать семь лет существования выпущено шесть поэтических сборников. В каждом сборнике представлено литературное творчество всех членов клуба изъявивших желание опубликовать свои произведения в нём.

Союзом любителей поэзии (СЛП) «Кузбасский Родник», действующим в городе уже около десяти лет, выпущено 25 (двадцать пять) коллективных литературных сборников (стихов и прозы), что, по моему мнению, фантастика. Кроме литературных сборников, Союзом любителей поэзии (СЛП) «Кузбасский Родник» выпущена Хрестоматия по региональному компоненту (в двух томах), с названием «Книга которую ждали». Лукьянова Л.П., как школьный учитель понимает, каких знаний недостаёт сегодня ученикам наших средних школ, и в соответствии с этими требованиями планирует выпуск того или иного сборника. Объём томов, этих учебников, перешагнул за 300 страниц. На

страницах учебника, представлены произведения более сотни авторов Южно-Кузбасского литературного региона.

В 2019 году Союз любителей поэзии (СЛП) «Кузбасский Родник» выпустил 25-ю книгу «Поэзия Сибири — АНТОЛОГИЯ». Объём книги немногим меньше 400 страниц, на которых размещены стихи более чем 150-ти авторов.

К слову, необходимо отметить, что учебники: «Хрестоматия», Писатели Кузбасса; Проза, поэзия» и «Антология» — 20-й век, Русская — Сибирская поэзия» выпускались в 2007-м и 2008-м годах, рабочими группами составителей состоявших из членов Союза писателей Кузбасса (при финансовой поддержке администрации Кемеровской области, администраций многих городов и районов Кемеровской области; и других спонсоров).

Ясное дело, что в этих бесспорно хороших и дорогостоящих книгах и учебниках, не отражены литераторы нашего времени, «нашего региона и уровня». А время идёт, поэтому школьный учитель Лукьянова Л.П. считает, что этот недостаток, или несправедливость, или пробел... необходимо устранить. Естественно — за свой счёт, в складчину! И об этом необходимо поговорить отдельно.

После августовских событий 1991 года и последующего за этим «самороспуска» нашей бывшей большой и общей страны, в которой писательские организации («Союз писателей СССР» и «Союз писателей РСФСР») являлись государственными институтами. Иде членам тех писательских Союзов и зарплата, и гонорары, и много чего ещё... выплачивало Государство. Во вновь образованном же Государстве — «Российская Федерация», все писательские и другие им подобные Союзы были исключены из состава Государственных структур и переведены в состав Общественных организаций. Отчего в одночасье многие известные в стране и, как казалось, влиятельные люди стали никому не нужными безработными. Произойшедшее, в общем, не являлось нововведением. Поскольку во всём мире так. Так же было и в дореволюционной царской России — где, зарплаты писателям государство не платило. Ясное дело, что после изменения статуса писательских и других «Союзов» все они распались, как минимум, на две части:

— одни, как правило, состоявшие из более известных их членов, начали закрепляться где-то в околоставных структурах, где пусть и нерегулярно, но, всё же платили;

— другие, никому неизвестные, но более молодые и предприимчивые, начали создавать повсюду коммерческие писательско-издательские организации, деятельность которых строилась на платных условиях и услугах.

Не обошло это лихо и нашу область. В начале моей литературной деятельности (в конце 1990-х годов — начале 2000-х годов) в Новокузнецке действовал один частный коммерческий литературно-художественный журнал «Озарение». Руководителем и создателем этого журнала (насколько мне известно) являлась совсем ещё молодая тогда новокузнецкая поэтесса Ирина Малкова.

Журнал «Озарение» по своим оформительским и полиграфическим данным в те годы был хорош (выпускался на относительно хорошей бумаге, набирался средним шрифтом; каждая новая публикация представлялась хорошей фотографией автора и качественными рисунками почти на каждой журнальной странице и так далее). Содержание же публикуемого материала, явно желало быть лучшим. На мой взгляд, многое из публикуемого в журнале и на платной основе публиковать не следовало. Выпускался журнал четыре раза в год, по сезонам: весна, лето, осень и зима.

В осеннем номере журнала 2003-го года я опубликовал свою двухполосную подборку стихов. К этому времени я не являлся новичком в писательском деле, поскольку на протяжении трёх лет отработал редактором одной из еженедельных общественно-политических городских газет в Прокопьевске. Имел много своих публикаций, поэтому попросил издателя литературного журнала показать мне сверстанные гранки моих страничек, перед тем как ставить их в номер. На что получил категоричный отказ.

«У меня много вас — авторов, мне некогда согласовывать с каждым готовящиеся к публикации материалы», — приблизительно так ответила мне Малкова. После этого у меня возникло желание отказать от оказываемой мне издателем «услуги». И всё же подборка моих стихов в журнале вышла, никаких претензий к издателю у меня не было.

Тем не менее, дальнейшее моё сотрудничество с журналом не сложилось, публиковать ещё что-то в «Озарении» я больше не хотел. И не потому, что стоимость публикаций там была высокой (если мне не изменяет память — 750 рублей за одну страничку, 1500 рублей за две странички), а потому, что мне не понравилось неуважительное отношение ко мне издателя.

Распространение журнала издатель проводил с помощью своих же авторов: за каждую оплаченную страничку выдавал авторам по десять журналов. Стоимость одного журнала, автору обходилась в 75 рублей, что было солидным и не дорогим удовольствием и в то время.

Несмотря на отмеченные недостатки, литературно-художественный журнал-альманах «Озарение» был популярен и в Новокузнецке, и нашей области, и во всей стране, поскольку в нём публиковались авторы со всей России.

Кроме журнала, его руководители создали широко разветвлённую сеть своих сторонников и клиентов, которую назвали «Страной Озарения» — «Союзом творческих сил» (СТС) «Озарение». Представительства СТС «Озарения» были открыты почти во всех городах и населённых пунктах нашей области, во многих городах нашей страны, и даже в некоторых странах мира. Казалось бы, потрясающий успех! Однако, через непродолжительное

заики и поэты. Но кто пропагандировал их творчество? Кто сделал их произведения достоянием общества? Разве не это главная задача действующего Союза писателей?

В материалах, который я использовал при написании этого письма, сообщается противоречивая информация по данному вопросу. В частности, есть интервью с Борисом Бурмистровым, о литературной жизни в городе Новокузнецке. В интервью Борис Васильевич говорит: «...Что касается Новокузнецка, то в какой-то степени с этим городом утеряны литературные связи, виной тому местечковый сепаратизм, завладевший сознанием некоторых индивидов. Мы живём в одной области, в Кузбассе, в России, и умные люди понимают, что цели у нас должны быть едины — нести слово доброе, незамутнённое мелкопузырчатых проблемами... Отношение администрации Новокузнецка к писателям оставляет желать лучшего...».

Именно о литературной жизни Новокузнецка и городов юга Кузбасса я и веду свой рассказ. Сразу нужно сказать, что в литературном Новокузнецке давно уже нет (к великому сожалению) литературного общества города) Любови Никоновой (умерла), нет Бориса Рахманова (уехал) и других. Писательство Новокузнецка и округа другое уже как минимум лет десять. Изредка лишь появляется где-нибудь Александр Расвский, да промель-

время популярность журнала «Озарение» в Кузбассе начала падать. Почему? Вопрос остался открытым.

Тем не менее, без каких-либо преувеличений говорю, что издательский «го-лод» у начинающих писателей в нашем регионе был ликвидирован полностью этим литературно-художественным коммерческим журналом и последующими за ним другими подобными печатными изданиями.

Здесь же можно добавить и сказать ещё лишь то, что если бы эту работу выполнил областной литературный журнал «Огни Кузбасса» (ОК), то рейтинг его и значение в области поднялся бы до небес. Но, «ОК» самоустранился от этой большой и насущной областной проблемы, погнался за «журавлём в небе» а «маленькую синичку» из своей руки выпустил.

Как редактор и издатель более чем с десятилетним стажем, я понимаю, что проще сделать хороший и содержательный журнал или газету из материалов уже состоявшихся литераторов всей страны, чем возиться со своими начинающими авторами и писателями, редактируя и подправляя их наброски (как правило, и в большинстве своём, очень слабые).

Но какая польза области от такой работы? Никакой! Поэтому и «шагает» по нашей стране литературный журнал «ОК», едва перевалив через тираж аж в одну тысячу экземпляров, украшенный припиской: «По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, которую они несут, будет значительной». Смешно?!

Что значит для всей России журналист «ОК» с тиражом чуть более одной тысячи экземпляров? И как может осветить всю Россию малюсенький лучик света, выпускаемый им? Да никак, что с «лучиком» темно, что без него, как во всей стране, так и в области. Поэтому-то и говорить, что «...нас везде знают...», считаю очень преувеличенным самомнением. Знают, но, в очень малом и тесном кругу: пишущие люди, кое-кто из работников библиотек, ну и небольшое число любителей поэзии и просто читающих людей. И всё! В нашей области! А про всю страну и говорить нечего.

Вернувшись к высвеченному Бурмистровым Борисом Васильевичем вопросу «зарабатывания писателями денег», отвечу: «Ну, а как же иначе, дорогой мой коллега? И Пушкин А.С., и Некрасов Н.А., и Чехов А.П., и Достоевский Ф.М., и Толстой Л.Н., и многие другие известные литераторы продавали свой литературный товар читателям. Этим и жили. При этом, надо сказать, что жили они не всегда сыто, поскольку литературный товар производимый писателями во все времена (за исключением советского времени) являлся не очень-то ходовым и прибыльным. От этого все, или почти все писатели прежних столетий жили в долг».

Исключением являлась, может быть, литературная деятельность Льва Николаевича Толстого, у которого его литературная работа стала семейным бизнесом (выражаясь современным языком).

Итак, к вопросу «о зарабатывании писателями денег». Говоря о нерентабельности своего газетного производства, я пришёл к выводу, что сделать литературную газету Альманах рентабельным делом, наверное, и невозможно. Потому, что нет рынка сбыта выпускаемой продукции: бывшая система «Союзпечати» приказала долго жить, а то, что возникло после неё мелкому производителю «не по зубам». Судите сами: в Прокопьевске возродившаяся «Кузбасспечать» небольшое число газет на реализацию берёт, но за сорок процентов от общей суммы полученной выручки. В Новокузнецке две организации торгуют газетами: «Росспе-

чать» и «Вести Ч». Обе соглашаются пойти на сотрудничество только в том случае, если поставщик ежемесячно будет перечислять торгующим организациям (предоплатой) около двадцати тысяч рублей (так же говорили и в городе Белово; наверное, так же ответили бы и в других городах). Для поставщиков крупных партий товара (к тому же ещё и реализуемого), какими являются в основном крупные столичные издатели, такие условия приемлемы. Для мелких — нет.

И получается, что для таких производителей свой литературно-газетное производство невозможно. Поэтому и остаются для нас только душевное и моральное удовлетворения от своих бесспорно нужных дел.

«...Люди должны дотягиваться до высокой культуры, а не культура опускаться до животных потребностей», — говорит в своей статье Борис Бурмистров. Возможно, он прав. Однако не обязательно культуре опускаться до «животных потребностей», необходимо идти к тем людям, которые тянутся к культуре и к тем, кому сегодня заморочили головы примитивными шоу, мыльными операми и прочими

глянцевыми изданиями, пропагандирующими сказки о Золушках, о богатствах упавших на голову и прочей дребедени. Когда приходишь в книжный магазин и видишь там маленькие брошюры местных авторов, скромненько стоящие на отдельных полочках магазина, то невольно думаешь о несоответствии «громких» заявлений, произносимых писателями, в ответ на то, что читатели не покупают их книги.

Как-то Лукьянова Людмила Павловна (основатель «Кузбасского родника») в сердцах сказала, что в Прокопьевске не покупают поэтические сборники даже Виктора Савинкова (поэта-шахтёра, человека прожившего сложную и суровую жизнь). Досадная правда! Не хотят люди читать. Молодые с головой «уходят» в Интернет.

И как нам быть, и что нам делать? С обидой «воткнуть штык в землю» и, плюнув в это место, развернуться и уйти в свою обитель, с руганью на «низкую культуру» наших читателей. Так что ли? Или всё же работать и улучшать качество выпускаемого нами литературного «товара»? Идти к читателю, в том числе, через мировую паутину Сети! Конечно, нужно работать, улучшать, улучшать и улучшать!

По моему мнению, ныне поэзия находится в более «крутом пике» (выражаясь авиационным языком) чем проза. Возможно, так было всегда, потому что поэтов во все времена было больше. Есть такая шутка: если палку бросить в толпу, то обязательно попадёшь в поэта. То есть стихи пишут многие, есть и талантливые поэты, но не всё их творчество доходит до читателя.

О потере Дома литераторов, из-за чего

Бурмистров Б.В. взмолился. Считаю, что любая приличная и солидная организация (пусть и общественная) должна иметь свой офис, в котором она проводит мероприятия, куда могут прийти литераторы, художники... Хотя, как нам сообщает автор статьи: «за Уралом, наша областная писательская организация была единственной, имевшей такой ДОМ...». Кроме «Дома Литераторов» (ДЛ) в городе Кемерово, в нашей области есть ещё и «Дом творческих союзов» (ДТС) в городе Новокузнецке, в котором собраны вместе (имеют свои представительства) и писатели, и художники, и журналисты, и другие творческие организации. И как-то уживаются там, под одной крышей. В Прокопьевске есть небольшая «Дом общественных организаций» (ДОО), но литературное сообщество города в «ДОО» не представлено.

Несмотря на то, что в городах Кемерово и Новокузнецк есть конкретные и официальные места, где могут встречаться и работать литераторы, из своего опыта знаю (и как сообщает в своей статье Бурмистров Б.В.), что активной и плодотворной писательской работы там не происходит. Почему?

Может быть потому, что в некоторых учреждениях культуры трудятся не очень культурные сотрудники, позволяющие себе и громкие окрики, и грубости? Случаются в учреждениях культуры и явления «собственной гениальности», гордыни, переселёвающей через край. Может быть, от этого и не тянется народ к бескультурной и гордой культуре?

В Прокопьевске ни Дома литераторов, ни Дома творческих Союзов нет! От этого литературная жизнь в городе проходит «в съёмных помещениях». Члены клуба «Вдохновение» много лет подряд, ежемесячно встречались в гостинной «ДК» имени Горького, на Ясной Поляне, где работала директором их руководитель Руденко Л.Г. Потом несколько лет подряд — в «Зале досуга» Центральной городской библиотеки. Теперь в клубе посёлка Новостройка Прокопьевского района, где теперь работает директором их руководитель.

Члены Союза любителей поэзии «Кузбасский Родник», презентации своих литературных сборников много лет подряд проводили в актовом зале городской школы № 1. В настоящее время — в городском ресторане «Славянский базар». При этом и выпуск книг, и оплата за пользование рестораном делается в складчину из личных финансовых сбережений авторов, опубликовавших в выпущенных книгах свои произведения.

Вот такие литературные дела в нашем краю области. И как можно называть такую самоорганизацию людей по интересам, их низкой культурой?

Работая над этим письмом, встретил я одного своего знакомого, постоянного автора «Устьтской россыпи» и спросил,

как он относится к статье Бурмистрова Б.В.? «Да никак! — ответил он, — нами Бурмистров не занимался, ни какой помощи не оказывал, держался от нас на удалении. Будет оказывать ему помощь новая областная администрация, не будет ли... Нам от этого ни холодно, ни жарко. Поскольку нам, в любом случае, ничего не достанется. Мы как раньше делали своё дело за свой счёт, так и дальше делать его будем. Понимаете ещё в своё удовольствие и во славу нашего Отечества».

Как-то года два или три тому назад, в Центральной библиотеке города Прокопьевска, проходила встреча Бориса Бурмистрова и Александра Каткова с общественностью и литераторами города. Проведённую встречу, если говорить современным языком, можно назвать «мастер-классом»: кемеровские высокие гости читали нам свои стихи и кратко отвечали на вопросы.

Я спросил Бориса Васильевича, почему он не собирает под своим началом всё пишущее население области. «А кто будет делать это, нас всего четыре человека», — несколько удивлённо и раздражённо ответил тогда он. Теперь, по всей видимости, и четырёх человек у него нет. Поэтому, о каком движении вперёд можно вести разговор.

Четверть века (25 лет), с 1993 года, Бурмистров Б.В. возглавляет Союз писателей Кузбасса. Конечно, время его правления — уже постсоветское, когда писательство перестало быть Институтом государства, и не являлось той силой, какой было в советские времена. Однако, и в эти годы были светлые дни в жизни возглавляемой им областной писательской организации (пусть и общественной организации), когда писателям Кузбасса и «Дом литераторов» выделили, и типография у них была. А типография для областной писательской организации всё равно, что «свечной заводик» для любой церквушки. Не смогли или не захотели писатели воспользоваться такой удачей? Этого я не знаю. Одно знаю: упущенное уже не вернуть; теперь, жизнь сама будет расставлять всё по своим местам своей жестокой и безжалостной рукой.

Возможно, обидится Борис Васильевич на меня за это письмо, но в нём я изложил мысли навеянные его посланием, мою правду. А «в правде — сила», как говорит и считает он сам.

Есть старая восточная мудрость или поговорка: «Если гора не идёт к Магомету, то Магомет идёт к горе!» К этому мудрому изречению хочу добавить: если, сходя к горе, Магомет не получил то, чего ему хотелось бы получить, тогда он начинает шевелить мозгами и строить дела и жизнь таким образом, чтобы в дальнейшем ему не было необходимости постоянно оглядываться на «гору». Сверять по ней свои начинания и искать опору в ней.

Приблизительно по такому образцу и подобию строится наша провинциальная и окраинная литературная деятельность и жизнь, которая имеет перспективы. Пусть не столь великие и не столь значимые, как в недавнем прошлом, в нашей стране, но не дающие загнать Русскую литературу и её костерку на места.

Как будут идти литературные дела у нас, в области и во всей стране в ближайшем будущем, сказать трудно. Хочется верить, что и в дальнейшем наша РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА на РУСИ не умрёт, как бы этого не хотелось забулгоны и кое-кому из их сторонников в рядах наших соотечественников.

С уважением

Анатолий Гуляев,

член Союза журналистов России,

главный редактор

ЛХГА «Устьтская россыпь».

11 марта 2019 года.

г. Новокузнецк.